

ИВ. БУНИНЪ

201-01
561-2

Грамматика любви

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

БЪЛГРАДЪ
1929

~~31 3756~~

Печатается въ количествѣ 2.000 экземпляровъ.

Mr. Tynny

Избранные рассказы

Грамматика любви

Нѣкто Ивлевъ ѣхалъ однажды въ началѣ юня въ дальній край своего уѣзда.

Тарантасъ съ кривымъ пыльнымъ верхомъ далъ ему шуринъ, въ имѣннн котораго онъ проводилъ лѣто. Тройку лошадей, мелкихъ, но справныхъ, съ густыми сбитыми гривами, нанялъ онъ на деревнѣ, у богатаго мужика. Правиль ими сынъ этого мужика, малый лѣтъ восемнадцати, тупой, хозяйственный. Онъ все о чемъ-то недовольно думалъ, былъ какъ будто чѣмъ-то обиженъ, не понималъ шутокъ. И, убѣдившись, что съ нимъ не разговоришься, Ивлевъ отдался той спокойной и безцѣльной наблюдательности, которая такъ идетъ къ ладу копытъ и громыханію бубенчиковъ.

Ѣхать сначала было очень пріятно: теплый, тусклый день, хорошо накатанная дорога, въ поляхъ множество цвѣтовъ и жаворонковъ; съ хлѣбовъ, съ невысокихъ сизыхъ ржей, простиравшихся насколько глазъ хватить, дулъ сладкій вѣтерокъ, несъ по ихъ косякамъ цвѣточную пыль, мѣстами дымилъ ею, и вдали отъ нея было даже туманно. Малый, въ новомъ картузѣ и неуклюжемъ люстриновомъ пиджакѣ, сидѣлъ прямо; то, что лошади были всецѣло ввѣрены ему и что онъ былъ наряженъ, дѣлало его особенно серьезнымъ. А лошади кашляли и не спѣша бѣжали, валекъ пристяжки порою скребъ по колесу, порою нативался, и все время мелькала подъ нимъ бѣлой сталью стертая подкова.

— Къ графу будемъ заѣзжать? — спросилъ малый.

не оборачиваясь, когда впереди показалась деревня, замыкавшая горизонт своими лозинами и садомъ.

— А зачѣмъ? — сказалъ Ивлевъ.

Малый помолчалъ и, сбивъ кнутомъ прилипшаго къ лошади крупнаго овода, сумрачно отвѣтилъ:

— Да чай пить...

— Не чай у тебя въ головѣ, — сказалъ Ивлевъ. — Все лошадей жалѣешь.

— Лошадь ѣзды не боится, она корму боится, — отвѣтилъ малый наставительно.

Ивлевъ поглядѣлъ кругомъ: погода поскучила, со всѣхъ сторонъ натянуло линючихъ тучъ, и уже накрапывало — эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями... Старикъ, пахавшій возлѣ деревни, сказалъ, что дома одна молодая графиня, но все-таки заѣхали. Малый натянулъ на плечи армякъ и, довольный тѣмъ, что лошади отдыхаютъ, спокойно мокъ подъ дождемъ на козлахъ тарантаса, остановившагося среди грязнаго двора, возлѣ каменнаго корыта, вросшаго въ землю, истыканную копытами скота. Онъ оглядывалъ свои сапоги, поправлялъ кнутовищемъ шлею на коренникѣ; а Ивлевъ сидѣлъ въ темнѣющей отъ дождя гостинной, болталъ съ графиней и ждалъ чая; уже пахло горячей лучиной, густо плылъ мимо открытыхъ оконъ зеленый дымъ самовара, который босая дѣвка набивала на крыльцѣ пуками ярко пылающихъ кумачнымъ огнемъ щепокъ, обливая ихъ керосиномъ. Графиня была въ широкомъ розовомъ капотѣ, съ открытой напудренной грудью; она курила, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои туги и круглыя руки; затягиваясь и смѣясь, она все сводила разговоръ на любовь, и между прочимъ рассказывала про своего близкаго сосѣда, помѣщика Хвощинскаго, который, какъ зналъ Ивлевъ еще съ дѣтства, всю жизнь былъ помѣшанъ на любви къ своей горничной Лушкѣ, умершей въ ранней молодости. — „Ахъ, эта легендарная Лушка! — замѣтилъ Ивлевъ шутливо, слегка конфузясь своего признанія. — Оттого, что этотъ чудакъ обоготворилъ ее, всю жизнь посвятилъ сумасшедшимъ мечтамъ о ней, я въ мо-

лодости былъ почти влюбленъ въ нее, воображалъ, думая о ней, Богъ знаетъ что, хотя она, говорятъ, совсѣмъ не хороша была собой. — „Да? — сказала графиня, не слушая. — Онъ вѣдь, знаете умеръ нынѣшней зимой. И Писаревъ, единственный, кого онъ иногда допускалъ къ себѣ по старой дружбѣ, утверждаетъ, что во всемъ остальномъ онъ нисколько не былъ помѣшанъ, и я вполне вѣрю этому — просто онъ былъ не теперешнимъ чета...“ Наконецъ, босая дѣвка съ необыкновенной осторожностью подала на старомъ серебряномъ подносѣ [стаканъ] крѣпкого сиваго чая изъ прудовки и корзиночку съ печеньемъ, засиженнымъ мухами.

Когда поѣхали дальше, дождь разошелся уже по настоящему. Пришлось поднять верхъ, закрыться калянымъ, ссохшимся фартукомъ, сидѣть согнувшись. Громыхали глухарями лошади, по ихъ темнымъ и блестящимъ ляжкамъ бѣжали струйки, подъ колесами шуршали травы какого-то рубежа среди хлѣбовъ, гдѣ малый поѣхаль въ надеждѣ сократить путь, подъ верхомъ собирался теплый ржаной духъ, мѣшавшійся съ запахомъ стараго тарангаса... — „Такъ вотъ оно что, Хвоцинскій умеръ, — думалъ Ивлевъ. — Надо непременно заѣхать, хоть взглянуть на это опустѣвшее святилище таинственной Лушки... Но что за человѣкъ былъ этотъ Хвоцинскій? Сумасшедшій или просто какая-то ошеломленная, вся на одномъ сосредоточенная душа?“ По рассказамъ стариковъ-помѣщиковъ, сверстниковъ Хвоцинскаго, онъ когда-то слылъ въ уѣздѣ за рѣдкаго умницу. И вдругъ свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потомъ неожиданная смерть ея, — и все пошло прахомъ: онъ затворился въ домѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жила и умерла Лушка, и больше двадцати лѣтъ просидѣлъ на ея кровати — не только никуда не выѣзжалъ, а даже у себя въ усадьбѣ не показывался никому, насквозь просидѣлъ матрацъ на Лушкиной кровати и Лушкиному вліянію приписывалъ буквально все, что совершалось въ мірѣ: гроза заходитъ — это Лушка насылаетъ грозу, объявлена война — значить такъ Лушка рѣшила, неурожай случился — не угодили мужики Лушкѣ...

— Ты на Хвоцинское, что ли, ѣдешь? — крикнулъ Ивлевъ, высовываясь подъ дождь.

— На Хвоцинское, — невнятно отозвался сквозь шумъ дождя малый, съ обвисшаго картуза котораго уже текла вода. — На Писаревъ верхъ...

Такого пути Ивлевъ не зналъ. Мѣста становились все бѣднѣе и глуше. Кончился рубежь, лошади пошли шагомъ и спустили покосившійся тарантасъ размытой колдобиною подъ горку, въ какіе-то еще некошенныя луга, зеленые скаты которыхъ грустно выдѣлялись на низкихъ тучахъ. Потомъ дорога, то пронадая, то возобновляясь, стала переходить съ одного бока на другой по днищамъ овраговъ, по буеракамъ въ ольховыхъ кустахъ и верболозахъ... Была чья-то маленькая пасѣка, нѣсколько колодокъ, стоявшихъ на скатѣ въ высокой травѣ, красивѣющей земляникой... Обѣлали какую-то старую плотину, потонувшую въ крапивѣ, и давно высохшій прудъ — глубокую яругу, заросшую бурьяномъ выше человѣческаго роста... Пара черныхъ куличковъ съ плачемъ метнулась изъ нихъ въ дождливое небо... А на плотинѣ, среди крапивы, мелкими блѣдно-розовыми цвѣточками цвѣлъ большой старый кустъ, то милое деревцо, которое зовутъ „Божьимъ деревомъ“, — и вдругъ Ивлевъ вспомнилъ мѣста, вспомнилъ, что не разъ ѣздилъ тутъ въ молодости верхомъ...

— Говорять, она тутъ утопилась-то, — неожиданно сказалъ малый.

— Ты про любовницу Хвоцинскаго, что ли? — спросилъ Ивлевъ. — Это неправда, она и не думала топиться.

— Нѣтъ, утопилась, — сказалъ малый. — Ну, только думается, онъ скорѣй всего отъ бѣдности отъ своей сшелъ съ ума, а не отъ ней...

И, помолчавъ, грубо прибавилъ:

— А намъ опять надо заѣзжать... въ это, въ Хвоцино-то... Ишь, какъ лошади-то уморились!

— Сдѣлай милость, — сказалъ Ивлевъ.

На бугрѣ, куда вела оловянная отъ дождевой воды дорога, на мѣстѣ сведеннаго лѣса, среди мокрой, гниющей щепы и листвы, среди пней и молодой осиновою поросли,

горько и свѣжо пахнувшей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругомъ, — только овсянки, сидя подѣ дождемъ на высокихъ цвѣтахъ, звенѣли на весь рѣдкій лѣсъ, поднимавшійся за избою, но, когда тройка, шлепая по грязи, поровнялась съ ея порогомъ, откуда-то вырвалась цѣлая орава громадныхъ собакъ, черныхъ, шоколадныхъ, дымчатыхъ, и съ яростнымъ лаемъ закипѣла вокругъ лошадей, взвываясь къ самымъ ихъ мордамъ, на лету перевертываясь и прядая даже подѣ верхъ тарантаса. Въ то же время и столь же неожиданно небо надѣ тарантасомъ раскололось отъ оглушительнаго удара грома, ни разу не гремѣвшаго за весь день, а малый съ остервененіемъ кинулся драть собакъ кнутомъ, и лошади вскачь понесли среди замелькавшихъ передѣ глазами осиновыхъ стволъ...

За лѣсомъ уже видно было Хвощинское. Собаки отстали и сразу смолкли, дѣловито побѣжали назадѣ, лѣсъ разступился, и впереди опять открылись поля. Вечерѣло, и тучи не то расходились, не то заходили теперь съ трехъ сторонъ: слѣва почти черная, съ голубыми просвѣтами, справа—сѣдая, грохочущая непрерывнымъ громомъ, а съ запада, изъ-за хвощинской усадьбы, изъ-за косогоръ надѣ рѣчной долиной, — мутно-синяя, въ пыльных полосахъ дождя, сквозь которыя розовѣли горы дальнихъ облаковъ. Но надѣ тарантасомъ дождь рѣдѣлъ, и, приподнявшись, Ивлевъ, весь закиданный грязью, съ удовольствіемъ завалилъ назадѣ отяжелѣвшій верхъ и свободно вздохнулъ пахучей сыростью поля.

Онъ глядѣлъ на приближающуюся усадьбу, видѣлъ, наконецъ, то, о чемъ слышалъ такъ много, но по прежнему казалось, что жила и умерла Лушка не двадцать лѣтъ тому назадѣ, а чуть ли не во времена незапамятныя. По долину терялся въ кугѣ слѣдъ мелкой рѣчки, и надѣ ней летала бѣлая рыбалка. Дальше, на полугорѣ, лежали ряды сѣна, потемнѣвшіе отъ дождя; среди нихъ, далеко другъ отъ друга, раскидывались старые серебристые тополи. Домъ, довольно большой, когда-то бѣлѣный, съ блестящей, мокрой крышей, стоялъ на совершенно голомъ

мѣстѣ. Не было кругомъ ни сада, ни построекъ, — только два кирпичныхъ столба на мѣстѣ воротъ да лопухи по канавамъ. Когда лошади въ бродѣ перешли рѣчку и поднялись на гору, какая-то женщина въ лѣтнемъ мужскомъ пальто, съ обвисшими карманами, гнала по лопухамъ индюшекъ. Фасадъ дома былъ необыкновенно скученъ: оконъ въ немъ было мало, и всѣ они были невелики, сидѣли въ толстыхъ стѣнахъ. Зато огромны были мрачныя крыльца. Съ одного изъ нихъ удивленно глядѣлъ на подъѣзжающихъ молодой человѣкъ въ сѣрой гимназической блузѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, черный, съ красивыми глазами и очень миловидный, хотя лицо его было блѣдно и отъ веснушекъ пестро, какъ птичье яйцо.

Нужно было чѣмъ-нибудь объяснить свой заѣздъ. Поднявшись на крыльцо и назвавъ себя, Ивлевъ сказалъ, что хочетъ посмотрѣть и, можетъ быть, купить библиотеку, которая, какъ говорила графиня, осталась отъ покойнаго, и молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ и одергивая сзади свою блузу, тотчасъ повелъ его въ домъ. — „Такъ вотъ это и есть сынъ знаменитой Лушки!“ — подумалъ Ивлевъ, окидывая глазами все, что было на пути, и часто оглядываясь и говоря что попало, лишь бы лишній разъ взглянуть на хозяина, который казался слишкомъ моложавъ для своихъ лѣтъ. Тотъ отвѣчалъ поспѣшно, но односложно, путался, видимо, и отъ застѣнчивости и отъ жадности; что онъ страшно обрадовался возможности продать книги и вообразилъ, что сбудетъ ихъ недешево, сказалось въ первыхъ же его словахъ, въ той неловкой торопливости, съ которой онъ заявилъ, что такихъ книгъ, какъ у него, ни за какія деньги нельзя достать. Черезъ полутемныя сѣни, гдѣ была настлана красная отъ сырости солома, онъ ввелъ Ивлева въ большую переднюю.

— Тутъ вотъ и жилъ вашъ батюшка? — спросилъ Ивлевъ, входя и снимая шляпу.

— Да, да, тутъ, — поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ. — То-есть, конечно, не тутъ... они вѣдь больше всего въ спальнѣ сидѣли... но, конечно, и тутъ бывали...

— Да, я знаю, онъ вѣдь былъ боленъ, — сказала Ивлевъ.

Молодой человекъ вспыхнулъ.

— То-есть чѣмъ боленъ? — сказалъ онъ, и въ голосъ его послышались болѣе мужественныя ноты. — Это все сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только все читали и никуда не выходили, вотъ и все... Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не снимайте шляпу, тутъ очень холодно, мы вѣдь не живемъ въ этой половинѣ...

Правда, въ домѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Въ непривѣтливой передней, оклеенной газетами, на подоконникѣ печальнаго отъ тучъ окна стояла лубяная перепелиная клѣтка. По полу самъ собою прыгаль сѣрый мѣшочекъ. Наклонившись, молодой человекъ поймалъ его и положилъ на лавку, и Ивлевъ понялъ, что въ мѣшочкѣ сидитъ перепелъ; затѣмъ вошли въ залъ. Эта комната, окнами на западъ и на сѣверъ, занимала чуть ли не половину всего дома. Въ одно окно, на золотѣ разчищающейся за тучами зари, видна была столѣтняя, вся черная плакучая береза, въ остальные — высокій засыхающій акатникъ. Передній уголъ весь былъ занятъ божницей безъ стеколъ, уставленной и увѣшанной образами; среди нихъ выдѣлялся и величиной и древностью образъ въ серебряной ризѣ, и на немъ, желтѣя воскомъ, какъ мертвымъ тѣломъ, лежали вѣнчальныя свѣчи въ блѣдно-зеленыхъ бантахъ.

— Простите, пожалуйста, — началъ-было робко Ивлевъ, превозмогая стыдъ, — развѣ вашъ батюшка...

— Нѣтъ, это такъ, — пробормоталъ молодой человекъ, мгновенно понявъ его. — Они уже послѣ ея смерти купили эти свѣчи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель въ залѣ была топорная. Зато въ простѣнкахъ стояли прекрасныя горки, полныя съверху до низу фарфоровыми вещицами, хрусталемъ, чайной посудой и бокалами въ золотыхъ ободкахъ. А полъ весь былъ устланъ колѣвыми пчелами, которыя щелкали подъ ногами. Пчелами была усыпана и гостинная, совершенно пустая. Пройдя

ее и еще какую-то сумрачную комнату съ лежанкой, молодой человекъ остановился подлѣ низенькой двери и вынулъ изъ кармана брюкъ большой ключъ. Съ трудомъ повернувъ его въ ржавой замочной скважинѣ, онъ распахнулъ дверь, что-то пробормоталъ, — и Ивлевъ увидѣлъ каморку въ два окна; у одной стѣны ея стояла желѣзная голая койка, у другой — два книжныхъ шкапчика изъ корельской березы.

— Это и есть библіотека? — спросилъ Ивлевъ, подходя къ одному изъ нихъ.]

И молодой человекъ, поспѣшивъ отвѣтить утвердительно, помогъ ему растворить шкапчикъ и жадно сталъ слѣдить за его руками.

Престранныя книги составляли эту библіотеку! Раскрывалъ Ивлевъ толстые переплеты, отворачивалъ шершавую сѣрую страницу и читалъ: „Заклятое урочище“... „Утренняя звѣзда и ночные демоны“... „Размышления о таинствахъ мірозданія“... „Чудесное путешествіе въ волшебный край“... „Новѣйшій сонникъ“... А руки все-таки слегка дрожали. Такъ вотъ чѣмъ питалась та одинокая душа, что навсегда затворилась отъ міра въ этой каморкѣ и еще такъ недавно ушла изъ нея... Но, можетъ быть, она, эта душа, и впрямь не совсѣмъ была безумна? — „Есть бытіе, — вспомнилъ Ивлевъ стихи Баратынскаго, — есть бытіе, но именемъ какимъ его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье, — межъ нихъ оно, и въ человекѣ имъ съ безуміемъ граничить разумѣнье...“ Расчистило на западѣ, золото глядѣло оттуда изъ-за красивыхъ лиловатыхъ облаковъ и странно озаряло этотъ бѣдный пріютъ любви, любви непонятной, въ какое-то экстаическое житіе превратившей цѣлую человеческую жизнь, которой, можетъ, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной въ своемъ обаяніи Лушки...

Взявъ изъ-подъ койки скамеечку, Ивлевъ сѣлъ передъ шкапомъ и вынулъ папиросы, незаметно оглядывая и запоминая комнату.

— Вы курите? — спросилъ онъ молодого человека, стоявшаго надъ нимъ.

Тотъ опять покраснѣлъ.

— Курю, — пробормоталъ онъ и попытался улыбнуться. — То-есть не то что курю, скорѣе балуюсь... А, впрочемъ, позвольте, очень благодаренъ вамъ...

И, неловко взявъ папиросу, закурилъ дрожащими руками, отошелъ къ подоконнику и сѣлъ на него, загоравшая желтый свѣтъ зари.

— А это что? — спросилъ Ивлевъ, наклоняясь къ средней полкѣ, на которой лежала только одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенникъ, и стояла шкатулка, углы которой были обдѣланы въ серебро, потмнѣвшее отъ времени.

— Это такъ... ожерелье покойной матушки, — запнувшись, но стараясь говорить небрежно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста... хотя оно вѣдь очень простое... вамъ не можетъ быть интересно...

И, открывъ шкатулку, Ивлевъ увидѣлъ заношенный шушукъ, снизу очень дешевенькихъ голубыхъ шариковъ, похожихъ на каменные. И такое волненіе овладѣло имъ при взглядѣ на эти шарики, нѣкогда лежавшіе на шеѣ той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образъ уже не могъ не быть прекраснымъ, что зарябило въ глазахъ отъ сердцебіенія. Насмотрѣвшись, Ивлевъ осторожно поставилъ шкатулку на мѣсто; потомъ взялся за книжечку. Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лѣтъ тому назадъ „Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимымъ“.

— Эту книжку я, къ сожалѣнію, не могу продать, — съ трудомъ проговорилъ молодой человѣкъ. — Она очень дорогая... они даже подъ подушку ее себѣ клали...

— Но, можетъ быть, вы позволите хоть посмотрѣть ее? — сказалъ Ивлевъ.

— Пожалуйста, — прошепталъ молодой человѣкъ.

И, превозмогая неловкость, смутно томясь его пристальнымъ взглядомъ, Ивлевъ сталъ медленно перелистывать „Грамматику любви“. Она вся дѣлилась на маленькія

главы: „О красотѣ, о сердцѣ, объ умѣ, объ обращеніи, о знакахъ любовныхъ, о нападеніи и защищеніи, о размолвкѣ и примиреніи, о любви платонической“... Каждая глава состояла изъ коротенькихъ, изящныхъ, порою очень тонкихъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ были деликатно отмѣчены перомъ, красными чернилами. — „Любовь не есть простая эпизода въ нашей жизни, — читаль Ивлевъ. Разумъ нашъ противорѣчитъ сердцу и не убѣждаетъ онаго. — Женщины никогда не бываютъ такъ сильны, какъ когда онѣ вооружаются слабостью. — Женщину мы обожаемъ за то, что она владычествуетъ надъ нашей мечтой идеальной. — Тщеславіе выбираетъ, истинная любовь не выбираетъ. — Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежитъ женщинѣ милой. Сія-то дѣлается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадимъ о ней отчетъ сами себѣ, сердце наше дѣлается невольникомъ любви навѣки“... Затѣмъ шло „изъясненіе языка цвѣтовъ“, и опять кое-что было отмѣчено: „Дикій макъ — печаль. — Верескледъ — твоя прелесть запечатлѣна въ моемъ сердцѣ. — Могильница — сладостныя воспоминанія. — Печальный гераній — меланхолія. — Полюнь — вѣчная горестъ“... А на чистой страничкѣ въ самомъ концѣ было мелко, бисерно написано тѣми же красными чернилами восьмистишіе. Молодой человекъ вытянулъ шею, заглядывая въ „Граматику любви“, и сказала съ дѣланной усмѣшкой:

— Это они сами сочинили...

Черезъ полчаса Ивлевъ съ облегченіемъ простился съ нимъ. Изъ всѣхъ книгъ онъ за дорогую цѣну купилъ только эту книжечку. Мутно-золотая заря блекла въ облакахъ за полями, желто отсвѣчивала въ лужахъ, мокро и зелено было въ поляхъ. Малый не спѣшилъ, но Ивлевъ не понукалъ его. Малый рассказывалъ, что та женщина, которая давеча гнала по лопухамъ индюшекъ, — жена дьякона, что молодой Хвоцинскій уже давно живеть съ нею, что у него уже есть дѣти. Ивлевъ не слушалъ. Онъ все думалъ о Лушкѣ, о ея ожерельѣ, которое оставило въ немъ чувство сложное, похожее на то, какое испыталь

онъ когда-то въ одномъ итальянскомъ городкѣ при взглядѣ на реликвию одной святой. „Вошла она навсегда въ мою жизнь!“ — подумалъ онъ. И, вынувъ изъ кармана „Грамматику любви“, медленно перечиталъ при свѣтѣ зари стихи, написанные на ея послѣдней страницѣ:

Обрѣчены съ тобой мы оба
 На грусть въ семъ мірѣ лжи и зла!
 Моя любовь была до гроба,
 Она со мною умерла.

Но ей сердца любившихъ скажутъ:
 „Въ преданьяхъ сладостныхъ живи!“
 И правнукамъ своимъ покажутъ
 Сію Грамматику Любви.

1915.

И г н а т ь

I

Любка вторую зиму жила на барскомъ дворѣ въ Извалахъ, у господъ Паниныхъ, когда нанялся къ нимъ въ пастухи Игнатъ.

Ему шелъ двадцать первый годъ, ей двадцатый. Онъ былъ изъ бѣднаго дома въ Чесменкѣ, одной изъ деревень, составляющихъ Извалы, она изъ такого же въ Шатиловѣ, что недалеко отъ Извалъ. Но говорили, что она „полукровка“, незаконная дочь шатиловскаго барина. Да и выросла она при господахъ. И поэтому, чѣмъ болѣе волновала пастуха ея красота, чѣмъ болѣе думалъ онъ о горничной, тѣмъ болѣе робѣлъ. А чѣмъ болѣе робѣлъ, тѣмъ чаще думалъ, тѣмъ сумрачнѣе и молчаливѣе становился.

Въ черныхъ, блестящихъ глазахъ Любки была какая-то преступная ясность, откровенность. Ловко и спокойно крада она одеколонъ и мыло у барыни, сѣдой вдовы, курившей тонкія душистыя папирасы. Иногда была она жива, наивна и казалась моложе своихъ лѣтъ, иногда—старше, все испытавшей женщиной. Да и груди были у нея какъ у женщины. Ее лѣтъ четырнадцать изнасиловалъ старикъ Зыбинъ, шатиловскій земскій начальникъ; и теперь она позволяла барчукамъ Панинымъ очень многое, не боясь увлечься. А для Игната, еще не знавшаго женщинъ, отношенія между мужчинами и женщинами становились все страшнѣе и желаннѣе. Непроще, скрытнѣе его не было малаго во всѣхъ Извалахъ. Даже ѣдучи на роз-

вальняхъ на гумно, за колосомъ для скотины, никогда не отвѣчалъ онъ прямо и сразу на вопросъ: куда ѣдешь? Избѣгая взгляда Любки, не поднимая угрюмыхъ глазъ, стыдясь своихъ лаптей, шапки и ошмыганнаго полушубка, онъ исподлобья слѣдилъ за ней, и спокойное безстыдство ея, смутно имъ понимаемое, было для него и жутко и плѣнительно.

Усилили его любовь и барчуки.

Барчуки, — уже лѣчившійся на Кавказѣ офицеръ Алексѣй Кузьмичъ, ровесникъ Игната, и Николай, ровесникъ Любки, все переходившій изъ одного учебнаго заведения въ другое, — прїѣзжали зимой только на большіе праздники. Въ этомъ году на масленицу прїѣхалъ сперва младшій. И Любка была особенно оживлена, видъ имѣла особенно откровенный, не будучи, впрочемъ, откровенной ни съ кѣмъ. Такъ и сіяли ея неподвижные глаза, когда она, черноволосая, крѣпкая, съ сизымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, въ зеленомъ шерстяномъ платѣ, во весь духъ работая локтями и шурша бѣлымъ подкрахмаленнымъ передникомъ, носилась то за тѣмъ, то за другимъ отъ людской къ дому и отъ дома къ людской, по темнѣющей среди снѣжнаго двора тропинкѣ. И за масленицу, за эти сѣрые дни, слегка туманившіе, дѣлавшіе тусклыми сосны и ели въ парисадникѣ, слегка кружившіе голову своимъ тепломъ и праздничнымъ чадомъ изъ трубъ, Игнату не разъ приходилось натыкаться на игру барчуковъ съ Любкой.

Какъ-то въ сумерки онъ видѣлъ: она выскочила изъ дома съ злымъ, раскраснѣвшимся лицомъ и растрепанными волосами. За ней, смѣясь и что-то крича, выбѣжалъ на крыльцо, на тающій снѣгъ, Николай Кузьмичъ, приземистый, большеголовый, съ тупымъ и властнымъ профилемъ, въ косovorоткѣ изъ бѣлаго ластика и лакированныхъ сапогахъ. А вечеромъ Любка, веселая, запыхавшаяся, столкнулась въ темныхъ снѣгахъ людской съ Игнатомъ.

— Разорвалъ баску и цѣлый пузырь персидской сирени подарилъ, — неожиданно и быстро сказала она, задерживая бѣгъ. — Понюхай-ка.

И черезъ мгновение исчезла, а Игнатъ долго просто-И. Бунинъ. 2

ялъ на одномъ мѣстѣ, тѣпо глядя въ темноту; пахло кухней, предвесенней свѣжестью, собаками, глаза которыхъ парными красноватыми изумрудами горѣли, двигались передъ нимъ, онъ же слышалъ только дурманящій, сладкій запахъ духовъ и еще болѣе дурманящій запахъ волосъ, гвоздичной помады, шерстяного платья, пропотѣвшаго подъ мышками...

Пріѣхалъ офицеръ: худой, съ карими острыми глазами, съ длиннымъ блѣдно-сѣрымъ лицомъ въ лиловыхъ, припудренныхъ прыщахъ. Тяжело, вся сотрясаясь, выбѣжала на крыльцо молочно-сѣдая барыня, подвитая, наряженная, въ туго стянутомъ корсетѣ, замачала бѣлымъ платочкомъ на звонъ тройки, выносившей сани изъ-подъ горы. У крыльца кучеръ осадилъ тройку, и офицеръ заговорилъ быстро, не забывая о томъ, слушаютъ ли его; потомъ откинулъ полость саней размахисто, какъ у подѣзда ресторана, на крыльцо взбѣжалъ, ловко и развязно притопывая раскоряченными, очень тонкими ногами въ легкихъ, маленькихъ и блестящихъ сапожкахъ, звеня серебряными шпорами и дергая, поправляя приподнятыми плечами широкую николаевскую шинель съ бобровымъ стоячимъ воротникомъ. Былъ канунъ прощенаго дня. Масленица выпала поздняя, и порой казалось, что совсѣмъ одолѣваетъ зиму весна. Съ утра грѣло солнце, сіяло голубое небо, сіяли его отсвѣты на снѣгу, капали капли. Но послѣ полдня стало хмуро, пронзительно-сыро, затуманившійся, тускло посинѣвшій палисадникъ упруго зазвенѣлъ, запѣлъ въ дремотѣ. Не обращая вниманія на сырость и вѣтеръ, Любка въ одномъ платьѣ таскала изъ троечныхъ саней какіе-то кульки. И пастухъ слѣдилъ за ней, за тѣмъ, какъ наклонялась она.

Онъ стоялъ на широкомъ грязномъ крыльцѣ людской, пропахнувшей блиннымъ чадомъ. Крупныя хлопья снѣга падали и мгновенно таяли передъ крыльцомъ въ огромной лужѣ, по которой важно ходили только-что прилетѣвшіе грачи. Работникъ и кухарка, подоткнутая, въ сапогахъ, вытащили большую лохань, продѣвъ въ ея ушки палку. Въ лохани дымилась густая желтая овсянка. Борзья стаей

кинулись къ ней и, дрожа, горясь, пропуская между ногъ судорожно изогнутые, тугіе хвосты, стали пожирать ее. Кухаркинъ мальчишка, въ красной, праздничной рубашкѣ, ворочаль овсянку лопатой и билъ то ту, то другую глухо рычащую собаку. Уже были по двору лысины — чернѣла кое-гдѣ земля. Вытаскивая изъ лохани испачканныя желтой гущей морды, собаки катались, терлись по землѣ, потомъ гурьбой потянулись черезъ дворъ къ саду за домомъ. Рядомъ съ красавицей Стрѣлкой, черноглазой борзой въ атласной бѣлой шерсти, шель большой рыжій кобель, дворовый, и, яростно скаля зубы, рыча, захлебываясь, не подпускалъ къ ней никого изъ борзыхъ. Томимый вождельніемъ, Игнатъ двинулся за собаками. Но въ аллеѣ онѣ свернули, побѣжали по сѣрому насту подъ кривыми вѣтвистыми яблонями куда-то въ сторону. Игнатъ вышелъ за садъ, въ сѣрое поле, на которое косо летѣли бѣлые хлопья, снялъ шапку и досталъ изъ разорваннаго ватнаго дна ея завѣтный двугривенный.

Мимо садоваго вала, по задворкамъ, онъ поплелся на деревню, чернѣвшую обтаявшими избами на косогорѣ. Желтоватые, замасленные саями горбы сугробовъ, съ гладко втертымъ въ нихъ конскимъ навозомъ, и выбоины, полная студеной вешней воды, тянулись между избами и пуньками. Игнатъ стукнулъ въ окошечко особенно черной и хилой избы, подъ стѣнкой которой, нахохлившись, дремали куры. Изнутри прильнуло къ окошечку старое, желтое лицо. Игнатъ показалъ двугривенный. И, надернувъ на босыя ноги тяжелые старые валенки, съ головой накрывшись полшубкомъ, баба провела Игната черезъ дорогу въ холодную пахучую пуньку съ желѣзной дверкой и засунула въ подставленный глубокій карманъ его растянувшихся портокъ бутылку.

За пунькой, на скатѣ косогора, покрытомъ зернистымъ снѣгомъ, онъ постоялъ, думая о Любкѣ. Потомъ запрокинулъ голову и, не переводя духа, выпилъ все до капельки. И, пряча пустую посуду, почувствовалъ, что горячо, хорошо пошла отравка по всему его тѣлу. Онъ присѣлъ на корячки и сталъ ждать дурману; потомъ упалъ,

хохоча, наслаждаясь тѣмъ, что пьянъ, и поползъ подъ гору, въ лужокъ.

Очнувшись, онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ. Онъ сталъ маленькимъ, легкимъ — промерзъ весь, насквозь. Дулъ сырой вѣтеръ, смеркалось, снѣгъ уже не падалъ. Со страхомъ вспомнивъ, что еще не привезено въ домъ соломы, — домъ топили соломой, Игнатъ каждый вечеръ набивалъ ею заднія крыльца, съ утра до сумерокъ. Издиль на развальняхъ то за топкой, то за кормомъ для скотины, — онъ вскочилъ и побѣжалъ черезъ деревню, потомъ черезъ садъ. Голова его была мутна, но тѣло легко, всѣ чувства обострены, и вѣтеръ особенно волновать ихъ, — онъ былъ сладокъ, хотѣлось глотать его всей грудью. Игнатъ зналъ, что забылъ веревку на заднемъ крыльцѣ, и, запыхавшись, шлепая лаптями по мокрому снѣгу, повернулъ изъ аллеи прямо къ нему. Въ сумракѣ подъ навѣсомъ крыльца стоялъ кто-то, кого-то прижималъ къ стѣнѣ и на шаги Игната повернулъ голову.

— Чего тебѣ? — крикнулъ онъ.

Это былъ офицеръ, его голосъ, его длинное блѣдное лицо, бобрикомъ стриженная, узкая и длинная къ затылку голова. За два пальца офицера, не пуская его руку, держала прижатая къ стѣнѣ Любка. Игнатъ, не сводя глазъ съ ея слабо бѣлѣвшаго въ сумракѣ передника, отошелъ; постоялъ — и медленно побрелъ по двору, опять чувствуя нытье въ животѣ, тоску въ предплечьяхъ, въ ослабѣвшихъ ногахъ. Сумрачными, смутными клубами нависали надъ садомъ дождевыя облака. Дулъ на лужи сильный западный вѣтеръ — и была въ немъ пьянящая влажность, сила ранней весны, одолюющей зиму.

А на другой день одолѣла зима, еще гуще валилъ снѣгъ, къ вечеру поля потерялись въ туманѣ выюги. Баршня уѣхала къ сосѣдкѣ. Офицеръ, звеня шпорами, вышелъ на крыльцо, закричалъ черезъ дворъ, чтобы запрягли въ бѣгунки Королька, и, наклонясь къ сидѣвшимъ на крыльцѣ собакамъ, на спинахъ и лбахъ которыхъ снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ, сталъ сладострастно трясти то ту, то другую за ушами и сквозь зубы приговаривать: „а-а та, та-та!“

Любка обошла его съ блюдомъ жареной наваги, понесла блюдо въ людскую. Онъ покосился и забормоталъ еще сладострастнѣе:

— А-а, собаки, собаки, собачики!

Быль прощенный день. Изъ-подъ горы, съ рѣки, глухо доносились сквозь шумъ темнѣвшей вьюги пьяные голоса, нѣсни, громыханіе бубенчиковъ, звонъ колоколовъ: лавочникъ, сапожникъ, урядникъ, мужики — всѣ катались со своими гостями, съ барышнями, дѣвками, сватами. Было и хорошо и тоскливо, чувствовался и самый развалъ и конецъ праздника. Когда Королька запрягли, офицеръ, въ сѣрой ловкой шинелькѣ и папахѣ, вытащилъ на крыльцо хохочущую, счастливую, нарумяненную Любку. На ней была шубка съ воротникомъ изъ орѣховаго мѣха, зеленое платье свое она подобрала, подоткнула. Голова ея была закутана сѣрой шалью, она гнула голову, смѣясь, упираясь, сходя съ крыльца мелкими, тупыми шажками. Игнатъ, подавъ золотисто-рыжаго жеребчика, держалъ его подъ уздцы, и жеребчикъ зло и умно косилъ большимъ блестяще-лиловымъ яблокомъ на офицера, на его шелковый шарфикъ, краснѣвшій изъ ворота шинели, вокругъ тонкой шеи, покрытой зажившими, стянувшимися слѣдами прыщей. А Игнатъ все глядѣлъ на бѣлый подолъ Любки, на ея грубые полсапожки, намазанные саломъ, къ которому не прилипалъ мокрый снѣгъ...

Потомъ онъ тащился на розвальняхъ къ гумну, билъ веревочной возгой нескладно-костляваго мерина. И Королькъ, екая и злясь, стучая ледяными глудками въ передокъ, фыркая отъ свѣжаго снѣга, летѣвшаго ему навстрѣчу, въ горячія ноздри, обогналъ, обдалъ дыханіемъ и сталъ пропадать вмѣстѣ съ бѣгунками въ дыму вьюги, весело и сумрачно разыгравшейся въ мутно-сизомъ полѣ. Снѣгъ хлопьями валилъ на сытую спину Королька, на папаху, на погоны, на блестящій сапожокъ со шпорой, крѣпко поставленный на желѣзный отводъ. Лѣвой рукой въ замшевой перчаткѣ держалъ офицеръ голубыя вожжи. Другою захватилъ голову въ сѣрой шали и припалъ къ ней папачой...

И твердо рѣшилъ Игнатъ промѣнять работнику Яшкѣ свою гармонию, единственное свое богатство, на старые сапоги. Навозивъ соломы, онъ не пошелъ на улицу, къ толпѣ, что сбилась и смутно темнѣла среди ночной вьюги подъ застрѣхой крайней избы, на выгонѣ передъ церковью. Тамъ ловко и бѣшено перебивали другъ друга гармони, заглушаемая пѣснями и вѣтромъ, кружились въ дыму паземки, носились, какъ вѣдьмы, пляшущія дѣвки. Но Игнатъ, утопая въ снѣгу, пробрался черезъ выгонъ къ ярко освѣщенному дому лавочника и часа два не спускалъ глазъ съ залѣленныхъ снѣгомъ оконъ, за которыми мелькали тѣни танцующихъ.

II

Великій постъ былъ сѣрый, однообразный.

День за днемъ дулъ жесткій вѣтеръ, блѣдно бѣлѣли поля, тускло синѣли, скучно напѣвали сосны и ели въ паркисадникѣ, слишкомъ рано прилетѣвшіе грачи куда-то скрылись. Офицеръ давно уѣхалъ. Но Николай Кузьмичъ зажился. Разъ подѣхалъ Игнатъ на розвальняхъ къ заднему крыльцу дома. Розвальни зашуршали висящей съ нихъ старновкой по ступенькамъ крыльца, и барчукъ, игравшій съ Любкой, смѣясь, поднялся съ соломы. Любка, поправляя волосы, глядѣла спокойно.

— Вотъ вы такъ-то играете, — сказала она, — а по селу пойдутъ брехать... Хоть бы ты, Игнатъ, меня замужь взялъ, — прибавила она, вставая.

Игнатъ покраснѣлъ и насупился. Ни малѣйшаго значенія не придавъ онъ ея словамъ, но съ этого дня шевельнулась и стала расти въ немъ ревность, злоба. Жужа чернѣй хѣбъ, косясь на домъ, съ завистью чувствуя его внутреннюю жизнь, онъ проѣзжалъ на розвальняхъ по аллеѣ, выѣзжалъ на гумно. Собаки пѣгой стаей, трясясь, бѣжали за нимъ. Въ остаткахъ ометовъ возились и пищали мыши. Собаки рыли солому, приняхивались, настораживались, еще яростнѣе рвали ее когтями, дрожа и скуля, и вдругъ, подпрыгнувъ, кидались на добычу хищно и мѣтко. Женственно-

красивую, съ маслянистыми черными глазами Стрѣлку Игнатъ заманивалъ въ ригу. Она вбѣгала, онъ припираетъ скрипучія ворота. Становилось жутко. Холодно пахло токомъ, тепло — ржанымъ колосомъ. Въ сумракѣ огромнаго трехугольника, по застрѣхамъ, по рѣшетнику и переметамъ котораго сѣрѣла густая бархатная пыль лѣтней молотѣбы, пробирался въ длинную щель воротъ холодный, блѣдный свѣтъ. Вѣтеръ шуршалъ за ними, дулъ по току...

Въ ясный солнечный день на третьей недѣлѣ уѣхалъ и Николай Кузьмичъ. Внезапно вернулась весна. Крыши варка, сарая за однѣ сутки обтаяли, старая, бурая солома ихъ золотилась противъ солнца, рѣзко отдѣлялась отъ голубого, умиляющаго душу неба. Выпустили плюшевыхъ обросшихъ за зиму жеребятъ и коровъ, они дремали, грѣлись на солнцѣ. Рѣзко, серебромъ сверкалъ сочащійся снѣгъ по двору. У параднаго крыльца, въ тѣни, возлѣ синей лужи, стояла тройка. Отражались въ лужѣ и небо, и бѣлый передникъ Любки. Вышелъ Николай Кузьмичъ въ накинутой поверхъ поддевки енотовой шубѣ, вышла барыня. Долго прощались, долго, оборачиваясь, кричалъ что-то уѣзжавшій, когда тронулись и потянулись сани по ухабистой, текущей дрожащими ручейками дорогѣ, по выступившему, накопившемуся за зиму навозу, похожему на мокрый табакъ. Гдѣ блестяла вода по ухабамъ, лошади, тонконогія, съ подвязанными хвостами, взмахивали особенно щеголевато точно вычищенною сталью подковъ. На солнцѣ грѣло, много галокъ собралось на соснахъ и еляхъ палисадника, зазеленѣвшаго пышно и свѣжо. А въ тѣни чувствовался сѣверный рѣзкій вѣтерокъ. Стоя на парадномъ крыльцѣ, Любка озябла, щеки ея посизѣли. Сани скрылись подъ горой, она напѣвала задумчиво, чуть слышно: „Мчится парочка вдвоемъ“... Потомъ востреленулась, вбѣжала въ домъ — и немного погода выскочила на заднее крыльцо. Игнатъ, проходившій мимо, вдругъ повернулъ къ крыльцу. Она тупо, со страхомъ, не двигаясь, глядѣла на него. Игнатъ подошелъ вплотную и схватилъ ее за кисти. И оба смутились. И какъ бы играя или пробуя силу, разводя сѣплен-

ными руками, не знали, что сказать. Вдруг Любка нахмурилась.

— Пусти! — крикнула она. — Еще что за моду взять! И, вырвав руки, повернулась и хлопнула дверью.

Садъ казался особенно рѣдкимъ на серебрѣ снѣга, испещренномъ фіолетовыми тѣнями, аллея — веселой, широкой. И опять, нахмуренный, злой, Игнатъ пошелъ по ней на деревню, къ бабѣ шинкаркѣ. И опять очулся передъ вечеромъ въ лужкѣ, насквозь промерзшій, изумленный. Усатыя ветлы, стоявшія возлѣ него, золотились на блѣдно-голубомъ небѣ, за ними было солнце. Небо изъ-подъ горы казалось необъятно-огромнымъ и новымъ.

— Не пара она мнѣ, — твердо сказалъ Игнатъ, поднимаясь. — Пропалъ я.

Съ этого вечера онъ никогда не смотрѣлъ на домъ, проѣзжая мимо, не отвѣчалъ Любкѣ, если она заговаривала. Прощель постъ, прошла Святая. Снѣга уже нигдѣ, кромѣ овраговъ, не было, въ деревняхъ опушились легкой лимонной дымкой дозины; вокругъ деревень лилово чернѣли пашни, грѣло солнце, дрожало расплавленное стекло по горизонтамъ, пѣли жаворонки, сохли блекло-зеленоватые межи, сѣрые пары, сѣдая полынь. Молодая пахучая травка чуть пробилась. Но Игнатъ уже давно ходилъ за стадомъ въ поля, къ милютинскому лѣску, еще голому, полному сухой дубовой листвы и подснѣжниковъ. Коровы дремали на припекѣ, у опушки. Ъсть было нечего, онѣ ложились, вздыхая, и галки садились на нихъ, дергали шерсть для гнѣздъ. Игнатъ навивалъ кнутъ, лѣниво по-сматривалъ въ солнечную даль, на дороги, гдѣ уже лежала пыль, радостно напоминавшая о лѣтѣ, и загоралъ отъ солнца, отъ апрѣльского суховѣя.

Когда были деньги, онъ былъ счастливъ. Въ полѣ, выбравъ мѣстечко посуше, онъ разстилалъ свой рваный пиджакъ, ставилъ на него бутылку, вытаскивалъ изъ кармана хлѣбъ, заранѣе круто посоленный и отсырѣвшій, холодныя картошки. Вскорѣ голова его начинала сладко кружиться. Солнечный южный горизонтъ за сѣрѣющими равнинами дрожалъ, тонко струился паръ, чуть синѣвшій на

солнцѣ надъ спекшимися кучами навоза, раскинутого по полю, коровы двоились и плыли... Странно, — онъ все-таки чего-то ждалъ! Хмельной, онъ чувствовалъ это, чувствовалъ, что связалась его жизнь съ жизнью Любки, на бѣду связалась! Что-то придется сдѣлать, чтобы покорить ее, чтобы стать равнымъ съ нею, чтобы вызвать ея любовь. Иначе, если онъ даже добьется своего, не будетъ она мужика любить... А весна требовала любви. Плывая, дрожа, опиралась на колѣни переднихъ ногъ, потомъ неуклюже поднимала задъ одна корова, другая, третья... Поднимался большой мышастый быкъ, широколобий, съ гладкимъ хвостомъ, на концѣ котораго висѣлъ шелковисто волнистый мохоръ, тяжело бѣжалъ, мотая нитями стекловидныхъ слюней, — и вдругъ, весь наливаясь мощью, вставалъ на дыбы... У Игната заходило сердце. Онъ опрокидывался навзничъ, на сухіе, черные шмоты навозной кучи. Онъ закрывалъ глаза, слезы выкатывались изъ-подъ его рѣсницъ, онъ не стиралъ слезъ, и мухи пили ихъ. Потомъ онъ крѣпко засыпалъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока дошедшее до зенита солнца не начинало печь его голову и плечи. Пригнавъ стадо домой, онъ молча обѣдалъ въ людской и уходилъ спать въ каретный сарай, гдѣ у каменной стѣны была сбита изъ колевъ высокая кровать, покрытая соломой и клоками ватнаго краснаго одѣяла. Послѣ сна онъ бывалъ золъ и, выгоняя стадо, дралъ коровъ своимъ длиннымъ хлопающимъ кнутомъ такъ сильно, что на бокахъ ихъ вздувались рубцы.

Онъ рѣшилъ вести себя такъ, чтобы приказчикъ избилъ и прогналъ его. Лѣто, пріѣздъ барчуковъ — все это пугало его: когда-нибудь онъ не выдержитъ-таки и изъ-за угла проломитъ кирпичомъ голову Любкѣ или Николаю Кузьмичу! Но случилось такъ, что однажды, въ маѣ, когда лѣсокъ уже густо опушился темной зеленью, заросъ цвѣтами и травами, когда рано утромъ уже полѣтнему было жарко на солнечныхъ полянахъ, а въ росистой тѣни свѣжо и таились ландыши, увидалъ онъ, пригнавъ стадо на паръ, сидящую у опушки бабу. Это была нищая, дурочка Юона. Положивъ возлѣ себя мѣшокъ и палку, она сидѣла, слегка

раскрывъ ротъ, вся въ лохмотьяхъ, съ мокрымъ подоломъ, съ блестящими глазами на опухшемъ лицѣ. Она была слегка пьяна. Когда Игнатъ подошелъ, она съ гогомомъ, сдержанно-страстнымъ, повалилась навзничъ, выставила колѣни и стала тереть большими лаптями по росистой травѣ. Въ мѣшкѣ ея были крендели, водка. И, выпивъ, Игнатъ не совладѣлъ съ собой...

Съ этихъ поръ дурочка стала приходиться къ нему чуть не каждый день. Просыпаясь по ночамъ, онъ силился плакать: обидно, больно было ему при мысли, что живетъ онъ съ дурочкой! До солнца, по холодной, крупной росѣ онъ выгонялъ стадо. Въ полдень напивался. Теперь пили уже на его деньги. Онъ забралъ жалованье за мѣсяць впередъ. Но и его деньги наконецъ изсякли. И дурочка стала зла, нахальна, требовательна, дурочкой уже не притворялась. Когда онъ являлся безъ водки, она отказывала ему, морила его по недѣлѣ. И разъ даже крѣпко и ловко ударила его по головѣ палкой. Онъ поднялся и пошелъ прочь, странно, неумѣло рыдая. А наплакавшись, сѣлъ на между и тупо сталъ думать все о томъ же, о чемъ онъ думалъ теперь безпрестанно: гдѣ бы достать денегъ? Но достать было негдѣ, украсть — тоже. Сапоги онъ пропилъ.

Вся дворянка знала его исторію, за объѣдомъ и ужиномъ надъ нимъ часто хохотали. Онъ багровѣлъ и молчалъ. Что было бы, будь Любка при этомъ? Но, на счастье его, барчуки не пріѣзжали, слышно было, что Николай Кузьмичъ у товарища подъ Харьковомъ, офицеръ — на маневрахъ подъ Смоленскомъ. А барыня уѣхала на шесть недѣль въ Липецкъ и увезла съ собой Любку. Въ усадьбѣ было тихо и скучно. Да и дурочка стала являться все рѣже и рѣже — шаталась по ярмаркамъ. И вотъ лѣто пошло уже къ концу — жаркое, длинное. Обмелѣла рѣчка, до-черна выглодала скотина корма, хлѣба поспѣли, пересохли и сыпались. Пошли косить ихъ, — былъ уже конецъ іюля.

Въ концѣ іюля, возвращаясь однажды на закатѣ со стадомъ въ село, Игнатъ встрѣтился съ дурочкой. Она остановилась и показала на лѣсокъ.

— Какъ отдѣлаюсь, такъ приду, — сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

Но какъ итти безъ водки? Въ уныніи стоялъ онъ у воротъ усадьбы, смотрѣлъ на закатъ. По дорогѣ, наискось пролегавшей по горѣ, ѣхали съ косьбы и вязки мужики и бабы на пыльных телѣгахъ; изъ телѣгъ торчали пере-вязла, косы и грабли. Малиновое, безъ лучей, солнце сѣло огромнымъ кругомъ въ сизую сухую муть за рѣкой, за полями, уже покрытыми звеньями копенъ. Игнатъ вышелъ изъ воротъ, повернулъ на выгонъ, потомъ, мимо сада, къ гумну. Впереди его мелко перебирала босыми ножками по пыли очень грязная и кудрявая дѣвочка. Перегнувшись на лѣво, она правой рукой тащила дегтярницу, облитую красно-коричневымъ дегтемъ. Игнатъ ускорилъ шагъ, догналъ ее, оглянулся — и схватилъ ее лѣвый кулачекъ, въ которомъ были зажаты деньги. Глаза ея стали круглыми отъ ужаса, личико исказилось, она заголосила и, съ силой звѣрька, стиснула кулачекъ. Игнатъ схватилъ ее за горло и повалилъ на дорогу. Дѣвочка захрипѣла и распустила пальчики. Игнатъ выгребъ изъ ея ладони деньги — тридцать копеекъ.

Купивъ водки, онъ пошелъ прямо къ лѣсу. Справа было жнивье, чуть бѣлѣющее въ сумракѣ поле, покрытое копнами. Слѣва, съ тускло чернѣющихъ пашенъ, съ равнины, дулъ теплый вѣтеръ. Впереди, надъ темной каймой лѣса, поднимался большой красный Марсъ. И пастухъ остановился. Онъ вдругъ вспомнилъ, что нынче должна пріѣхать барыня, что за нею послали тройку и подводу для вещей. И тотчасъ же, задержавъ дыханіе, услышалъ далекій звонъ колокольчиковъ.

Казалось ему лѣтомъ, что минуетъ его то неизбежное, что должно быть. Но теперь онъ почувствовалъ, что иттъ, не бывать тому — не минуетъ. Оно уже близилось, росло, надвигалось... И, постоявъ, онъ двинулся впередъ.

У перекрестка его оглушила звономъ, топотомъ копытъ и обдала пылью тройка. Онъ, сойдя съ дороги, пропустилъ ее и опять пошелъ. Вдали слышался глухой грохотъ телѣги. Онъ дѣлался все явственнѣй. И черезъ ми-

нугу увидѣлъ Игнатъ на тускломъ звѣздномъ небѣ дугу, лошадь, а за лошадью — сидящую въ телѣгѣ Любку. Она была лошадь вожжами и тряслась, прыгала, неслась прямо на него.

— Садись, подвезу! — крикнула она весело, сразу признавъ его въ сумракѣ.

Онъ повернулся, догналъ нагруженную чемоданами телѣгу, на бѣгу бокомъ вскочилъ на грядку...

Что говорила Любка, онъ не запомнилъ. Запомнилъ только первыя, ударившія его по сердцу слова, которыя она звонко и ласково выкрикнула сквозь грохотъ телѣги:

— Что жъ, очень соскучился по мнѣ?

Запомнилъ только тотъ моментъ, когда онъ вдругъ схватилъ вожжи и, осадивъ лошадь, перекинулъ ноги въ телѣгу.

— Постой, — шопотомъ сказала Любка, но такъ просто, точно они жили уже много лѣтъ, и отъ этой простоты у него еще больше помутилось въ головѣ: — постой, юбку изомнешь... Дай хоть поправить-то...

III

Прошло четыре года. Стоялъ декабрь. Игнатъ, отбывъ солдатчину, возвращался изъ города Василькова на родину.

Съ женой онъ жилъ всего три мѣсяца. Вскорѣ послѣ той юльской ночи, въ которую такъ неожиданно переломилась его судьба, Любка почувствовала себя беременной — и никогда не покидала его злая мысль, что только поэтому пошла она за него. Она говорила, что любить его, устроила его отца, больного старика, на барскомъ дворѣ скотникомъ; одѣла и снарядила его въ дорогу, провожала со слезами. Онъ жестоко избилъ ее, гуляя, куражась рекрутотомъ, вымещая барчуковъ. Она отъ побоевъ даже скинула, но перенесла ихъ какъ должное. Когда его угнали въ Васильковъ, она часто посылала ему вмѣстѣ съ письмами деньги, письма писала ласковыя, обращаясь къ нему на вы. Но онъ не вѣрилъ ни единому слову ея, жилъ въ

тоскѣ, въ непрестанной мукѣ, въ ревности, въ изобрѣтении самыхъ жестокихъ наказаній за предполагаемыя измѣны.

Бдучи на побывку два года тому назадъ, онъ всю дорогу думалъ, что убьетъ ее, ежели узнаеть что плохое. Приѣхавъ и наведя справки на своей станціи, онъ узналъ, что Любка не отказывала только лѣнивому. Но она встрѣтила его такъ радостно, разувѣрила въ слухахъ такъ искренно и просто, что у него руки опустились. А чтобы и совсѣмъ успокоить его, заявила, что бросаетъ мѣсто на барскомъ дворѣ и переселяется въ избу, — будетъ ждать его дома, будетъ шить на машинкѣ и тѣмъ кормиться. И онъ уѣхалъ унылый и сбитый съ толку. Уныль, молчаливъ былъ онъ и на службѣ, но исполнительнъ, исправнъ и бережливъ: копилъ деньги, взятки съ молодыхъ солдатъ. Все еще жила въ немъ надежда сравняться съ Любкой, стать достойнымъ ея настоящей, а не притворной любви. Но вдругъ письма отъ нея перестали приходить. Онъ писалъ чуть не каждую недѣлю — отвѣта не было. Онъ грозилъ, молилъ — она молчала. Онъ опять сталъ изнѣнствовать — и оупѣлъ, измучился.

Все же, отслуживъ свой срокъ, онъ ѣхалъ въ Извалы.

Онъ очень измѣнился. Теперь онъ былъ сухъ, довольно высокъ и ладенъ. Оловянные глаза его стали большелицо посѣрѣло и казалось еще худше отъ блестящихъ послѣ бритья маслаковъ около оттопыренныхъ круглыхъ ушей. Красноватые усы онъ стригъ щеткой, голову — бобрикомъ, и кожа просвѣчивала въ его короткихъ стальныхъ волосахъ. Отъ Кіева до Орла онъ неподвижно сидѣлъ въ вагонѣ возлѣ своего грубо раздѣланнаго подъ орѣхъ сундучка съ привязанными къ нему сапогами и чайникомъ, не снимая ни фуражки, ни грубой сѣро-рыжей шинели, натравившей шею, смотрѣлъ въ полъ и грызъ подсолнухи. Отъ Орла онъ сталъ тревожиться, выходить на станціяхъ къ буфету. На вокзалѣ въ своемъ городѣ онъ неожиданно встрѣтился съ бывшимъ товарищемъ по службѣ, выпилъ, оставилъ сундучокъ у сторожа, и товарищъ вывелъ его

на вокзальное крыльцо, навяль извозчика-старика, а старикъ во весь духъ треногой кобылы помчалъ ихъ, возбужденныхъ, курившихъ папиросу за папиросой, въ городъ. Проѣхали они прямо въ слободу — и тамъ Игнатъ почти сутки не разставался съ маленькой, коротконогой, пожилой, съ черными сухими волосами и сильно напудренной брюнеткой, курившей еще жадѣе его. Очнулся же онъ въ полѣ, возлѣ слободы — и съ трудомъ вспомнилъ, что его тяжко били, выталкивая. Былъ мягкій бѣлый день, шель снѣжокъ и загревалъ въ складкахъ его шинели. Онъ всталъ, шатаясь, чувствуя себя больнымъ, точно отравленнымъ...

Вхать до Изваль пришлось въ вагонѣ товарнаго поѣзда, вмѣстѣ съ сидящими отъ жира на задахъ заводскими свиньями. Свиней везли богатому помѣщику на племя, провожалъ ихъ дряхлый садовникъ помѣщика, чистый и тихій, бывшій дворовый. Но, кромѣ него, Игната и свиней, ѣхалъ въ товарномъ вагонѣ еще еврей, сѣро-сѣдой, кудрявый, большеголовый и бородатый, въ очкахъ, въ полуцилиндрѣ, въ длинномъ, до пять, пальто, мѣстами еще синемъ, а мѣстами уже голубомъ, съ очень низкими карманами. Онъ все время молчалъ, былъ задумчиво-озабоченъ, пѣлъ какой-то напѣвъ и пилъ чай. Садовникъ дремалъ. Свиньи сидѣли на задахъ въ деревянной загородкѣ, покрытыя сѣрыми попонами съ вензелями и коронами. Смеркалось, вѣтеръ съ снѣгомъ дулъ въ отворенную дверь и задиралъ мокрую солому подъ свиньями. Плыли мутно-бѣлая поля, темнѣвшіе кустарники, медленно курившееся дымомъ, падавшимъ на нихъ съ паровоза. И тяжелая, неразрѣшимая тоска давила Игната. Повязавшись вдвое сложеннымъ башлыкомъ съ оранжевыми каемками, сдвинувъ брови, стиснувъ зубы, играя маслаками, онъ стоялъ у двери, грызъ подсолнухи и косился на еврея. Еврей сидѣлъ на опрокинутомъ ящикѣ, держалъ въ большой, покрытой крупными лиловыми жилами рукѣ стаканъ чаю. Шелуха подсолнуховъ летѣла по вѣтру, попала въ чай. Еврей долго, съ раздраженіемъ смотрѣлъ сквозь очки на Игната. Игнатъ ждалъ, чтò скажетъ еврей, чтобы ударить его послѣ первыхъ же словъ сапогомъ въ грудь. Но

еврей ничег
на народ
скаха и ши
На ста
шось сидѣ
Оледе
волоси
коп зяком
и освѣщен
поѣздъ. Въ
тускломъ
пробиватьс
на мокро
стоятъ на
визгомъ о
воздухъ, в
клубы бѣл
Изъ отвор
были касс
жалъ и зв
и забылъ
отъ этого
Разсп
диль какъ
обыкновен
рѣдѣла. И
нясь, про
щихъ, на
рилъ цыг
зимній де
комъ. Уж
убиралъ
сами, пот
провель
юся на ко
ная, но с
стоявшія
Потомъ

сверей ничего не сказалъ: только приподнялся и вылилъ чай нарочно возлѣ самыхъ ногъ Игната, возлѣ его плечей и широкихъ казенныхъ сапогъ.

На станции попутчиковъ до села не оказалось. И пришлось сидѣть, ждать, не навернется ли кто случайно.

Оледѣли его руки, помутилась голова, когда, въ половинѣ одиннадцатаго, медленно надвинулся на него такой знакомый, такой особенный вокзалъ съ его народомъ и освѣщенными окнами. Только-что ушелъ пассажирскій поѣздъ. Въ залѣ третьяго класса, холодномъ, полутемномъ, тускломъ отъ дыма и потномъ отъ дыхания, нужно было пробиваться плечомъ — такъ много толпилось въ немъ на мокромъ полу мужиковъ. Между двойными дверями стоялъ на полу коптившій фонарь. Двери поминутно съ визгомъ отворялись, хлопали — свѣжій легкій морозный воздухъ, врываясь въ угрюмый, вонючій залъ, волновалъ клубы бѣлаго пара надъ ведернымъ самоваромъ въ буфетѣ. Изъ отворенной, ярко и горячо освѣщенной конторы, гдѣ были касса и телеграфъ, не смолкая ни на секунду, дребезжалъ и звенѣлъ какой-то звонокъ, какъ будто кто занелъ и забылъ остановить будильникъ. И отъ многолюдства, отъ этого звонка у Игната ломило въ темени.

Разспрашивалъ онъ, нѣтъ ли попутчиковъ, туно, ходилъ какъ лунатикъ, но все видѣлъ и замѣчалъ съ необыкновенной зоркостью. Толпа армяковъ и полушубковъ рѣдѣла. Игнатъ вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ, стороны, пропуская мимо себя выходящихъ и разговаривающихъ, на лошадей, на сани, на мутно-лунное небо, выкурилъ цыгарку, глубоко вдыхая вмѣстѣ съ дымомъ сладкій зимній деревенскій воздухъ, и вернулся за своимъ сундучкомъ. Уже буфетчикъ постепенно, по порядку, съ крикомъ, убиралъ со стойки апельсины, папиросы, тарелки съ колбасами, потный кусокъ сыра. Начальникъ станции подъ руку провелъ большую старуху-помѣщицу въ шубѣ, опирающуюся на костыль. Въ отворенную дверь видна была блѣдая, но свѣтлая лунная ночь, деревья въ инѣ. Лошади, стоявшія у крыльца, встряхивались, бормотали глухарями. Потомъ глухари загромычали всѣ сразу, заскрипѣлъ снѣгъ

подъ полозьями... Въ залѣ осталась только баба въ нонномъ оранжевомъ полушубкѣ, неподвижно сидѣвшая на длинномъ деревянномъ диванѣ у стѣны, на которомъ стоялъ сундучокъ Игната. Задомъ подойдя къ дивану, Игнатъ присѣлъ, ввалилъ сундучекъ себѣ на спину и, думая о той весѣ, когда онъ жилъ съ дурочкой, а былъ беззаботенъ, свободенъ, сладко напивался, закусывая холодными картошками, вышелъ изъ вокзала.

Шагалъ онъ твердо, ровно и споро, повизгивая по снѣгу сапогами, свѣтлая снѣжная ночь была вокругъ него. Въ полѣ было пусто, мертво и тихо, луна крылась за легкими облаками, дорога чуть темнѣла... И отъ своихъ смутныхъ думъ очулся онъ уже въ Извалахъ, почувствовавъ, что вошелъ въ большую, просторно раскинутую и давно свящую деревню. Ни одного огня не было въ занесенныхъ снѣгомъ избахъ. Слабыя тѣни лежали на большой дорогѣ отъ водовозокъ и пунекъ. Еще тише какъ будто стало, воздухъ—еще слаще и пахучѣе. По дворамъ уже шли пѣтухи.

Возлѣ своей пустой избы, на краю деревни, надъ оврагомъ, онъ постоялъ, не зная, что дальше дѣлать. Маленькая, она была наполовину занесена мятелями. Дверь на замкѣ, одно окно забито дощечками. Острый сугробъ, покрытый слѣдомъ лаптей, поднимался возлѣ открытыхъ воротъ во дворъ, переходилъ черезъ крышу. Игнатъ вошелъ по слѣду, заглянулъ внутрь двора. Въ раскрытой закуткѣ неприютно почевала чья-то телушка...

Невдалекѣ, въ избѣ Марья, свѣтился низкій огонекъ—изъ окошечка, почти сравнивашагося съ высокой снѣжной улицей. Онъ заглянулъ въ окошечко. Чуть не всю избу занималъ станъ. Нѣмая, съ тугимъ румянымъ лицомъ, дѣвка ткала краснѣ, гремѣла станомъ. Игнатъ стукнулъ. Дѣвка взглянула со страхомъ и удивленіемъ. Онъ вошелъ въ избу. Дѣвка дергала за оборку торчавшаго съ печи лаптя, будя отца. Онъ долго не откликнулся, только откашливался. Потомъ сталъ слѣзать—задомъ, ища лаптемъ печурку. Слѣзъ и по стѣнѣ, стараясь не наступать на одну, видно, большую ногу, дошелъ до скамейки возлѣ стола.

Бородатый, лохматый, съ выпуклыми кровянистыми глазами и хрипучимъ голосомъ, видъ онъ имѣлъ шальной. Игнатъ поставилъ сундукъ у двери, сѣлъ къ столу. Дѣвка, поджавъ руки, стояла у печки. А Марей, попросивъ закурить, затягиваясь такъ, что дымилась вся его борода, говорилъ:

— Хозяіку твою видалъ... Видалъ, какъ же... Изъ перкви шла... Дома жить не пожелала, все у господъ... Ихъ давно нѣтути, въ Москвѣ, говорятъ, она приказчика согнала, всѣмъ домою править, въ икономки записалась... Не по закону живетъ, не по закону...

— Знаю, знаю, — сказалъ Игнатъ, что-то думая, выскребая ногтемъ грязь изъ трещинъ стола.

— Извѣстно, знаешь... Ну, потращаешь — бросить. Потращать можно... Я вотъ и свою просваталъ, да робость беретъ... Онъ вдовецъ, вдовый... Да ну-ка откажется? На кой, молъ, чертъ нужна такая-то... А она хоть чисто сказать не можетъ, а на черную работу хороша, не покорю... Ты вотъ подхватилъ хорошую, анъ дѣло-то хуже вышло... Не пара, значить, оказалась. Руби, значить, дерево по себѣ...

— Я сундукъ у тебя пока оставлю, — сказалъ Игнатъ, не поднимая глазъ.

— Это можно... Оставь... Оставить можно, — согласился Марей.

И на порогъ вышелъ проводить Игната. Морозило, яснѣло. Темно синѣя въ вышинѣ, межъ облаковъ, расчищалось небо. Мѣсяцъ, яркій, полный, выкатывался на просторъ, косая бѣлая туча съ оранжевымъ полукругомъ, падавшимъ на нее отъ мѣсяца, сдвигалась къ горизонту, къ сѣверо-западу. Тѣни отъ водовозокъ стали рѣзче, улица заискрилась.

— Зима обозначается, — хрипло сказалъ Марей, высовывая голову изъ низкой двери темныхъ сѣнецъ на глупую улицу и вдыхая пахучую свѣжесть.

И опять твердымъ шагомъ пошелъ Игнатъ, не поворачивая завязанной башлыкомъ шеи. Пройдя версты двѣ по деревнямъ, выйдя на лугъ, на дорогу въ гору, онъ

увидаль на горѣ знакомую усадьбу, темный палисадникъ во дворѣ и четыре освѣщенныхъ окна за нимъ. Но пошелъ онъ къ нижнему саду, спускавшемуся по горѣ отъ усадьбы до самаго луга, вошелъ въ его ворота, перешелъ по влотиѣ занесенной снѣгомъ сажалки, направляясь къ длинной и мрачной бревенчатой избѣ скотнаго двора, чернѣвшаго въ глубинѣ сада, подъ вѣковыми деревьями. Небо надъ ними было синее, бездоиное, съ рѣдкими крупными звѣздами. Мѣсяць катился въ вышинѣ справа. Впереди, среди сѣта и тѣней, то садясь на заднія лапки и поднимая торчкомъ уши, то дѣлая короткіе прыжки, двигался заяцъ, пробираясь на золотую поляну за сажалкой. Красно-золотой звѣздой казался огонь въ избѣ подъ деревьями.

Почему не спать, почему такъ пристально посматрѣлъ на Игната тотъ блѣдно-голубой лицомъ, бѣловолосый, длинаголовой пастушонокъ, что отворилъ дверь этой большой, очень теплой избы? Надъ столомъ привѣшена была къ ея блестящему, какъ каменный уголь, потолку лампочка. Въ переднемъ углу—олеографія въ рамкѣ: Николай угодникъ въ малиновомъ одѣяніи, съ фіолетовой бородой. Коростовая свинка ходила по липкому земляному полу, хрустѣла, катала что-то по зубамъ. Въ загородкѣ возлѣ печи стояли телята, коричневые и желто-бѣлые. Они не спали, клали морды съ широкими, нѣжными, влажно-розовыми ноздрями на загородку, сматрѣли ясными глазами, мочились тонкими, прямыми свѣтлыми струйками. Отдавало отъ нихъ запахомъ мокрой коровьей шерсти, молокомъ парнымъ, какимъ-то утробнымъ тепломъ,—и долго вспоминалъ потомъ Игнатъ этотъ запахъ, простой, успокаивающій, а вслѣдъ за нимъ—старика-отца. На кровати возлѣ загородки сидѣлъ онъ, спустивъ блѣднѣя волосатыя ноги въ узкихъ синихъ порткахъ, лысѣющій со лба, худой, какъ скелеть, и, положивъ большія руки на колѣни, важно закрывъ слѣпые глаза и обративъ лицо къ иконѣ, шепталъ что-то.

— Онъ у насъ сумасходный, — тихо сказалъ пастушонокъ, пристально глядя на Игната. — Дуже старъ сталъ.

И услыхавъ его голосъ, чувствуя чье-то присутствие.

еще выше, важнѣе и печальнѣе откинулъ старикъ голову, свой тонкій, горбившійся отъ худобы носъ.

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ, — про-
бормоталъ онъ.

Обнаживъ стриженную, въ стѣнкахъ башлыка, голову, но забывъ поздороваться съ отцомъ, Игнатъ спросилъ мальчика:

— Любовь въ домѣ?

— Въ домѣ, въ домѣ, — поспѣшно отозвался тотъ. —
Къ ней купецъ пріѣхалъ.

Игнатъ надѣлъ фуражку, вышелъ изъ избы и пологой горой, черезъ фруктовый садъ, по заячьимъ тропинкамъ среди яблонь и свѣтлыхъ полянъ, испещренныхъ тѣнями, быстро дошелъ до калитки на барскій дворъ, откинулъ ее и, согнувшись, утопая въ снѣгу, перебѣжалъ въ зеленоватый сумракъ палисадника. И тотчасъ за маленькимъ окномъ прихожей увидѣлъ жену.

Но за стѣной дома вдругъ глухо залаяла собака. Онъ отскочилъ — и застылъ, замеръ, прижавшись къ стѣнѣ.

IV

Поставивъ въ темныхъ сѣняхъ самоваръ, она сидѣла въ прихожей съ перегородкой, выбѣленной мѣломъ, штопала чулокъ у стеариноваго огарка, горѣвшаго въ позеленѣвшемъ мѣдномъ подсвѣчникѣ на подоконникѣ. Полной казалась теперь эта красивая черноглазая женщина въ красной кофтѣ, съ мягкими грудями, въ бѣломъ платочкѣ, подъ который уходилъ среди черныхъ волосъ широкой проборъ.

Двѣ большія тѣни, одна лилово-темная, другая свѣтлѣе, падали отъ нея на перегородку, поднимались на потолокъ. Когда подошелъ подъ окно Игнатъ, она, задумчиво склонивъ голову на бокъ, поглядѣла на заштопанную пятку чулка и вынула изъ него старинную серебряную суповую ложку. Бѣлый, въ коричневыхъ пятнахъ пойнтерь, спавшій въ залѣ въ углу, на репсовой каретной подушкѣ, вдругъ басомъ брехнулъ, вскочилъ и съ гремящимъ лаемъ, стуча ногтями по паркету, побѣжалъ къ прихожей. Любка

живо и серьезно взглянула на дверь въ залъ. Потомъ, загородивъ ладонью щеку отъ огня, прильнула къ стеклу.

— Кто тамъ? — сказала она громко, съ хозяйственной строгостью, но тревожно, отдирая сперва одну, потомъ другую примерзшую форточку и заглядывая въ открывшійся, пустой, полный легкаго морознаго воздуха, квадратъ.

Свѣтлая ночь, все звончющая надъ мертвой бѣлой окрестностью, надъ давно спящими деревнями, надъ застывшей въ молчаніи усадьбой, надъ живописными и неподвижными подъ звѣзднымъ небомъ садами, крѣпла, достигала своей высшей красоты и силы. Пятна свѣта на снѣгу въ сумракѣ палисадника горѣли зеленовато. Мѣсяца Любка не было видно, — только поднимъ голову, увидала она сквозь вѣтви сосенъ его зеркальный кругъ. За стволами просторно бѣлѣлъ свѣтлый дворъ, и свѣжая колея, проѣзженная по немъ санками купца, недавно взрытый и уже затвердѣвшій слѣдъ розово сверкалъ. Любка, приглядываясь, сдвинула пьявки черныхъ бровей. Но только на мгновение смутной тревогой дошло до нея въ этой полночной тишинѣ присутствіе челоуѣка, такъ близко отъ нея прижавшагося къ стѣнѣ. Она подождала отвѣта, захлопнула фортки и пошла въ залъ накрывать на столъ.

Въ прохладномъ большомъ залѣ было сдвинуто много мебели, много стульевъ и старинныхъ креселъ. У той стѣны, гдѣ была дверь въ прихожую, стоялъ рояль. Высокія двери въ гостинную были закрыты. Между ними и угловой кафельной печкой чернѣлъ шелушившійся портретъ въ золотой рамѣ. Столъ у стѣны противъ оконъ освѣщала на цѣпяхъ спускавшаяся съ потолка лампа.

Проѣзжавшій изъ города въ купленный на срубъ милютинскій лѣсокъ и ночевавшій въ усадьбѣ купецъ былъ невысокій, тяжелый челоуѣкъ, въ черной бородѣ съ бурымъ подсѣдомъ и черными косыми глазками. Растегнувъ верхніе крючки сизаго, очень полнаго и вонючаго розмазова скаго полушубка, отвернувъ на груди пышную дымчатую овчину, онъ, мягко ступая черными поярковыми валенками, бродилъ по залу, разсматривалъ мебель, шифоньерки, брон-

зоваго коня подъ стекляннымъ колпакомъ на ползеркаль-
никѣ. Возлѣ печки возилась мышь, стараясь протолкнуть
въ маленькую щелку пола большой кусокъ лепешки. Ку-
пецъ засмотрѣлся на мышь. Вскочивъ, басомъ забрежалъ
пойнтеръ, — и онъ съ легкой улыбкой удивленія и удо-
вольствія послушалъ, какъ отдалось въ пустомъ домѣ и
завенѣли мѣдныя струны рояля; онъ приподнялъ его
крышку, попробовалъ безыменнымъ пальцемъ въ разныхъ
мѣстахъ клавиши...

— Хорошо у васъ тутъ, тихо, — сказала она вхо-
дившей и выходившей Любкѣ.

— Случно, — отвѣтила Любка, чуть усмѣхнувшись.

Она накрыла столъ, принесла вазочку съ зеленымъ
вареньемъ, солонку, въ которой соль была перемѣшана
съ крошками хлѣба, тарелку съ кускомъ солонины, ра-
дужно-ржавой, въ застывшемъ жирѣ, похожемъ на вату,
и бутылку водки съ матовымъ отъ мороза налетомъ на
стеклѣ.

— А ты бы забаву какую-нибудь прискала себѣ, —
сказала купецъ, привычно намекая на то, на что всѣ на-
мекають.

— И то правда, — тоже привычнымъ, беззаботнымъ
тономъ отвѣтила Любка.

Теперь уже не было прежней живости въ ея отвѣ-
тахъ. Она стала спокойнѣе, говорила меньше, проще и
грубѣе, привыкнувъ распорядиться и ругаться съ работни-
ками, отвыкая отъ господъ. Ограниченная, она казалась
умной, благодаря этому умѣнью, присущему женщинамъ,
подобнымъ ей, не говорить лишняго.

Когда она принесла и, высоко поднявъ, поставила на
столъ самоваръ, купецъ пролѣзъ за столъ на новый вѣн-
скій диванъ, не спуская косыхъ глазъ съ ея груди. Она
въ бокъ блеснула смуглыми бѣлками и, съ равнодушнымъ
видомъ, не спѣша, отошла, стала, какъ бы грѣясь, къ хо-
лодной печкѣ. Купецъ сдвинулъ рукавъ полушубка съ круг-
лившейся изъ него дымчатой густой шерстью и взялъ ножъ
въ лѣвую руку, а вилку въ правую. Любка и это замѣ-
тила. „Лѣвшя, — подумала она: — распутный, небось“. Но

опять грубо забрехали поинтеръ, глядя въ прихожую, и она опять тревожно прислушалась.

— На кого это онъ все? — спросилъ купецъ, вышивъ, раздувая ноздри. — Какъ отъывается! — сказалъ онъ, послушавъ. — Не домъ, а органны.

— Да все, небось, этотъ пьяница шатается, мужъ скотницы нашей, — отвѣтила она и, подумавъ, насмѣшливо улыбулась. — Тутъ такая потѣха идетъ, не приведи Богъ.

Купецъ, отрѣзая кусочекъ солонины и намазывая его горчицей, равнодушно удивился:

— Да что ты!

— Ей-Богу, — сказала Любка. — Закружилась тутъ съ однимъ, да и другимъ не отказываетъ. Ну онъ и ходитъ. Грѣхъ судить, а только дойдетъ у нихъ дѣло до бѣды.

— Что жъ, еще дружка себѣ нашла?

— Да ай ихъ мало! — сказала Любка, думая не о скотницѣ, а о себѣ и о своемъ любовникѣ, портномѣ изъ Шатилова, бѣшено ревновавшемъ и все грозившемъ убить ее.

Говоря, она косилась на окно возлѣ дверей въ гостинную. Во всѣхъ окнахъ зелено и остро искрились обледенѣвшія нижнія стекла. Въ это окно, незамерзшее, видны были рѣдкія звѣзды на синемъ небѣ, зелень палисадника и застрѣха въ снѣгу. Купецъ ѣлъ, что-то обдумывая. Любка слабо зѣвнула и опять заговорила:

— А, должно, здоровый морозъ будетъ. Куда въ даль такъ-то поѣхать, замерзнешь.

— Очень просто, — сказалъ купецъ и посмотрѣлъ на поинтера, положившаго морду на лапы. — А собака это же чья?

— Да барина нашего молодого, Николая Кузьмича, — сказала Любка. — Надоѣла до крайности. На дворѣ никакъ не можетъ жить, нѣжна очень. Голая вся. Два раза въ недѣлю купаю, пропасти на нее нѣту. Онъ у насъ чудакъ какой-то.

— Да и дуракъ, можно сказать, хороший, — вставилъ купецъ.

— Дуракъ, нѣтъ ли, не мое бабье дѣло судить, — сказала Любка, думая, что такой скромный отвѣтъ понравится купцу. — Только, правда, никуда не гожаются и дома не живутъ, а объ собакѣ въ каждомъ письмѣ пишутъ, беспокоится.

— А ты ужъ давно здѣсь проживаешь?

— Давно. Седьмой годъ, никакъ.

— И довольна, значить?

— Да чего жъ мнѣ? Сама себя голова. Они, господа-то, почестъ, и не живутъ тутъ.

— Мужъ-то въ солдатахъ?

— Въ солдатахъ.

— И на войну не попалъ?

Любка засмѣялась, держа руки за спиною, какъ бы грѣя ихъ.

— Они, такіе-то, счастливые, черти, — сказала она, смѣясь.

— И отслужится, небось, скоро?

— То-то и бѣда, что скоро. Все писалъ, грозилъ: сопьюсь. А мнѣ какая забота? Самъ же будешь подъ заборомъ лежать, — сказала Любка то, что часто говорила портному. — И опять же ревнивъ, надоѣлъ своей любовью досмерти... Все, бывало, грозить — убью, а скажи ласковое слово — сейчасъ слюни распустишь. Да что жъ, и убьетъ... Ночью, когда такъ-то кобель забрешетъ, жутко, правда...

— Ты жаловаться на него имѣешь право, — сказалъ купецъ. — Это время прошло, чтобы сдуру, здорово живешь, людей бить.

Онъ съѣлъ всю солонину, обрѣзая ватный жиръ, допилъ водку. Глаза его стали маслянистыи, полушубокъ онъ растегнулъ. Икая, онъ вынулъ изъ кармана красную осьмушку табаку, камышевый мундштукъ, книжечку папирсной бумаги, аккуратно раскрылъ ее, отдулъ одинъ листокъ, свернулъ своими короткими пальцами съ выпуклыми, круглыми ногтями толстую папиросу и съ наслажденіемъ закурилъ.

— Давно замужъ-то вышла? — спросилъ онъ съ мутной усмѣшкой.

— Пятый годъ пошелъ.

— А дѣтей не было?

— Не было.

— Почему же такъ? Ты вѣдь, думается, крѣпка, хороша была?

— Страшная хорошая! — сказала Любка, польщенная, но улыбаясь насмѣшливо, и начала врать: — А ужъ это видно, не моя вина, я сама по дѣтяхъ скучаю. Значитъ, онъ чѣмъ нибудь испорченъ, а моя какая можетъ быть вина? Онъ на то и зло на меня имѣетъ, на то и обижается. А я смолоду горячая была, — искусаю его, бывало, до синяковъ, а у него старанья много, а все безъ толку... Плохая наша бабья доля, — сказала она.

Купецъ уставился на нее прищуренными глазами. Затягивался онъ все глубже, пуская дымъ въ потолокъ.

— Это вѣрно, — сказалъ онъ, не зная, что говорить. — Да что ты все около печки-то спасаешься?

Сдерживая улыбку, Любка отвѣтила съ дѣланной простотой:

— А гдѣ жъ мнѣ стоять? Мое мѣсто тутъ.

— Къ столу садись, — сказалъ купецъ. — Тутъ лучше согрѣешься. Будетъ калянить-то, авось, я не взыщу.

— Не взыщете, такъ сяду, — отвѣтила Любка съ игривой скромностью и сѣла къ столу на стулъ.

Она понимала, что купецъ началъ томиться, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Купецъ, отвалиясь къ спинкѣ дивана, порою вздыхалъ, отдувался, закрывая глаза и хмуро улыбаясь, порою тяжело смотрѣлъ на ея грудь, пробормотавъ и глаза его то стеклянились, то вспыхивали. Дѣлая видъ, что она ничего не замѣчаетъ, Любка, опустивъ рѣсницы, пила жидкій чай съ лимономъ, скромно вытирала концомъ головного платка потѣющую верхнюю губу, покрытую чернымъ пушкомъ. Купецъ вздохнулъ еще шумнѣе и вдругъ, не глядя на нее, сталъ торопливо и неловко разстегивать своей крѣпкой маленькой рукой пазуху синей фланелевой рубашки, подъ которой былъ жилетъ. Разстегнувъ и жилетъ.

онъ запустилъ руку во внутренней боковой карманъ и вытащилъ бумажникъ. Любка сдвинула пальцемъ тонкій ломтикъ лимона къ краю блюда, положила его въ ротъ и стала высасывать, не въ мѣру морщаась, дѣлая видъ, что чувствуетъ только одно — острую кислоту. Мгновенно замѣтила она, что бумажникъ очень толстый и потертый, быстрымъ взглядомъ окинула пухлую пачку розовыхъ кредитокъ, которую вынулъ купецъ изъ бумажника. Отдѣливъ одну кредитку, склеенную бумажной ленточкой, спрятавъ остальные, онъ сталъ лѣвой рукой пихать бумажникъ обратно, а правую ковшикомъ положилъ на нее.

— Довольно, что ли? — спросилъ онъ.

Какъ будто ничего не понимая, Любка равнодушно взглянула на десятирублевку, потомъ перевела томно-пристальные глаза на него.

— Что говорю-то? — повторилъ онъ смѣло, почти грубо.

Молча взявъ и сунувъ деньги въ карманъ юбки, она поджала руки, навалилась на столъ и опять посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ. Онъ, не зная, что говорить и дѣлать, взялъ ее за правую руку, потянулъ за концы корявыхъ снизу пальцевъ. Она отняла ихъ и, тоже не зная, что сказать, спросила:

— Что жъ сало-то не докушали?

И, взявъ оставшійся на тарелкѣ кусочекъ, положила его въ ротъ.

— А я люблю, — сказала она: — она сладкая, опричи едем на сковородкѣ поджарить. — И засмѣялась: — Постъ, а мы жремъ... — И, помолчавъ, беззаботно добавила: — Ну, да авось, все одно въ аду кипѣть.

— За что же это? — спросилъ купецъ.

— Да за все. Наше мѣсто въ аду. Старые люди говорятъ, все одно изъ мужиковъ въ святые не выходятъ. Всегда изъ архиреевъ, алхимандритовъ.

И вдругъ, разгибаясь, рѣшительнымъ шопотомъ ска-

— Ну, пойдете, что ль...

Игнать, стоя на снѣгу. давно не чувствовалъ ногъ, окаменѣла и голова его, насквозь промерзла, стала тонкой, ледяной шинель. Сперва онъ пошевеливалъ пальцами въ сапогахъ, двигалъ плечами. Потомъ уже не обращалъ вниманія на то, что все послѣднее тепло сосредоточилось и дрожало у него гдѣ-то подъ ложечкой, что стали деревянными губы, обросли инеемъ края башлыка, рѣсницы и усы.

Онъ не замѣчалъ времени, весь поглощенъ былъ страстнымъ желаніемъ, чтобы оправдались его подозрѣнія. Пропѣли вторые пѣтухи. Сила, свѣтъ, красота ночи стали ослабѣвать. Мѣсяць, блѣднѣя, склонялся къ западу. Оріонъ, три поперечныхъ звѣзды его низко стояли на юго-западномъ горизонтѣ серебряными пуговицами, стали ближе и ярче. Отъ людской, надъ которой склонялся мѣсяць, пала, полъ двора захватила тѣнь. Было такъ морозно и тихо, что слышно было, какъ возились на насѣстѣ ночевавшія въ сѣняхъ людской куры, какъ въ конюшнѣ мѣрно хрустѣла овсомъ лошадь купца, какъ потомъ она, съ глубокимъ вздохомъ, легла. Противъ крайняго незамерзшаго окна зала торчала изъ снѣга, подъ нависшими вѣтвями ели, скамейка. Снѣгъ, мѣстами атласный, мѣстами хрупкій, какъ соль, разсыпчатый и все твердѣвшій отъ мороза, визжалъ и хрустѣлъ при каждомъ, самомъ осторожномъ шагѣ. Затаивъ дыханіе, Игнать добрался до скамьи, сталъ на нее и, разведя руками глянцеви́то-ледяную зелень хвои, все забылъ, увидавъ внутренность зала, увидавъ эту страшную для него, двигающуюся, что-то говорящую и улыбающуюся женщину и человѣка, бывшаго съ ней въ этотъ поздній часъ одинъ-на-одинъ во всемъ домѣ.

Но время шло, шло — и ничего особеннаго не происходило въ залѣ. Вотъ Любка сѣла, наконецъ, къ столу, и купецъ сталъ вынимать что-то изъ-за пазухи. Но что? Какъ ни напрягалъ Игнать зрѣнія, разглядѣть не могъ: мѣшалъ самоваръ, посуда... Вотъ Любка привстала, облокотилась на столъ, подвинулась къ купцу, и въ незастегнутый разрѣзъ ея платья сзади стала видна нижняя бѣлая

юбка. И въ міръ настала такая страшная тишина, что осталось въ немъ только бѣшеное бѣшеніе сердца Игната. Но въ тотъ же мигъ Любка внезапно разогнулась, быстро пошла по залу, къ двери, ведущей внутрь дома, за нею двинулся купецъ, — и легко, уже ничего не думая, Игнатъ соскочилъ со скамейки и побѣжалъ подъ елями въ сторону, противоположную парадному крыльцу, чтобы, обогнувъ домъ, вскочить въ него съ задняго. На пустой синеви небосклона съ новыми, предутренними звѣздами, сквозилъ чернѣя, потонувшій въ снѣгахъ, низкій фруктовый садъ. Еще давеча замѣтилъ Игнатъ, выходя изъ сада, кучи хвороста между нимъ и домомъ. Въ хворостѣ всегда валялся топоръ. И, добѣжавъ до хвороста, Игнатъ кинулся искать этотъ знакомый, зазубренный, ржавый топорикъ со скользкой рукояткой, — сталъ шарить, обдирая руки о ледяные прутья и обжигая ихъ о снѣгъ, синевато блестящій противъ низко опустившейся сонной луны.

Купецъ, нащупавъ въ карманѣ полушубка маленькій и, какъ камень тяжелый, револьверъ, вошелъ, между тѣмъ, въ темный коридоръ и протянулъ впередъ руки.

— Тутъ хворостъ на топку приготовленъ, не упадите, — сказала Любка, и онъ, наступая на сучки и съ трескомъ ломая ихъ, ощутилъ пріятный, горьковатый запахъ холодной дубовой коры и сухой лисья въ снѣгу.

Любка остановилась, говоря: „это у насъ задняя прихожая“, пошарила по стѣнѣ и отворила дверь въ большую нежилую комнату, очень холодную, пахнущую ветчиной, освѣщенную двумя тускло синѣющими окнами съ замерзшими верхними стеклами. Мѣсяцъ стоялъ далеко, съ другой стороны дома, въ этой комнатѣ было сумрачно, но все-таки купецъ разглядѣлъ окорока, висѣвшіе подъ потолкомъ, кадку съ соленымъ саломъ, сепараторъ, слабо поблескивающій никелемъ велосипедъ, бѣляющія на полу крынки и кровать у стѣны — деревянную, безъ перины, съ одной подушкой безъ наволочки. И, повернувшись, задомъ подвигаясь къ кровати, Любка предупредила, но уже тайно, отъѣвчающимъ моменту шопотомъ:

— Смотрите, не попадите въ масло...

Она стала такъ, чтобы удобнѣе было лечь, чтобы купцу можно было повалить ее. И у него сразу отнялись ноги отъ ея шопота. Она еще что-то шептала, ласково, съ дрожью въ голосѣ, но онъ уже не слушалъ, — онъ, охвативъ и прижимая къ себѣ ея тяжелое тѣло, толкалъ ее къ кровати все ближе, пока икры ея не уперлись въ нее, пока кровать не пришлась подъ самыя ея колѣни. И тутъ Любка, дотолѣ слабо сопротивлявшаяся, безмолвно повалилась. Она чувствовала боль отъ давленія часовъ и цѣпочки и одной рукою разглаживала густую мягкую бороду, а другою крѣпко держала за указательный палецъ съ большимъ золотымъ перстнемъ. Она чувствовала вступающую въ тѣло сладкую муку, волны истомной силы, и, какъ бы сердясь, стала перекусывать волосы бороды, закрывавшей ея ротъ. Обѣими руками охватила она и крѣпко прижала къ себѣ бычью, сморщенную шею, лохматую голову... Но голова эта вдругъ поползла изъ-подъ рукъ внизъ, тѣлу Любки стало легко, а ногамъ больно отъ тяжести. Она приподнялась. Купецъ грузно сѣлъ на полъ, захрипѣлъ и уваль навзничь, мягко стукнувшись затылкомъ. Она вскочила и кинулась поднимать его. Но онъ дышалъ, какъ умирающій, хрипя и свистя горломъ, тѣло его съ высокимъ, раздувающимся животомъ, было огромно и тяжело, какъ мертвое. И страхъ холодомъ облилъ ея голову.

Задрожавшими руками она стала срывать съ полуницы воротъ его фланелевой рубахи, разстегнула поясъ съ серебрянымъ наборомъ. Потомъ схватила подушку съ кровати и бросила ее на полъ. Побѣжала въ прихожую, зажгла огарокъ, сунула полотенце въ ведро съ водой и вернулась, освѣщая въ коридорѣ во все стороны кинувшихся крысь. Поставивъ огарокъ на кровать, она накрыла полотенцемъ лобъ и закотившіеся глаза купца, съ ужасомъ глядя на его горой лежащее тѣло, на распахнутыя полы полшубка и на бѣлое полотенце на сизомъ лицѣ съ задранной сверху черной бородой. И вдругъ, какъ громъ, раздался стукъ двери. И, вскинувъ глаза, Любка окаменѣла, увидавъ надъ собой солдата, показавшагося ей чуть не до потолка ростомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ фу-

ражку, а правой, отведенной назадъ, сжималъ топоръ. Сдѣлавъ къ Любкѣ шагъ, онъ быстро перехватилъ его рукоятку, но еще быстрѣе, ловя послѣднюю секунду, она твердымъ голосомъ приковала его къ мѣсту.

— Мой грѣхъ, — быстро сказала она. — Добывай скорѣе. Богаты будемъ. Скажемъ, что его ударъ расшибъ. Скорѣе!

Игнать глянулъ на ея сразу похудѣвшее, обрѣзавшееся лицо, на расширенные и неподвижные черные глаза, красную кофту и засученныя смуглыя, полныя руки — и со всего размаху ударилъ обухомъ въ мокрое полотенце.

VI

При третьихъ пѣтухахъ въ людской уже горѣла лампа и топилась печь. Кухарка сладко зѣвая, сидѣла противъ неч на лавкѣ, грѣлась и, не моргая, смотрѣла на жаркое разноцвѣтное пламя, окликая спавшаго на печи Ѳедьку, работника купца, которому было приказано запрягать пораньше. Онъ, заспанный, мордастый, съ бѣльмомъ на глазу, слѣзъ съ печи, зачерпнулъ изъ кадки корецъ ледяной воды, умылся изо рта, одной рукой, разодралъ кухаркинымъ деревяннымъ гребнемъ свои сбитые густые волосы, покрестился въ уголъ, откашливаясь, залѣзъ за столъ, съѣлъ чугуничекъ горячихъ картошекъ, насыпавъ кучку соли на сырую доску стола и отрѣзавъ огромный ломоть хлѣба, потомъ ладно одѣлся, очень туго и низко подпоясался, закурилъ и бодро, повизгивая по морозному утреннему снѣгу нагольными, твердыми, какъ дерево, и рыжими отъ снѣга сапогами, мотая закопченнымъ фонаремъ, въ которомъ горѣлъ сальный огарокъ, пошелъ запрягать.

Допѣвали пѣтухи, ночь смѣшалась съ днемъ. Изъ неопредѣленнаго разсвѣтлаго сумрака съ утренней определенностью выступали предметы. Снѣгъ на дворѣ, на крышахъ становился блѣдно-бѣлымъ, чуть синѣя. Блѣднѣло, расширялось легкое небо за садомъ, за сквозными деревьями. Воздухъ былъ чистъ и остеръ, какъ вѣиръ. Въ густой ледяной хвоѣ морозно-неподвижнаго палисадника возлились

проснувшись галки. А на западѣ чувствовалась ночь, ея тайна. Мертво блестяль невысокій мѣсяць на сумрачномъ горизонтѣ, на синеватомъ небосклонѣ за сѣвжной долиной рѣки. Отворивъ ворота сарая и поставивъ фонарь на старый, тяжелый фазонтъ, загаженный курами и покрытый замерзшей еще съ осени грязью, Федька взялся за холодныя оглобли маленькихъ крашенныхъ санокъ и, пятясь, скребя по мерзлой землѣ желѣзными подрѣзами, поволокъ ихъ изъ темноты за порогъ, на блѣдный свѣтъ утра. Снявъ затѣмъ съ деревяннаго колка, вбитаго въ каменную стѣну сарая, наборную узду, захвативъ изъ санокъ сѣделку, онъ пошелъ по твердому, длинному сугробу, мимо заткнутыхъ соломой и забитыхъ сѣнгомъ окошекъ копошени, къ деннику, гдѣ стоялъ тяжелый, мохнатый жеребецъ куца.

Въ навозномъ темномъ денникѣ тепло, хорошо пахло лошадыю, ея свѣжимъ пометомъ и недофденнымъ сѣномъ. Широкий, весь курчавый и сѣдой отъ инея жеребецъ, услыхавъ стукъ двери, повернулъ голову на свѣтъ и легонько заржалъ. Федька подошелъ къ нему — и онъ, играя, опустилъ голову. Федька подвелъ узду подъ нее, — онъ согнулъ толстую шею въ косматой, жесткой гривѣ еще круче. И, мотая головой, поталкивая лбомъ въ грудь Федькѣ, въ его тугую полдубокъ, долго не давался вложить удила. Наконецъ Федька втолкнулъ ихъ въ раздавшися желтые зубы, обтеръ руку, испачканную слюной и пѣной, о хвостъ жеребца, дѣлая сразу два дѣла — обтирая руку и приглаживая, оправляя загнувшися кверху, зачесавшіися волосы на рѣпкѣ, — и повелъ его къ водовозкѣ, поить.

Съ параднаго крыльца, изъ тихаго, съ мертвыми окнами, занесеннаго сѣнгомъ дома вдругъ выскочила бѣлая, въ коричневыхъ пятнахъ собака. Отрывисто брехнувъ, она, какъ шальная, сдѣлала два круга возлѣ крыльца и опять кинулась въ домъ. Федька съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее. Но жеребецъ тянулся къ кадкѣ съ водой, ударилъ мордой въ ледъ, покрывшій воду, пробилъ его — и вода слегка задымилась. Жеребецъ прильнулъ къ ней своими бархатными губами и, посапывая, долго-долго тянулъ ее; онъ отрывался, разгрызалъ льдинки, слегка повернувъ

голову къ Ѳедкѣ, — и Ѳедька ласково, поощрительно по-свистывалъ, глядя на его свѣтлый крупный глазъ и свѣтлыя капли, падающія съ губъ.

— Ну, будя, навѣкъ все одно не напьешься, — сказалъ онъ звучнымъ голосомъ и повелъ жеребца къ санкамъ.

Совсѣмъ свѣтло стало. Въ саду, въ голыхъ кустахъ, уже трещали воробьи. Небо за садомъ помутнѣло, окрасилось алооранжевымъ. Мѣсяцъ краснѣя, садился за деревней, выдѣлившейся и бѣлѣвшей крышами на сумрачно-лиловомъ западѣ. Заложивъ жеребца, застегнувъ вожжи, Ѳедька, не выпуская ихъ изъ рукъ, кинулся къ сидѣнью въ одну сторону, а жеребецъ, рванувъ съ мѣста — въ другую. На бѣгу ввалившись въ санки, разодравъ ему удилами челюсти и на поворотѣ крѣпко взрѣзавъ подрѣзами разсыпчатый насть, Ѳедька съ атласнымъ скрипомъ перевалился черезъ мягкій, новый сугробъ въ воротахъ и помчался въ поле, на свѣтлый, веселый востокъ — погрѣть лошадь.

И старый, тяжелый жеребецъ быстро запыхался. Ѳедька, сдѣлавъ версты полторы, обжегши лицо встрѣчнымъ острымъ вѣтромъ, широко завернулъ и шагомъ поѣхалъ обратно. Шагомъ вѣхалъ онъ во дворъ, направляясь къ парадному крыльцу — и вдругъ раскрылъ глаза и натянулъ вожжи: кухарка съ плачемъ, исказивъ блѣдное при золотистомъ утреннемъ свѣтѣ лицо, бѣжала отъ крыльца къ людской, а на крыльцѣ сидѣлъ человѣкъ въ сѣро-рыжей шинели, въ башлыкѣ, стоякомъ завязанномъ вокругъ шеи, съ обнаженной стриженной головою. Наклоняя ее, онъ правой рукой сгребалъ съ сѣраго наста возлѣ ступенекъ свѣжій, бѣлый снѣгъ и прикладывалъ его къ темени.

При дорогѣ.

1

Устинъ, отецъ Парашки, жилъ при большой Новосильской дорогѣ.

Мѣсто, что онъ выбралъ себѣ, отойдя отъ господъ, было безлюдное. Ржи морями разливались по волнистымъ полямъ вокругъ его степного двора. Во ржахъ за дворомъ стояли два неприютныхъ дубка, шли неглубокіе овраги, густо зароставшіе къ лѣту бѣлыми цвѣтами. Во ржахъ за большой дорогой терялся дубовый лѣсокъ; въ той сторонѣ было и село — однодворческое старинное село Баево, да волнистыя поля скрывали его. До воли было много проѣзжихъ по большой дорогѣ. Потомъ ихъ слѣды, колеи, изрѣзавшія всю дорогу, затянулись, заглохли, закудрявились рѣдкой мелкой муравой.

Устинъ давно вдовѣлъ, — говорили, что онъ убилъ жену, изъ ревности, — жилъ не по-мужицки: не землей, а тѣмъ, что давалъ деньги въ ростъ; сѣялъ онъ только для домашняго обихода, вокругъ дубковъ и надъ оврагами, на помѣстной землѣ, и даже скотины путной не держалъ: хороши у него были одиѣ лошади. Въ избѣ хозяйничала сперва его любовница, вдова-однодворка, потомъ какая-то нищенка, потомъ старшая дочь Евгенія. Но Евгенію, чуждую и немилую ему, онъ рано выдалъ и замѣстилъ работникомъ, пожилымъ придурковатымъ мужикомъ Володей. А самъ часто отлучался изъ дому -- и росла босоногая, молчаливая Парашка одиноко.

было
въ Б
овещ
сти
вани
посъ
худо
поро
льн
медл
момъ
пахо
А за
запе
маль
ѣхал
рукѣ

ляяс
отца

безъ
стыл
удер
мотъ
ясан
кахъ
запу
ломъ
сѣра
подъ

шиси

рисъ
пере

Однажды, — ей шелъ тогда четырнадцатый годъ, это было какъ разъ въ то лѣто, когда Евгенія переселился въ Баяво, — гнали по большой дорогѣ порядочный гуртъ овецъ: часто такъ дѣлають — покупаетъ купецъ сто, двѣсти головъ на одной ярмаркѣ и перегоняетъ ихъ на другую, нанимая для того босяковъ, а для надзора за босяками посылая приказчика. Дотлѣвала лѣтняя заря далеко позади хутора. Поджидая отца изъ города, Парашка сидѣла на порогѣ избы, глядѣла на вечернія поблекшія поля, на голый просторъ дороги. Овцы густой грязно-сѣрой отарой медленно двигались мимо съ тѣмъ неопредѣленнымъ шумомъ, что производятъ и движеніе и дыханіе ихъ, съ запахомъ своего руна и корма — степныхъ травъ и польни. А за ними шли собаки съ высунутыми красными языками, запекшимися и запыленными за-день, оборванный высокій малый рядомъ съ оборваннымъ старикомъ, и верхомъ ѣхалъ на бѣломъ горбоносомъ киргизѣ съ кутузкой въ рукѣ, въ картузѣ на затылокъ, молодой мѣщанинъ.

— Здравствуй, красавица, — сказалъ старикъ, отдѣляясь отъ гурта. — Помоги намъ, проходимъ, попроси у отца сѣрничка...

Она долго не отвѣчала, разглядывая его. Онъ былъ безъ шапки, клоки ея были надѣты на его скользкій костыль. Онъ положилъ на него крупныя блестящія руки, удерживая ихъ дрожь, и съ трудомъ дышалъ. Въ лохмотьяхъ рыжаго пальто, надѣтаго на голое тѣло и подпоясаннаго обрывкомъ, въ подштанникахъ и сбитыхъ опоркахъ, зелено-сѣдой и кудлатый, мертвенно-блѣдный и съ запущенными глазами, онъ имѣлъ видъ яростный, но въ хрипломъ его голосѣ была доброта, усталость. Видна была сѣрая шерсть на его груди, видно было, какъ трепещетъ подъ грудью сердце...

— Отца дому нѣтути, — отвѣтила Парашка, наглядѣвшись.

— Такъ я и зналъ, такъ я и зналъ, — сказалъ старикъ. — Все катается, а ты одна растешь... „Вечоръ наша перепелушка, — сказалъ онъ, глядя на землю: — вечоръ наша

рябая всею ношеньку прокликала, всею, темную, протря-
кала... Какъ же намъ быть-то, красавица?

Подошелъ малый, мелкой бойкой рысью подѣхалъ
верховой, по-степному поджимая ноги въ стремяхъ подъ
брюхо своего толстогрудаго киргиза, умореннаго, но все
горячиншагося, задиравшаго назадъ большую голову на
крутой шеѣ. Они поглядѣли на старика насмѣшливо, —
знали его манеру разговаривать, — на Парашку вниательно.
Малый былъ очень длиненъ и тонокъ, съ покатыми пле-
чами, съ круглымъ кошачьимъ лицомъ, въ сѣромъ ар-
стантскомъ картузѣ, а верховой — сухощавъ, но широкъ,
очень смуглъ и съ блестящими глазами.

— Я ея отца знаю, — сказалъ онъ, глядя съ сѣдла
на Парашку, на ея маленькія ноги, загорѣлыя плечи и гряз-
ную сорочку. — Богатый плутъ... Ступай въ печуркѣ, либо
за образами поищи, — прибавилъ онъ строго.

Парашка, не сводя глазъ съ киргиза, короткаго, плот-
наго и легкаго, все мотавшаго тяжелой головой и грызшаго
желтыми зубами слюнявыя удила, вскочила съ порога, сбѣ-
гала въ избу и вернулась съ коробочкомъ спичекъ. А мѣ-
щанинъ тѣмъ временемъ слѣзъ со стараго, сухого и за-
масленнаго казацкаго сѣдла, расправляя короткія ноги. Ма-
лый отошелъ, пристально смотрѣлъ куда-то въ поле. Взявъ
спички, молча пошелъ прочь и мѣщанинъ, повелъ киргиза
къ остановившемуся съ опущенными головами гурту. Но
Парашка навсегда запомнила его пропыленный пиджакъ,
доснящіеся штаны, заправленные въ сапоги съ узкими но-
сами и широкими голенищами, грязный воротъ вышитой
рубахи и то, что все лицо его было, точно порохокомъ, усѣ-
яно синеватыми точками угрей, что на смуглыхъ скулахъ
его вились рѣдкіе жесткіе волосы, такіе же рѣдкіе, же-
сткіе и смоляные, какъ и надъ углами рта. Онъ взглянулъ
на нее, уходя, и поразилъ ее красотой своихъ твердыхъ
глазъ. А старикъ, вѣрно, замѣтившій это, сказалъ ей на
прощанье странныя слова:

— Ну, вотъ мы и жители... Прощай, спасибо тебѣ,
красавица. Попомни, что сказалъ тебѣ страшный старикъ

босякъ: этотъ воръ-мѣщанинъ можетъ погубить тебя. Ты на такихъ-то не заглядывайся...

А потомъ на парахъ за дорогой, тамъ, гдѣ заночевалъ гуртъ, долго нылалъ въ темнѣющей синевѣ вечера желтый жаркій костеръ. Ночь шла — отца все не было. Сидя на порогѣ, Парашка слушала, какъ Володя доить на варкѣ, за сѣнцами, корову, и не спускала глазъ съ костра. „Вечоръ наша перепелушка...“ — вспомнила она слова старика — и, чувствуя сладкую тоску ихъ, видѣла темную-темную ночь и робкую перепелку, трюкающую въ темнотѣ, неоглядномъ разливѣ хлѣбовъ... Все краснѣй горѣлъ костеръ — и онъ, этотъ черноглазый мѣщанинъ, который могъ погубить ее, былъ тамъ, еще близко... Наконецъ ровный, успокаивающій звукъ отцовской телѣжки донесся до ея слуха. Она вскочила въ темную избу и легла, притворяясь спящей. Отецъ подѣхалъ къ порогу, крикнулъ Володѣ; вошелъ и сталъ что-то вѣшать на стѣну. Зашумѣли сонныя мухи въ рѣшетахъ и ситахъ, возлѣ печки.

— Батюшка! — негромко позвала Парашка.

— Аюшки? — отозвался отецъ вполголоса.

— Это какой босякъ бываетъ?

— А разуйся хоть ты такая-то, вотъ тебѣ и будетъ босякъ.

— Да онъ не босой. Онъ въ полсапожкахъ.

— Ну, знать, пропился догола. А гдѣ ты могла видѣть его?

Парашка рассказала о прохожихъ, умолчавъ о послѣднихъ словахъ старика.

— Знать, бальмашевскій гуртъ гонять, — сказала онъ, не слушаая толкомъ и перевѣсивая наборную узду съ одного жолка на другой. — То-то, я гляжу, костеръ горить...

— А отчего у него лошадь въ крови?

— У кого это?

— У приказчика. Вся грудь въ струпахъ.

— А это оттого, что онъ киргиць называется, — сказала отецъ. — Эти лошади, дочка, злыя, горячія живутъ.

Вотъ и сѣкутся, сами себѣ кровь бросають... И тавро, небось, есть?

Парашка подумала.

— А какая она?

— А въ родѣ печати... какъ печать выжжена на ляжкѣ, чтобъ видать было, что это не простая лошадь, а изъ тавра, изъ косяка киргизскаго... Ну, спи, спи, коли поужинала, — прибавилъ онъ. — А я въ холодную пойду, тамъ закушу...

И, отворивъ окно, ушелъ въ другую половину. Въ окно было видно лѣтнее ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ, чуть тянуло свѣжестью, смѣшанной съ запахомъ гари потухавшаго костра... И, волнуясь отъ этого запаха, что-то какъ будто напоминавшаго, слушая отца, горячо, но негромко говорившаго подъ окномъ съ Володей, Парашка заснула въ чувствѣ того жуткаго и манящаго, что есть въ неизвѣстныхъ прохожихъ и проѣзжихъ людяхъ, очарованная смутной думой о томъ, какъ погубить, какъ увезетъ ее куда-то въ даль молодой мѣщанинъ.

II

Съ тѣхъ поръ прошло два года; пошелъ третій. Парашка измѣнилась. Мало-по-малу она заняла свое мѣсто въ хозяйствѣ, стала таскать, надрывая свой дѣвичій животъ, горшки и чугуны изъ печки, доить коровъ, обшивать отца... Но нравъ ея мѣнялся мало. Одно лѣто на нее напала страсть къ селу. Она стала наряжаться, гостить у сестры, бывать съ дѣвками въ хороводахъ, пѣть и плясать съ ними, притворяясь бойкой. Потомъ бросила, опять почувствовала себя чужой селу, дѣвкамъ, Евгениі. Евгения тоже навѣщала ее, — она ходила солдаткой, дѣтей не имѣла, вдоваго своего свекра не боялась. Но были обѣ онѣ молчаливы, да и слишкомъ разны во всемъ. Милосивую, на видъ спокойную Парашку никто бы и не назвалъ сестрой Евгени: та была крѣпка, плечиста, глядѣла изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, сжавъ губы; странно было видѣть ее ску-

лстое, короткое, рѣшительное лицо рядомъ съ нѣжнымъ оваломъ нерѣшительнаго дѣвичьяго лица.

Близокъ былъ Парашкѣ лишь отецъ. Ея любовь къ нему росла съ каждымъ годомъ. Но не простая, не спокойная была эта любовь.

Она любила отца застѣчиво, той обостренной любовью, которой часто дочери любятъ вдовыхъ отцовъ. Замѣнять ему мать, хозяйку, заботиться о немъ, таскать для него горшки изъ печки было для нея радостью и гордостью. Но порою эта радость отравлялась болью — вспоминалась однодворка, хозяйничавшая когда-то въ отцовской избѣ... Въ томъ страшномъ и мало понятномъ, что случилось между отцомъ и матерью, о чемъ еще въ дѣтствѣ несвязнымъ шопотомъ, съ чужихъ словъ, рассказывала Евгенія, Парашка была на сторонѣ отца. Но порою находило сомнѣнiе: да такъ ли, правъ-ли онъ былъ? — и тогда казалось, что не было на свѣтѣ человѣка лучше и красивѣе матери. Отца Парашка мало видѣла, а понимала и того меньше, постоянно чувствуя и робость и неловкость въ разговорѣ съ нимъ. Да и у всѣхъ онъ слылъ не легкимъ, не простымъ человѣкомъ. Чистотою и правильностью чертъ, тонкимъ станомъ, бронзовой бородкой и зоркостью зеленыхъ глазъ онъ напоминалъ старикамъ-дворовымъ объѣзчика-черкеса, жившаго когда-то у господъ его. Но и крестьянскаго не мало было въ его осторожныхъ манерахъ, въ неуклюжихъ сапогахъ, въ густыхъ кудряхъ, разобранныхъ на прямой рядъ, въ воротѣ суровой рубахи и сермяжной поддевки. Онъ уменъ и привѣтливъ былъ, даже добръ, но всѣ его побаивались: ужъ очень разсудителенъ. Приходили къ нему изъ селъ, изъ деревень за помощью. Онъ никому не отказывалъ. Онъ внимательно выслушивалъ, кивая головою, все приподнимая со лба свои бронзовые завитки. Въ глаза поглядывалъ не строго, но пылливо, подзадкивалъ, никогда не перебивая, вполголоса. Лихву назначалъ скромную. Но въдъ лихвой и жилъ онъ, а такіе люди всегда страшны немного.

Вырастая, Парашка худѣла. Въ лицѣ ея появлялось то неуловимое сходство съ отцомъ, которое такъ нѣжно про-

является у дочерей, любимыхъ отцами и на первый взглядъ какъ будто и не схожихъ съ ними. Многое одинаково за- таивали, сдерживали они въ себѣ, многое одинаково воспри- нимали: какъ, напримѣръ, волноваль ихъ обоихъ видъ цы- ганскаго табора, идущаго осенью по большой дорогѣ на низы, къ югу!

— А я, мальчишкой, разъ было убежъ за цыганами, — сказала однажды Устинъ, усмѣхаясь.

— Да что-же? Одумался? — спросила Парашка.

— Одумался. Безъ этого нельзя, дочка, — сказала Устинъ уже безъ улыбки. — Сгоряча дѣлать не годится...

— Чего дѣлать не годится?

— Да ничего, — отвѣтилъ онъ не сразу — и погля- дѣлъ въ сторону. — А то кровь въ глаза кидается, бѣду творить...

Она поняла его, оробѣла и смолкла.

Но не только таинственностью отца, его прошлаго, его развѣздовъ и заботъ, о которыхъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, окружена была она. Осенью, зимою она много спала. Лѣтомъ могла не спать хоть три ночи подъ рядъ. Любимымъ мѣстомъ ея былъ порогъ, по ча- самъ стояла она на немъ, чуть склонивъ къ плечу голову. Далеко куда-то, въ счастливую страну, направлялись всѣ тѣ, что порою проѣзжали, проходили мимо. Смѣло и внимательно глядя впередъ, разметава по плечамъ свои чубарые отъ солнца волосы, гдѣ мочальные, а гдѣ темные, въ скуфьѣ, въ подрясникѣ, широко шагаль сто- роной бродяга, отставляя на ходу свой высокій посохъ: она провожала его долгимъ взглядомъ, хоть и боялась бродягъ, боялась, когда они сворачивали къ хутору за по- даяніемъ. Ровной рысцой, часто спотыкаясь и перхая, бѣ- жала посерединѣ дороги захудалая помѣщицья тройка: звукъ дребезжащихъ рессоръ, дорожный видъ запыленнаго та- рантаса пробуждали въ ней тоску, какія-то желанія. Гнали овецъ — она жадно всматривалась въ провожатыхъ, вспо- миная бѣду, подсказанную ей... Морями разливались по по- лямъ сѣро-мраморныя ржи. Тѣнь ложилась отъ избы. Впе-

реди, за дорогой, блестявшей мелкой муравой, густая рожь клонилась въ яркомъ вечернемъ свѣтѣ, лоснилась противъ солнца, уходившаго за избу. Розоватые клубы юго-восточныхъ облаковъ, нѣжныхъ, чуть замѣтныхъ, сливались выше горизонта съ ясной матовой лазурью небосклона... Въ эту сторону, томимая зовомъ степной дали, она смотрѣла чаще всего.

А любовь — это слово она узнала и почувствовала рано и тоже не просто. Еще въ дѣтствѣ поразило оно ее. Однажды, въ жаркій лѣтній полдень, сидѣла на камняхъ возлѣ устинова амбара мѣщанка изъ Баева, пьяница и бобылка. Она шла на ярмарку — продавать свою больную, костлявую лошадь, которая съ повисшими поводями стояла передъ нею. Она разложила возлѣ себя спички, жестянку съ махоркой, курила и улыбалась, глядя на Парашку, волившуюся въ пыли возлѣ нея. „Что-жъ, отецъ не прогналъ еще *любовницу-то?*“ — сиплымъ таинственнымъ шопотомъ спросила она. И Парашка навсегда запомнила это особенное слово и наитіемъ угадала его сокровенный смыслъ. Съ тѣхъ поръ всякій разъ, когда случалось ей не вовремя забѣжать въ избу и увидѣть на колѣняхъ у отца одноворку, сладкимъ страхомъ и стыдомъ обжигало ее. А потомъ отъ сестры, отъ сельскихъ дѣвокъ стала она заучаться пѣснями. Во всѣхъ пѣсняхъ говорилось о томъ же, объ одномъ — о любви. И она пѣвала ихъ, но мысленно — такъ трогали онѣ ее, особенно одна, старинная: „Уснулъ, уснулъ мой любезный у дѣвушки на рукѣ, на кисейномъ рукавѣ...“ Всѣ подружки готовились только къ одному — къ замужеству, къ жизни, къ близости съ мужемъ. Рано стало волновать, страшить и ее предчувствіе этой близости. Сестра просто говорила: „Батюшка распутный, онъ опять съ кѣмъ-то живетъ. Сто рублей отдамъ, а дознаюсь!“ А Парашка и сама бы не взяла ста рублей за то, чтобы дознаться о любовницѣ отца, хотя думала о ней дни и ночи. Сестра, когда угнали ее мужа въ солдаты, вскорѣ пришла однажды на хуторъ. „Батюшка дома?“ — глухо крикнула она, подойдя къ замерзшему окну. Потомъ вошла, сѣла на лавку, стала ѣсть хлѣбъ и все говорила, что она на минутку, все поглядывала на входив-

шаго и выходившаго Володю, высокаго худого мужика. Онъ, роясь на лавкѣ въ веревкахъ и вожжахъ, каргаво бормоталъ: „Сто-жъ не раздѣваешься?“ А сестра медленно мотала головой, закутанной въ пеньковый платокъ: „Я на минутку...“ Была она въ промерзлыхъ лаптяхъ, въ красной юбкѣ грубой шерсти, въ сермяжной корсеткѣ, туго застегнутой на полной груди, и крѣпко пахло отъ нея, крѣпкой, здоровой бабы, изьянымъ дымомъ и ржанымъ лѣббомъ, который она не спѣша жевала. „Охъ, что-жъ это я сижую-то!“ — говорила она. И вдругъ поднялась и рѣшительно вышла, но не домой, а на варокъ, къ Володѣ. Парашка кинулась къ двери и замерла, прильнувъ къ ней ухомъ. Бѣжали минуты за минутами, все гуще сѣялъ кто-то ночную муть въ избѣ, и ни звука не слышно было за дверью. Но Парашка, казалось, все видѣла, все слышала...

III

Замѣнивъ отцу мать и хозяйку, она стала чувствовать себя взрослой и порою заводила съ нимъ бесѣды.

Разъ зимнимъ вечеромъ онъ перебиралъ возлѣ лампочки, коптившей на столѣ, какія-то истертыя бумажки, вынимая ихъ изъ-за пазухи, изъ кармана поддевки. Онъ напряженно соображалъ что-то, шевеля губами, и писалъ огрызкомъ карандаша, ложась грудью на столъ, отодвигая рукавъ и долго ерзая по бумажкѣ передъ тѣмъ какъ вывести цифру. Она, сидя возлѣ печки, прятая: сучила, доила нитку лѣвой рукой, а правую отставляла — ловко пускала до самага пола волчокъ веретена. Въ пестренькомъ ситцевомъ платьѣ, съ раскрытой головой, съ опущенными рѣсницами, она была хороша: она сама чуяла это по тѣмъ страннымъ и ласковымъ взглядамъ, что порою, отрываясь отъ работы, кидаль на нее отецъ. Она сидѣла на скамьѣ легко и спокойно, чуть раздвинувъ округлыя колѣни, съ мягкой силой нажимая носкомъ лѣвой ноги на приступку прятки и жужжала колесомъ.

— Батюшка, — сказала она вдругъ: — ты всегда былъ такой красивый?

— А что? — спросил онъ, по своему обыкновенію, вполголоса. — Всегда. А что?

— Чего-жъ тебя мать не любила?

— А кто тебѣ это сказалъ?

— Да ужъ я знаю, — сказала она загадочно.

Онъ помолчалъ, сталъ прятать бумажки за пазуху и застегивать крючки поддевки, мотнулъ головою, откидывая со лба завитки волосъ.

— Ты того, дочка, не слухала бы, — сказалъ онъ негромко.

— Ты, говорятъ, убилъ ее... За что? За любовника?

— И этого не надобно знать тебѣ, — сказалъ онъ еще тише, но просто. — Вотъ вѣдь я ни о чемъ не пытаю тебя.

Она подумала.

— Да меня что-жъ пытатъ? Я вся наружи...

— Толкуй! — сказалъ онъ. — Ты вся въ нее.

Она покраснѣла.

— Анъ въ тебя... Я тебя въ свѣтъ ни на кого не промѣняю!

— Промѣняешь, дочка...

Она вспомнила мѣщанина, провожавшаго овецъ, лѣтній вечеръ, который казался теперь такимъ далекимъ и прелестнымъ, стараго, желтозубаго, но горячаго киргиза, его сильную грудь въ рубцахъ засохшей крови... А онъ, какъ-бы читая книгу, твердо заговорилъ:

— Рано тебя никому не чаю отдать. Для тебя, дочка, для тебя одной съ утра до вечера бьюсь. Буду ждать, выматривать челоуѣка хорошаго, красиваго...

— У тебя-жъ есть любовница, — прошептала она.

— Все пустое, все пустое, — отвѣтилъ онъ горячо, но голоса не повышая. — Все тебѣ это постороннее. Съ отцомъ стыдно объ этомъ балакать...

Она заплакала. Онъ подошелъ, обнялъ ея голову, поцѣловалъ въ волосы. Сквозь тонкую кожу его проступать румянецъ, зеленые глаза горѣли ярко и нѣжно. Она успѣла взглянуть въ нихъ, когда онъ, обернувшись, пошелъ вонъ изъ избы, и заплакала отъ какой-то непо-

пятой радости и еще болѣе непонятнаго горя. Ахъ, да кто-жь могъ быть красивѣе и лучше его!

Она худѣла. Но округлялись ея руки, ноги, приподнялись маленькія груди, глянецвитѣе и гуще стали волосы. Купаясь, она стала стыдиться своей наготы... Шестнадцатая весна! Скоро, скоро станетъ она невѣстой, будутъ прѣзжать сваты къ отцу, узаконится ея право любить и выбирать... хотя, конечно, никогда, ни за кого на свѣтѣ не выйдетъ она. Сестра сдѣлалась откровеннѣе съ нею, — это льстило ея самолюбію. Сестра открывала ей тайны любви, она ждала мужа и говорила, что никакъ не дождется его. Хотѣлось и Парашкѣ поговорить о себѣ, о своихъ думахъ, о своей истомѣ. Хотѣлось намекнуть, что и про Володю она знаетъ... Провожая сестру она долго стояла на порогѣ. Шли пѣтухи — она слѣшала ихъ, закрывая глаза. Дремалъ сумеречный мартовскій туманъ надъ сѣрыми снѣгами полей — ей казалось, что уже слышно въ туманѣ волнующее карканье первыхъ грачей. Убѣгала въ туманъ, пропадала въ немъ зимняя навозная дорога — и влекла къ себѣ, тянула въ даль. Капали капли, куры стояли подъ ними, тоже дремали — и вдругъ начинали тревожиться, кудахтать сквозь дрему. Съ веселой, притворной яростью игралъ, взвиваясь на цѣпи подъ амбарами жарко дышавшій пѣсь... Рѣзко вздрогнувъ, она вбѣгала въ избу.

Но въ теплой избѣ только Володя дѣлилъ ея одиночество. Володя, жившій уже пятый годъ, былъ страшень и противень ей — съ того самаго вечера, когда Евгения вышла къ нему. Но вѣдь она такъ часто оставалась наединѣ съ нимъ... Она знала, что никогда не рѣшится онъ тронуть ее, — отецъ убилъ бы его, — но вѣдь думала же она объ этомъ... И сладость тайныхъ думъ ея даже увеличивалась страхомъ и отвращеніемъ къ Володѣ. Онъ наружно былъ даже недурень, — пожилой, но стройный, легкій, какъ малый въ двадцать лѣтъ. Иногда она пыталась разговориться съ нимъ о чемъ-нибудь, не касающемся хозяйства, о селѣ, о дѣвкахъ, о ребятахъ, Онъ задумывался. Онъ бросалъ веревку, которую виль,

сядя на коникѣ, вертѣль цыгарку. Сѣрое худое лицо его склонялось, прядь сѣрыхъ волосъ падала на узкій лобъ — онъ былъ красивъ. Но вотъ онъ открывалъ ротъ — и сразу превращался въ дурака. О чемъ бы она не заводила рѣчь, онъ сводилъ на то, кто у кого живетъ въ работахъ и, главное, сколько жалованья беретъ.

— Хоросую, хоросую залованью получаетъ, — бормоталъ онъ, и отъ бормотанья усы его дѣлались стюнывыми.

А когда дулъ южный весенній вѣтеръ, съѣдая таявшіе снѣга, и она дѣлалась тревожиѣ, онъ видѣлъ и чувствовалъ это. Онъ входилъ въ избу, какъ будто по дѣлу, вѣшалъ или снималъ обороть съ деревяннаго гвоздя въ стѣнѣ, нарочно мѣшквалъ, начиналъ шутками: „Гдѣ-й-то тутъ обороть покрѣпче, пора тебя обротать, къ бычку вестъ...“ Она странно и звонко смѣялась. Онъ проходилъ мимо, внимательно посматривая на нее. Она встрѣчала его глаза широко раскрытыми, ждущими глазами. Казалось — еще минута, и она будетъ въ полной его власти. Но, какъ только онъ протягивалъ руки, брови ея рѣзко вздрагивали, лицо искажалось и вспыхивало. Она вскакивала и съ той внезапной грубостью, которой такъ часто ошеломляютъ мужчинъ дѣвушки, звонко вскрикивала, хватаясь за что попало:

— Тронь только, всю морду расшибу! Батюшкѣ скажу, только на порогъ ступить! Духу твоего тутъ не останется, побирушка, чортъ!

IV

Пришла весна. Сѣрый снѣгъ съѣдали вѣтры и туманы, лѣгми стали мокрыя поля. Кончилась Страстная недѣля, наступила Великая Суббота. Въ пасмурный вечеръ Парашка поѣхала съ отцомъ въ село, къ церкви, уже на телѣгѣ. Непріютно гудѣли голые лозники на окраинахъ села, изъза нихъ, въ невѣрномъ вечернемъ сумракѣ, глядѣли синевѣлесья тучи, грозя дождемъ и снѣгомъ, дѣлая горизонты зловѣщими. Но въ ледяномъ вѣтрѣ, что дулъ изъ-подъ

тучь, была весна, свѣжесть. Лицо Парашки горѣло и отъ вѣтра, и отъ румянъ, и отъ волненья, — отъ того, что она искупалась, надѣла все чистое, нарядилась и сѣла въ новую телѣгу рядомъ съ красивымъ, богатымъ отцомъ который правилъ дорогой сытой лошадыю.

На широкой улицѣ было грязно, лежалъ горбами ледъ. Вечеръ въ селѣ, на улицѣ, вдоль которой уже горѣли огни по избамъ, уютнымъ, но бѣднымъ и чуждымъ, казался еще нелюдимѣе. Но и въ этихъ раннихъ огняхъ, и въ хлопьяхъ снѣга, которые внезапно погналъ вѣтеръ вдоль улицы, странно убѣляя ея грязь, ея темныя крыши, — во всемъ былъ весенній праздникъ. Жмуясь отъ снѣга, Парашка и Устинъ отвернулись, нагнули головы. Изрѣдка Парашка взглядывала исподлобья — и сердце ея заходило отъ непонятной радости при видѣ милаго отцовскаго лица, его тонкой кожи, помолодѣвшей отъ вѣтра, блестящей бороды въ крупныхъ снѣжинкахъ и мокрыхъ рѣсницъ... И вдругъ кто-то громко крикнулъ надъ ними:

— Ай ослѣлъ? Держи правѣ!

И, раскрывъ глаза, Парашка увидѣла высокую лошадь и телѣгу съ передкомъ, а въ телѣгѣ — поднявшаго воротъ чуйки и тоже отвернувшася отъ вѣтра и снѣга мѣщанина. Онъ взглянулъ на нее — и она мгновенно признала его.

— Чего кричишь? — отвѣтилъ Устинъ веселымъ крикомъ. — Завтра праздникъ большой!

— Виновать, Устинъ Прокофичъ, — отозвался мѣщанинъ. — Ничего не видать...

И телѣги разѣхались.

Долго помолчавъ, Парашка спокойно спросила:

— А ты его знаешь?

— А кто жъ его, плута, не знаетъ! — отвѣтилъ Устинъ. —

Онъ у Бальмашева на хуторѣ жилъ, теперь свое дѣло затѣваетъ, кружится, какъ воръ, хочетъ въ селѣ лавку открывать...

Парашка оправила платье, запахнула лицо шалью, задержала дыханіе... Сердце ея колотилось, лицо стало серьезное. Эту неожиданную встрѣчу она приняла, какъ долж-

ное, даже не удивилась ей: удивилась только легкости, съ которой неожиданно переломилась ея судьба.

А на Святой мѣщанинъ пріѣхалъ въ гости къ Устину. За три года онъ ничуть не измѣнился, только безпокойнѣе стали его горячіе глаза. И одежда на немъ была все та же, только чистъ былъ воротъ рубашки. Она узнала, что зовутъ его Никаноромъ, изъ его разговоровъ съ отцомъ поняла, что онъ еще гадаеть: не уѣхать-ли „на низы“, въ Ростовъ, гдѣ кто-то нанимаетъ его. Онъ пилъ съ Устиномъ чай и водку. Она не вникала въ то, что онъ говоритъ, слышала только звукъ его четкаго голоса. Не принимая глазъ, она, набѣленная, нарумяненная, сидѣла въ углу и грызла подсолнухи, какъ-бы не замѣчая гостя. Не замѣчалъ, или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и онъ ее. Прощаясь, онъ протянулъ ей руку. Она не привыкла касаться чужихъ рукъ, подала ему свою неловко — и поплѣднѣла: и польстило ей это рукопожатіе, и обожгло стыдомъ, точно это было начало тайнаго сближенія ихъ.

Послѣ этого онъ долго не показывался. Она по цѣлымъ днямъ стояла на порогѣ и нетерпѣливо, съ настойчивостью и требовательностью подростка, ждала его. Ей казалось, что онъ обязанъ, долженъ теперь пріѣзжать и продолжать то, что началъ, хотя и понимала, что онъ ничего не начиналъ. „Какъ только онъ пріѣдетъ, — думала она, — повернусь и уйду, покажу, что не нуждаюсь имъ...“ Но прошелъ почти мѣсяць, завернули майскіе холода съ дождями — его все не было. Наканунѣ Николеы она почему-то особенно ждала его, такъ томилась желаніемъ видѣть его, что, казалось, не можетъ не исполниться ея желаніе. Спать она легла рано и плакала такъ зло и горько, что смоклась вся подушка, но такъ беззвучно, что отецъ, спавшій въ двухъ шагахъ отъ нея, и не подозрѣвалъ о ея слезахъ. Онъ только слышалъ, что она перевертывалась, и порою спрашивалъ страннымъ и тревожнымъ голосомъ, что это она не спитъ.

Утромъ отецъ уѣхалъ куда-то. Она увидѣла стекла, залитыя дождемъ, и почувствовала, что уже ничего не ждетъ, ничего не хочетъ, что просто ей пріятно иставать, приби-

рать избу, топить печь, заниматься обыденными дѣлами. Къ вечеру она нарядилась, воткнула два сухихъ насилька въ косу, обвитую вокругъ головы, и вздумала поставить самоваръ.

Дождь пересталъ. Все было мокро — и зеленая дорога и зеленые хлѣба, за которыми влажно-синими стѣнами стояли тучи, на все бросая тѣнь свою. Самоваръ кипѣлъ, краснѣлъ рѣшеткой въ темныхъ сѣнцахъ. Она вышла изъ избы съ закопченнымъ чайникомъ въ рукѣ, напѣвая: „страшно итить къ суду Божьему, золотой вѣнецъ примать...“, и стала ждать, пока самоваръ раскипится еще больше. Со двора перешагнулъ порогъ Володя, свѣжо пахнуцій дождемъ и затхло-мокрымъ армякомъ. Но только что хотѣлъ онъ подойти къ ней, почувявъ, что сейчасъ она податлива, какъ возлѣ рамы двери показалась голова чей-то высокой лошади. Володя твердо прошелъ дальше, открылъ дверку на варокъ и скрылся, а она замерла, не поднимая глазъ.

— Здорово! — смѣло сказалъ мѣщанинъ, появляясь на порогѣ. — Ловко попалъ, прямо подъ чай...

И, засмѣявшись, снялъ и отряхнулъ картузь. Черная поддевка его лоснилась отъ дождя. Смуглое лицо, точно посыпанное порохомъ, было мокро.

Она не отвѣтила и вспыхнула: онъ говорилъ теперь совсѣмъ не тѣмъ тономъ, что при отцѣ. Помолчалъ и онъ, — слышно было, какъ спросонья заворковали въ темномъ углу подъ крышей голуби, — потомъ подошелъ къ ней и, глядя на самоваръ, спросилъ:

— Отца нѣту?

— Нѣту, — отвѣтила она тихо, склоняя голову, на которой синѣли два цвѣточныхъ вѣнчика.

— Жалко, — сказалъ онъ и похлопалъ кнutomъ по голенищамъ. — Такъ ты одна и спасаешься?

— Такъ и спасаюсь, — отвѣтила она, слабо улыбувшись.

— Ну, да ничего, въ другой разъ заѣду, — сказалъ онъ. — Благо придирика ѣсть... Я прямо самъ не свой, какъ соскучился по тебѣ, — добавилъ онъ.

Она промолчала.

— Не вѣришь? — сказалъ онъ, осторожно обнимая ее. — А я правду говорю. Я въ тебя влюбился еще въ тотъ разъ, когда гуртъ гналъ. А увидалъ тебя въ селѣ, ослѣпъ отъ радости, чуть въ буераки не заѣхалъ. Я прямо почувствовалъ: быть роману промежду насъ, а не то мнѣ прямо пропадать!

— Я эти побаски слыхала, — съ трудомъ отвѣтила она. — Пусти, — безстрастно сказала она, локтемъ отводя его руку.

Но онъ не пустилъ, онъ зналъ, что еще не слыхала она этихъ побасокъ. Онъ крѣпче обнялъ ее и заговорилъ уже съ искренней горячностью:

— Дай Богъ мнѣ безъ покаянья помереть, если брешу! Не видать мнѣ отца-матери...

Она молчала. Ей казалось, что она вотъ-вотъ упадетъ. Онъ воровски оглянулся, нагнувъ голову, нашелъ ея губы и откинулъ ея лицо назадъ. И у него и у нея перехватило дыхание отъ этого насильственного и долгаго поцѣлуя. Потомъ онъ съ притворнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой и пошелъ къ порогу.

— Ну, теперъ шабашъ мнѣ! — сказалъ онъ садясь въ телѣгу. — Потерялъ я свой покой навѣки...

И шибко погналъ высокую лошадь по ярко-зеленой травѣ, на тучу, тѣнь которой уже мѣшалась съ сумерками.

Скоро онъ скрылся за переваломъ, и стало такъ тихо, что какъ будто въ двухъ шагахъ раздавался бой перепеловъ, перекликавшихся въ самыхъ дальнихъ хлѣбахъ, за чуть синѣвшимъ лѣскомъ.

V

Онъ заѣзжалъ еще два раза, но все не во-время: Устинъ былъ дома. И она притворялась, что не замѣчаетъ его, пока онъ дѣловито болталъ съ Устиномъ. Отъ напраснаго желанія увидѣть его хоть на минуту глазъ на глазъ она ходила какъ пьяная.

Вернулся солдатъ, мужъ Евгени. Съ женой, съ от-

цомъ и съ мачехой онъ пріѣхалъ Петровками въ гости къ Устину на толстой, низкой соловой лошади, въ новой телѣгѣ, крытой новымъ войлокомъ и по колесамъ облитой свѣжимъ коричневымъ дегтемъ. Отецъ солдата, коротконогий мужикъ въ черной бородѣ съ сѣдиной возлѣ рта, странно-веселый человѣкъ, не стыдился женатаго сына, женился въ третій разъ на хромой бабѣ съ дерзкими глазами и острыми дѣвичьими грудями. И всѣмъ было неловко за него, да и самъ онъ былъ веселъ и разговорчивъ, вѣроятно, отъ неловкости. Отъ неловкости неумѣренно пили за обѣдомъ. Ъли тоже неумѣренно, угощая другъ друга съ излишней настойчивостью, говорили безъ толку, чаще всего загадками, намеками и пословицами. Парашка весь обѣдъ боялась, что вотъ-вотъ разразится ссора. Всѣ быстро захмѣлѣли, кромѣ Евгени, которая только блѣднѣла отъ водки и грубо, властно вырывала стаканъ у своего пьянаго солдата, притворявшагося злобнымъ и серьезнымъ. Съ губъ Устина не сходила ядовитая усмѣшка, когда онъ въ полголоса, но твердо, перебивая все объяснявшагося ему въ любви солдатова отца, говорилъ ему пословицы и загадки, намекая на безстыдство троюженцевъ. Хромая была дерзка и криклива, она тоже такъ и сыпала пословицами, обрѣзая Устина. Володя пытался перевести беспорядочный и тревожный разговоръ на свое любимое, на бесѣду о работникахъ и жалованьи. Его никто не слушалъ. Онъ неприятно покраснѣлъ, сталъ со слезами кричать пѣсни. Устинъ молча взялъ его за плечи, подвелъ къ двери и вытолкнулъ вонъ. Онъ ушелъ на варокъ и, свалившись въ сани, заснулъ мертвымъ сномъ. У Парашки, измученной ожиданіемъ ссоры, какъ отъ угара замирало сердце.

Послѣ обѣда пили чай и водку передъ избою, въ тѣни, на зеленой травѣ. Потерявъ во хмѣлю всякій стыдъ, отецъ солдата, шатаясь, принесъ изъ своей телѣги гармонію, сталъ совать ее въ руки солдату, требуя, чтобы онъ игралъ плясовую. Солдатъ, съ помутившимися глазами, въ разстегнутомъ мундирѣ, сидѣлъ на скамѣ возлѣ стола и раскачивался, каждую минуту готовый упасть. Онъ долго не понималъ, чего требуетъ отецъ. Наконецъ понялъ и

бѣшено, отрывисто задергалъ „кабы курочка бычка родила“... Троеженецъ подсунулъ руки подъ черный армякъ за спину, присѣлъ, раскорячился, забилъ сапогами въ землю. Ударивъ въ ладоши, сдѣлала передъ нимъ выходку хромая, затрясла своими козыми грудями. Лицо Евгениі окаменѣло отъ сонной злобы. Устинъ облокотился на столъ, запустивъ тонкіе пальцы въ свои бронзовые завитки, стиснувъ зубы. Въ углахъ его губъ такъ и застыла ядовитая усмѣшка. Сумрачнымъ весельемъ играли глаза.

— Дочка! Поди сюда! — крикнулъ онъ строго, не въ лады со словами сдвигая брови. — Поди поцѣлуй меня!

— Ты пьяный, — отвѣтила Парашка. — Глаза бь мои на тебя не глядѣли!

Губы ея задрожали. Она повернулась и ушла за избу. За избой слѣпило низко опустившееся солнце. Блеснувъ крыльями, съ дубковъ слетѣли, пали въ рожь, въ неглубокіе лужки, заросшіе цвѣтами, двѣ горлинки... Какъ тихо было тутъ послѣ гама пьяныхъ! Просторъ хлѣбныхъ полей былъ къ закату неоглядный, золотой, счастливый... Парашка сѣла на межу и дала полную волю слезамъ.

Наплакавшись, она рѣшила вернуться къ избѣ и, съ помощью сестры, прекратить это безобразіе — растащить пьяныхъ, убрать водку, самоваръ. Была уже ночь — свѣтлая, странная. Высоко на небѣ громоздились огромныя матовыя облака — небо казалось больше и величественнѣе, больше и зеркальнѣе казалась и высокая луна, сіявшая среди нихъ. По широкой дорогѣ, по хлѣбамъ пятнами проходили тѣни. Грядка телѣги, стоявшей передъ избою, и солома въ ней серебрились. Въ телѣгѣ лежалъ отецъ солдата — боролся и ссорился съ пьяной женой. У стола валялась опрокинутая скамейка. Самоваръ блестялъ мѣднымъ бокомъ, тускло блестяла лужа на столѣ: кто-то выдернулъ кранъ изъ самовара. Подъ навѣсомъ амбара, какъ будто радуясь то сіявшей, то таявшей лунѣ, игралъ, взвивался и давился на цѣпи жарко дышавшій песъ. Парашка заглянула въ избу. Солдатъ сидѣлъ за столомъ, близко придвинувъ къ себѣ лампочку, облокотясь на обѣ руки и положивъ въ нихъ ошалѣвшую голову. Онъ что-то бор-

моталь. Мухи сонно и угрюмо шумѣли въ рѣшетахъ и ситахъ, развѣшанныхъ на стѣнѣхъ возлѣ печи. А солдатъ что-то кому-то рассказывалъ, хвастался, что онъ, въ силу своего значенія, „присвоить“ къ какому-то барину какого-то Якова Ивановича...

Но гдѣ отецъ, Евгенія? Парашка повернулась, вышла въ сѣнцы, на порогъ. Высокая теплая луна ярко сияла среди матовыхъ облачныхъ громадъ. Противъ порога стоялъ, держа въ одной рукѣ поводъ, въ другой кнутъ, мѣщанинъ, сзади него — его высокая лошадь подь сѣдломъ. Лицо его отъ луннаго свѣта мѣняло выражение.

— Отецъ твой совсѣмъ готовъ, на девятомъ обручѣ, — съ усмѣшкой сказалъ онъ онѣмѣвшей отъ страха Парашкѣ. — Сейчасъ встрѣтитъ во ржахъ: пьянъ хоть выжми, буровитъ — „въ село иду“, а Евгенія его назадъ тащить...

Парашка молчала. Онъ бросилъ поводъ, взялъ ее ледяную руку въ свою, горячую и крѣпкую, втянулъ ее въ темныя сѣнцы. Она вошла, упираясь. Онъ прижалъ ее, туло глядѣвшую черезъ его плечо на дымно-зеленую полосу луннаго свѣта, падающую сквозь дыру крыши въ темноту, притиснулъ къ холодной каменной стѣнѣ и сталъ цѣловать ея лицо, приговаривая:

— Погоди, за ради Бога погоди... „Этихъ нѣту ужъ дѣнь, что летѣли стрѣлой, что любовью насть жгли, что палили огнемъ“... Я памяти по тебѣ лишился! Увезу тебя въ Ростовъ, повѣнчаюсь тамъ съ тобой, вдаримся мы въ степи, на Кавказѣ, — на однихъ лошадяхъ тысячи наживемъ... Лучше всякой модистки будешь наряжена!

Она вспомнила его такимъ, какимъ увидала впервые, — среди овецъ и собакъ, на старомъ, тавреномъ киргизѣ, — обняла его за шею одной рукой, вся задрожала отъ счастья и нѣжности, спрятала лицо на его груди. Потомъ рѣшительно, порывисто обняла его обѣими руками...

VI

Придя въ себя, она долго сидѣла въ этомъ темномъ углу на соломѣ. Мѣщанинъ пытался цѣловать ея, что-то торопливо говорилъ. Она оттолкнула его, замотала голо-

вой, показывая, что не слушаетъ. Онъ воровски выглянулъ изъ сѣнецъ, быстро сказалъ, что прїѣдетъ завтра ночью, что она должна выйти къ нему подъ дубки за избой, что у него есть большое дѣло къ ней... „Приду, приду“, — отвѣтила она. „Смотри же, не обмани“, — сказалъ онъ неестественно, понявъ, что она не придетъ. Слышно было, какъ звякнулъ онъ стременемъ, поднимаясь въ сѣдло, какъ затопталась на мѣстѣ и тронула лошадь... Она то глядѣла на полосу луннаго свѣта, то опускала глаза.

Когда мѣщанинъ, обернувшись, сказалъ ей: „смотри же, не обмани“, — она вдругъ увидала въ окошечкѣ, пробитомъ въ дверкѣ на варокъ, шапку и лицо Володи. Это было такъ страшно, какъ если бы сама смерть заглянула въ сѣнцы. „Да теперъ все равно!“ — подумала она. Сердце ея билось такъ сильно, что трудно было дышать. Высоко поднимая и опуская грудь, она прижимала къ нему руки. Но все это не мѣшало ясности мысли. А мысль была проста: она пропала! и такъ страшно, неожиданно, какъ бываетъ это во снѣ!

Нѣсколько дней послѣ праздника Устинъ хмурился: стыдно, дюже напился. А она изнемогала отъ слабости, разбитости во всемъ тѣлѣ и желанія лежать съ утра до вечера. Но нужно было ходить, быть бодрой и покойной, даже шутить за обѣдомъ съ отцомъ и съ Володей. Думала же она съ утра до вечера все одно и то же.

Устинъ уѣзжалъ и прїѣзжалъ. Казалось, что посиди онъ дома, никуда не спѣши, не волнуй ее своими отъѣздами и прїѣздами, она бы пришла въ себя и выдумала бы какой-нибудь исходъ, какое-нибудь подобіе спасенія. Было страшно, что онъ, посидѣвъ дома и приглядѣвшись къ ней, все пойметъ; но и хотѣлось, остро хотѣлось порою, чтобы онъ понялъ: тогда бы само собой какъ-нибудь развязалось все это. Казалось, что будь дождливо, сумрачно, было бы легче. Но настали дни свѣтлые, знойные и безконечно-долгіе; близилась рабочая пора, стали поспѣвать, желтѣть моря отяжелѣвшихъ и подсохшихъ хлѣбовъ, — и некуда было скрыться отъ свѣта и зноя. Послѣ того нечаяннаго праздника, что нарушилъ будни на хуторѣ, хуторъ

стала какъ будто еще молчаливѣе, и напряженная тишина стояла вокругъ него въ желтыхъ и свѣтлыхъ поляхъ.

Она по цѣлымъ днямъ сидѣла на лавкѣ возлѣ стола въ жаркой и пустой избѣ, глядя на несмѣтныхъ мухъ и мельчайшихъ новыхъ мушекъ на горячихъ мутныхъ стеклахъ. Володя ничего не дѣлалъ, но, какъ всегда, имѣлъ озабоченный видъ, отыскивалъ какія-то пустяковыя занятія и рѣдко входилъ въ избу. А входя, былъ простъ, какъ будто ничего не случилось, только прекратилъ любовныя попытки. Что это значило? Вѣрно, онъ ждалъ какой-то удобной минуты и надѣялся, что теперь уже не дастъ промаху. И Парашка горько усмѣхалась: вотъ дуракъ! Взяли бы лучше да рассказали отцу все, что видѣли!

Однажды въ полдень, когда въ мягкомъ свѣтосномъ блескѣ мѣли въ высокомъ млѣющемъ небѣ, надъ хлѣбами и нагрѣтой пыльной дорогой, чуть видныя сіяющія облака, возлѣ амбара остановилась пара лошадей. Въ телѣжкѣ сидѣла полная барыня, которая, какъ знала Парашка, много была должна Устину. Видъ у нея былъ усталый, озабоченный, на сѣромъ лицѣ и на крыльяхъ носа — пыль. Она, задумчиво говоря все одно и тоже, выражая сожалѣніе, что не застала Устина, томительно-долго не уѣзжала. Кучеръ исподлобья глядѣлъ на пристяжную, которая зубомъ чесала свою отставленную ногу, барыня — не то въ землю, не то себѣ въ переносицу. Потомъ, прицурившись, стала разсматривать похудѣвшее лицо Парашки, ея позеленѣвшіе прозрачные глаза.

— Ты здорова? — спросила она вдругъ.

Парашка просто и твердо отвѣтила, что здорова, но, когда барыня уѣхала, съ часъ смотрѣла въ зеркало, сидѣла на лавкѣ у окна, поражалась своимъ сходствомъ съ отцомъ и замирала отъ страха. Она очень измѣнилась, это ребенокъ могъ замѣтить — какъ же не замѣчалъ отецъ? Но вотъ-вотъ и онъ замѣтитъ: сразу пойметъ все, что случилось — и что тогда?

Думая, она охватила всю свою недолгую жизнь. Оказалось, что она даже и не подозрѣвала прежде, въ какомъ наводненіи жила она, какъ много думала все объ одномъ.

и томъ же, сколько смутныхъ плѣнительныхъ картинъ какихъ-то дальнихъ счастливыхъ городовъ, степей и дорогъ дали ей думы, какъ нѣжно любила она кого-то.. Сдѣлавъ свое страшное дѣло, Никаноръ убилъ и ее и себя. Онъ, этотъ коротконогій воръ, вдругъ сталъ живымъ, настоящимъ—и ненавистнымъ ей. Не могла любить и никогда не любила она его. Теперь безъ стыда, отвращенія и отчаянія нельзя было вспомнить объ этомъ человѣкѣ. Сбылось предсказаніе страшнаго босяка! Она чувствовала себя какъ бы зараженной какой-то постыдной неизлѣчимой болѣзью и навѣки отдѣленной отъ отца бездоннымъ проваломъ.

Но, думая, тихо плача, снимая съ головы платокъ и разглаживая его, она незамѣтно для самой себя давала волю сердцу — и мысли ея туманились. Она вспоминала, какъ любила, ждала кого-то — и любовь эта возвращалась, и она не могла найти себѣ мѣста отъ тоски по прошлому, отъ жалости къ себѣ, отъ нѣжности къ тому, кого она, казалось, такъ долго любила. Она думала объ отцѣ, которому говорила когда-то: „я вся наружи передъ тобою“ и готова была закричать, вскочить въ холодную половину, гдѣ онъ жилъ, ночевалъ, отдыхалъ послѣ обѣда, и кинуться ему подъ ноги, чтобы онъ истопталъ, убилъ ее сапогами, лишь бы утолилась ея мука о невозвратномъ, прежнемъ времени. „Для тебя, дочка, для тебя одной“ — вспоминала она нѣжныя слова его и плакала, изнемогая отъ сладострастія горя и слезъ.

Но разъ вечеромъ Устинъ съ Володей поѣхали въ село, повезли отбивать косы. Вечеръ былъ ясный, покойный, равнины спѣлыхъ ржей за блестящей въ вечернемъ свѣтѣ муравой по большой дорогѣ розово желтѣли, черныя стрѣльчатыя касатки, мелькая розовыми грудками, проносились мимо открытаго окна, у котораго сидѣла Парашка. Вдругъ на опушкѣ хлѣбовъ, во ржи за дорогой, выросла короткая фигура Никанора: онъ, видно, давно сидѣлъ въ хлѣбахъ, прятался и вдругъ всталъ, выпрямился. Она въ ужасѣ отшатнулась отъ окна. А онъ быстро пересѣкъ сухія колена и вошелъ въ избу.

— Здравствуй, — сказалъ онъ негромко, останавливаясь у порога. — Никого нѣту?

— Никого, — отвѣтила Парашка, чуть шевельнувъ поблѣднѣвшими губами.

— Дѣло есть. Пойдемъ за избу, подъ дубки.

Онъ говорилъ, какъ мужъ, какъ близкій, какъ власть имѣющій, какъ человѣкъ, съ которымъ у нея уже есть нерушимая связь и тайна. Она поняла и то, что не за однимъ дѣломъ зоветъ онъ ее. И вдругъ сладко и жутко захолонуло сердце отъ властной простоты его приказанія, отъ предчувствія, что сейчасъ опять будетъ то, что показалось ей въ первый разъ такимъ ужаснымъ. Сладкое головокружение вызвало даже сознание преступности, какой-то противоестественности того, что сейчасъ будетъ, и той покорности, съ которой она, какъ настоящая любовница, должна встать и идти за нимъ. И она молча встала и пошла...

Потомъ онъ твердо, кратко, оглядываясь, сказалъ ей, зачѣмъ пришелъ: она должна помочь ему свести съ отцовскаго двора двухъ кобылъ и бѣжать съ нимъ въ Ростовъ. Она не удивилась и спокойно отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Хорошо.

Солнце опускалось за усатыми колосьями, среди которыхъ они сидѣли на межѣ, и осыпало остинки колосьевъ золотистой пылью. Отъ большой дороги, съ юго-востока чуть тянуло мягкимъ вѣтромъ близкаго юля, рабочей поры, когда такъ ровна и матова сухая синева неба, и мягко жужжали сухія, жесткія подкрылія опускающихся на колосья и качающихся на нихъ рыжихъ хлѣбныхъ жучковъ.

Никаноръ говорилъ такъ: ровно черезъ недѣлю Устину уѣдетъ въ ночь на Тихвинскую ярмарку, возьметъ и Володю съ собой, а вернется только позднимъ вечеромъ; все это онъ, Никаноръ, доподлинно знаетъ, такъ какъ обѣщаль Устину тоже быть на ярмаркѣ и помочь ему продать жеребца. Значитъ, въ обѣды, когда ни души не будетъ въ поляхъ, можно спокойно вывести кобылъ со двора, привязать ихъ къ телѣгѣ и гнать что есть духу по про-

сѣляютъ, особенно глухимъ предъ рабочей порой, въ сторону Лебедяни. Ночуютъ они въ такихъ артебахъ, въ такихъ заповѣдныхъ логахъ среди хлѣббовъ, куда ни одинъ воръ не заглянетъ. Чѣмъ свѣтъ — дальше. А въ Лебедяни есть вѣрный, золотой человѣкъ: ему-то они и сбудутъ кобыль за три, за четыре сотни, и составитъ тогда у нихъ больше пятисотъ рублей, на которые они и до Ростова добьются, и дѣло начнутъ, давно уже обдуманное.

— А какое? — спросила Парашка.

— Ну, ты по этой части еще тупорыма, — сказалъ Никаноръ съ усмѣшкой.

— Лучше бы ночью, — сказала она серьезно.

— Да что ты! — насмѣшливо сказалъ Никаноръ, дѣлая напиросу изъ газетной бумаги.

И вздохнулъ:

— Никакъ, дѣвка, не выходитъ. Ужъ слушай мое готовое.

— А скорѣй нельзя? — спросила Парашка, разглядывая свои маленькія босыя ноги.

— Скоро дѣлаютъ, слѣпыхъ рожаютъ.

Она помолчала, и въ сердцѣ у нея опять задрожала злоба противъ него. Ждать цѣлую недѣлю! Какъ онъ не чувствуетъ ея муки! Ахъ, да не лучше ли взять да повѣситься вотъ на этомъ дубкѣ? — подумала она безъ словъ и стала крѣпко кусать губы, удерживать дрожь мускуловъ на лицѣ, но не выдержала и заплакала.

— О чемъ ты? — спросилъ удивленный Никаноръ.

Она не отвѣтила и заплакала пуще.

— Тебѣ говорю, ай нѣтъ? — грубо крикнулъ Никаноръ.

— Отстань! — крикнула она въ отвѣтъ съ такой ненавистью и бѣшенствомъ, что Никаноръ даже отодвинулся отъ нея.

— Ну, будя, будя, — сказалъ онъ смущенно. — Давай лучше объ дѣлу-то поговоримъ...

И она стихла, отупѣла.

Цѣлую недѣлю, до самой Тихвинской, Устинъ, какъ нарочно, сидѣлъ дома. Приходила Евгения — жаловаться на своего солдата, оказавшагося послѣ службы совѣтъ дуракомъ и пьяницей, и на свою хромую свекровь, злую и распутную, помыкавшую свекромъ. Но Парашка не смутилась даже Евгени. Она уже ничего не думала, ничего не чувствовала — тупость, какая-то обреченность, овладѣвшая ею, давала ей безстыдное спокойствіе. Спала она эту недѣлю очень много — и днемъ и ночью. Просыпаясь, вскакивала, пораженная мыслью о томъ, что вотъ-вотъ предстоитъ ей.

Наконецъ пришла послѣдняя ночь.

Эта ночь была точь въ точь такая же, какъ та, когда пылалъ костеръ за большой дорогой. Такъ же, какъ тогда, лежала она въ темной избѣ, видѣла въ окно ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ... И такъ же, какъ тогда, что-то горячо говорилъ подъ окномъ отецъ... Вдругъ дверь избы безшумно распахнулась.

— Дочка! Спишь? — негромко спросилъ онъ, оставиваясь у порога.

— Нѣтъ... — съ трудомъ пробормотала она.

Но онъ не замѣтилъ страннаго звука ея голоса — и двинулся къ нарамъ, на которыхъ она лежала. Найдя ее въ темнотѣ, онъ сѣлъ возлѣ нея и положилъ на ея полуобнаженное плечо руку. Рука его дрожала.

— Дочка, что съ тобою? — тихо и таинственно сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, — и она почувствовала его бороду, тепло его пріятнаго дыханія и пріятный, хлѣбный запахъ водки. — Ты не таишь, — еще тише сказалъ онъ, обнимая ее и царапая плечо сермигой поддевки. — Дѣло твое молодое, горячее...

Сердце ея затрепетало. „Батюшка! — со слезами хотѣла крикнуть она — и однимъ крикомъ этимъ выразить всю свою муку и безпомощность. — Батюшка, — хотѣла она сказать, — онъ погубилъ, опоганилъ меня, я не его, я не знаю, кого люблю, а тебя въ свѣтѣ ни на кого не

промѣняю...“ Но онъ еще ближе прижался къ ней и вдругъ зашепталъ совсѣмъ на иной ладъ, заискивающе, слащаво, путаясь:

— А гостинчика, обновочки хочется? Я въ городъ, на ярманку ѣду сейчасъ — что тебѣ купить? А? Говори-ка скорѣй, не бойся...

И дрожащей рукой скользнулъ по ея спинѣ. И, пораженная, она такъ рванулась изъ-подъ него, что онъ чуть не упалъ съ лавки. Вскочивъ на ноги, она забилась въ уголь, протянула впередъ руки, а онъ отступилъ и забормоталъ:

— Что ты? Что ты? Да ты что подумала-то?

— Уйди, — едва слышно выговорила она, чувствуя свои оледянившія губы. И въ радостномъ изумленіи, въ свѣтломъ восторгѣ изступленія, отчаянія, подумала:

„А-а! Такъ вотъ оно что!“

Онъ постоялъ и вышелъ. Она слышала его неестественно-звонкій голосъ на дворѣ, слышала скрипъ телѣги, окрики на привязаннаго къ ней и шарахавшагося жеребца, слышала, какъ они съ Володей сѣли и тронулись... Съ кошачьей зоркостью глядя въ темноту избы, ставшую какъ будто прозрачной, и на блѣдныя звѣзды небосклона, виднаго въ открытое окно, она долго стояла на нарахъ въ глубокой тишинѣ степной ночи, обступившей ее со всѣхъ сторонъ. Потомъ осторожно легла и сразу заснула...

А день насталъ глухой, палящій, ослѣпительный, хотя блестящіе горизонты были отъ зноя мутны и бѣлесы. Она очнулась чуть не передъ обѣдами. Солнце било въ тускляя, засиженные мухами окна, наполняло избу жаромъ и свѣтомъ. Заспанная, не умываясь, съ тупой и тяжелой головой, она босикомъ выскочила на порогъ, подъ солнце, стоявшее уже очень высоко, и сухой жаръ такъ и облилъ ее всю. Море спѣлыхъ хлѣбовъ какъ будто сдвинулось, тѣснѣе обступило и дворъ и дорогу, тускло блестящую глубокой пылью. И этотъ песочный цвѣтъ хлѣбовъ, низко склонившихъ тяжелыя колосья и застывшихъ въ тишинѣ, въ густомъ горячемъ воздухѣ, давалъ впечатлѣніе отчаянной духоты.

Она растеряно оглянулась и попыталась вспомнить: что это она должна сдѣлать сейчасъ? Вчера ночью, послѣ ухода отца, показалось, что все сразу стало яснымъ, понятнымъ и рѣшеннымъ. А теперь она никакъ не могла вспомнить, что именно и какъ было рѣшено. То, что за нею сейчасъ прїѣдутъ, и что надо будетъ послѣ этого поскорѣе уѣзжать, скрываться, она твердо помнила. Но какъ же это она не простилась съ отцомъ, не сказала ему того, что придумала ночью и что надо сказать? Правда, послѣ вчерашняго, съ отцомъ можно было и не прощаться и ничего не говорить, но какъ же она не подумала, что взять съ собою, ничего не собрала, не умылась, не обулась? Беспорядочно и тупо думая, она стояла на зноѣ съ открытой головой, держала руки подъ мышками, чувствовала жаръ на своихъ открытыхъ плечахъ, касалась босой ногой горячаго камня у порога. Бѣлый пѣсъ съ высунутымъ языкомъ лежалъ въ короткой тѣни подъ амбарами. Она со страхомъ глядѣла то на него, то на хлѣба, на проселокъ...

И вдругъ во ржахъ, на тускло-серебристомъ небо-склонѣ, появилась дуга и высокая худая лошадь. Никаноръ сидѣлъ на грядкѣ телѣги, сдвинувъ на затылокъ картузь, и усердно дергалъ вожжи. Рысью, поднимая пыль, перерѣзалъ онъ большакъ и, гремя, подкатилъ къ самому порогу. Глаза у него были расширены, черное отъ загара лицо все въ поту, видъ странный, какъ будто удивленный.

— Что же ты? — быстрымъ шопотомъ спросилъ онъ, соскакивая съ телѣги и не замѣчая, что Парашка разута и почти раздѣта. — Все готово? Уѣхали?

Она, не отвѣчая, дико глянула на него, спрыгнула съ порога, блеснувъ голыми ногами, и направилась къ воротамъ, на варокъ. Навалившись на нихъ плечемъ и чувствуя, что и ворота горячи отъ солнца, со скрипомъ распахнула обѣ половинки. По глубокому пересохшему навозу пошла къ темному деннику, гдѣ стояли кобылы. Никаноръ въѣхалъ за ней, сдѣлалъ кругъ, бормоча: — „Да что жъ ты не одѣлась-то?“ На двери денника висѣлъ большой замокъ. Парашка обернулась.

— Ключа у меня нѣту, — сказала она, глядя на Никанора большими, стоячими, прозрачно-зелеными глазами.

Никаноръ оглянулся, увидалъ голышъ, на которомъ точили топоры, схватилъ его въ обѣ руки и съ навѣсу стукнулъ по замку. Замокъ отвалился вмѣстѣ съ петлей— и Парашка, не давъ ему упасть, подхватила и крѣпко зажала его въ своей маленькой загорѣлой рукѣ. Еще больше сдвинувъ на затылокъ картузъ, мокрый отъ пота, Никаноръ, съ тяжелой обротью въ рукѣ, вошелъ въ денникъ и склонилъ голову къ плечу, вглядываясь въ сумракъ, гдѣ, отшатнувшись, изогнулась и прижалась къ стѣнѣ гнѣдая кобыла, красавица съ лиловыми глазами. Парашка, сдѣлавъ большой шагъ, неумѣло, но изо всей силы ударила его въ високъ замкомъ. Онъ коротко споткнулся и упалъ, ткнулся головой въ навозъ. Парашка подсканнула, какъ стрѣла метнулась вонъ изъ денника и понеслась къ воротамъ. Лошадь Никанора, стоявшая у воротъ, всхрапнула — и вмѣстѣ съ нею вылетѣла на дорогу. Пыля и гремя телѣгой, она подхватила въ одну сторону, къ городу, въ бѣлесую блестящую даль за переваломъ, а Парашка — въ другую, черезъ дорогу, ко ржамъ. На бѣгу обернувшись, она вдругъ остановилась: изъ воротъ выскочилъ, безъ картуза, весь облитый по лицу и по рубашкѣ алой кровью, Никаноръ и, почти падая, ударился догонять свою обезумѣвшую лошадь. Парашка взвизгнула и нырнула въ душную гущу колосьевъ...

Многіе, что ѣхали въ этотъ день по проселкамъ, видѣли ее, быстро бѣжавшую цѣликомъ, безъ дорогъ, по хлѣбамъ. Порою она присѣдала, выглядывала — и опять бѣжала, мелькая среди желтыхъ колосьевъ бѣлой сорочкой и раскрытой головой.

Поймали ее только черезъ пять дней. И, отбиваясь, она проявила страшную силу, искусала трехъ мужиковъ, крутившихъ ей руки новой вожжевкой.

Легкое дыханіе

На кладбищѣ, надъ свѣжей глиняной насыпью, стоитъ новый крестъ изъ дуба, крѣпкій, тяжелый, гладкій, такой, что на него пріятно смотрѣть.

Апрѣль, но дни сѣрые; памятники кладбища, просторнаго, настоящаго уѣзднаго, еще далеко видны сквозь голыя деревья, и холодный вѣтеръ звенить и звенить фарфоровымъ вѣнкомъ у подножія креста.

Въ самый же крестъ вдѣланъ довольно большой бронзовый медальонъ, а въ медальонѣ — фотографическій портретъ гимназистки съ радостными, поразительно живыми глазами.

Это Оля Мещерская

Дѣвочкой она ничѣмъ не выдѣлялась въ той шумной толпѣ коричневыхъ платьицъ, которая такъ нестройно и молодо гудитъ въ коридорахъ и классахъ; что можно было сказать о ней, кромѣ того, что она изъ числа хорошенькихъ, богатыхъ и счастливыхъ дѣвочекъ, что она способна, но шаловлива и очень безпечна къ тѣмъ наставленіямъ, которыя ей дѣлаетъ класная дама? Затѣмъ она стала разцвѣтать, развиваться не по днямъ, а по часамъ. Въ четырнадцать лѣтъ у нея, при тонкой талии и стройныхъ ножкахъ, уже хорошо обрисовывались груди и всѣ тѣ формы, очарованіе которыхъ еще никогда не выразило человѣческое слово; въ пятнадцать она слыла красавицей. Какъ тщательно причесывались нѣкоторыя ея подруги, какъ чистоплотны были, какъ слѣдили за своими сдержанными движеніями! А она ничего не боялась — ни черниль-

ныхъ пятенъ на пальцахъ, ни раскраснѣвшагося лица, ни растрепанныхъ волосъ, ни заголившагося при паденіи на бѣгу колѣна. Безъ всякихъ ея заботъ и усилій и какъ-то незамѣтно пришло къ ней все то, что такъ отличало ее въ послѣдніе два года изъ всей гимназіи, — изящество, нарядность, ловкость, ясный блескъ глазъ... Никто не танцеваль такъ на балахъ, какъ Оля Мещерская, никто не ѡбгаль такъ на конькахъ, какъ она, ни за кѣмъ на балахъ не ухаживали столько, сколько за ней, и почему-то никого не любили такъ младшіе классы, какъ ее. Незамѣтно стала она дѣвушкой, и незамѣтно упрочилась ея гимназическая слава, и уже пошли толки, что она вѣтренна, что она не можетъ жить безъ поклонниковъ, что въ нее безумно влюбленъ гимназистъ Шеншинъ, что будто бы и она его любитъ, но такъ измѣнчива въ обращеніи съ нимъ что онъ покушался на самоубійство...

Послѣднюю свою зиму Оля Мещерская совсѣмъ сошла съ ума отъ веселья, какъ говорили въ гимназіи. Зима была снѣжная, солнечная, морозная, рано опускалось солнце на высокій ельникъ снѣжнаго гимназическаго сада, но неизмѣнно погожее, лучистое, обѣщающее и на завтра морозъ и солнце, гулянье на Соборной улицѣ, катокъ въ городскомъ саду, розовый вечеръ, музыку и эту во всѣ стороны скользящую на каткѣ толпу, въ которой Оля Мещерская казалась самой нарядной, самой беззаботной, самой счастливой. И вотъ, однажды, на большой перемѣнѣ, когда она вихремъ носилась по сборному залу отъ гонящихся за ней и блаженно визжавшихъ первоклассницъ, ее неожиданно позвали къ начальницѣ. Она съ разбѣгу оставилась, сдѣлала только одинъ глубокій вздохъ, быстрымъ и уже привычнымъ движеніемъ оправила волосы, дернула уголки передника къ плечамъ и, сия глазами, побѣжала наверхъ. Начальница, небольшая, моложавая, но сѣдая, спокойно сидѣла съ вязаньемъ въ рукахъ за письменнымъ столомъ, подъ царскимъ портретомъ.

— Здравствуйте, m-lle Мещерская, — сказала она по французски, не поднимая глазъ отъ вязанья. — Я, къ сожалѣнію, уже не первый разъ принуждена призывать васъ

сюда, чтобы говорить съ вами относительно вашего поведенія.

— Я слушаю, madame, — отвѣтила Мецкерская, подходя къ столу, глядя на нее ясно и живо, но безъ всякаго выраженія на лицѣ, и присѣла такъ легко и граціозно, какъ только она одна умѣла.

— Слушать вы меня будете плохо, я, къ сожалѣнью, убѣдилась въ этомъ, — сказала начальница и, потянувъ нитку и завертѣвъ на лакированномъ полу клубокъ, на который съ любопытствомъ посмотрѣла Мецкерская, подняла глаза: — Я не буду повторяться, не буду говорить странно, — сказала она.

Мецкерской очень нравился этотъ необыкновенно чистый и большой кабинетъ, такъ хорошо дышавшій въ морозные дни тепломъ блестящей голландки и свѣжестью ландышей на письменномъ столѣ. Она посмотрѣла на молодого Царя, во весь ростъ написаннаго среди какой-то блистательной залы, на ровный проборъ въ молочныхъ, аккуратно гофрированныхъ волосахъ начальницы и выжидательно молчала.

— Вы уже не дѣвочка, — многозначительно сказала начальница, втайнѣ начиная раздражаться.

— Да, madame, — просто, почти весело, отвѣтила Мецкерская.

— Но и не женщина, — еще многозначительнѣе сказала начальница, и ея матовое лицо слегка заалѣло. — Прежде всего, — что это за прическа? Это женская прическа!

— Я не виновата, madame, что у меня хорошіе волосы, — отвѣтила Мецкерская и чуть тронула обѣими руками свою красиво убранную голову.

— Ахъ, вотъ какъ, вы не виноваты! — сказала начальница. — Вы не виноваты въ прическѣ, не виноваты въ этихъ дорогихъ гребняхъ, не виноваты, что разоряете своихъ родителей на туфельки въ двадцать рублей! Но, повторяю вамъ, вы совершенно упускаете изъ виду, что вы пока только гимназистка...

И тутъ Мещерская, не теряя простоты и спокойствія, вдругъ вѣжливо перебила ее:

— Простите, madame, вы ошибаетесь: я женщина. И виновать въ этомъ — знаете кто? Другъ и сосѣдъ папы, а вашъ братъ, Алексѣй Михайловичъ Малютинъ. Это случилось прошлымъ лѣтомъ въ деревнѣ...

А черезъ мѣсяць послѣ этого разговора казачій офицеръ, некрасивый и плебейскаго вида, не имѣвшій ровно ничего общаго съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежала Оля Мещерская, застрѣлилъ ее на платформѣ вокзала, среди большой толпы народа, только что прибывшей съ поѣздомъ. И невѣроятное, ошеломившее начальницу признание Оли Мещерской совершенно подтвердилось: офицеръ заявилъ судебному слѣдователю, что Мещерская завлекла его, была съ нимъ въ связи, поклялась быть его женой, а на вокзалѣ, въ день убійства, провожая его въ Новочеркасскъ, вдругъ сказала ему, что она и не думала никогда любить его, что всѣ эти разговоры о бракѣ — одно ея издѣвательство надъ нимъ, и дала ему прочесть ту страничку своего дневника, гдѣ говорилось о Малютинѣ.

— Я пробѣжалъ эти строки и тутъ же, на платформѣ, гдѣ она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, выстрѣлилъ въ нее, — сказалъ офицеръ. — Дневникъ этотъ вотъ онъ, взгляните, что было написано въ немъ десятого поля прошлаго года.

Въ дневникѣ стояло приблизительно слѣдующее:

„Сейчасъ второй часъ ночи. Я крѣпко заснула, но тотчасъ же проснулась... Нынче я стала женщиной! Папа, мама и Толя, всѣ уѣхали въ городъ, я осталась одна. Я была такъ счастлива, что одна, что неумѣю сказать! Я утромъ гуляла одна въ саду, въ полѣ, была въ лѣсу, мнѣ казалось, что я одна во всемъ мірѣ, и я думала такъ хорошо, какъ никогда въ жизни. Я и обѣдала одна, потомъ цѣлый часъ играла, подъ музыку у меня было такое чувство, что буду жить безъ конца и буду такъ счастлива, какъ никогда! Потомъ заснула у папы въ кабинетѣ, а въ четыре часа меня разбудила Катя, сказала, что пріѣхалъ Алексѣй Михайловичъ. Я ему очень обрадовалась, мнѣ

было такъ пріятно принять его и занимать. Онъ пріѣхалъ на парѣ своихъ вятокъ, очень красивыхъ, и онѣ все время стояли у крыльца, но онъ остался, потому что былъ дождь и ему хотѣлось, чтобы къ вечеру просохло. Онъ очень жалѣлъ, что не засталъ папу, былъ очень оживленъ и держалъ себя со мной кавалеромъ, много шутилъ, что онъ давно влюбленъ въ меня. Когда мы гуляли передъ чаемъ по саду, была опять прелестная погода, солнце блестяло черезъ весь мокрый садъ, хотя стало совсѣмъ холодно, и онъ велъ меня подъ руку и говорилъ, что онъ Фаустъ съ Маргаритой. Ему пятьдесятъ шесть лѣтъ, но онъ еще очень красивъ и очень всегда хорошо одѣтъ — мнѣ не понравилось только, что онъ пріѣхалъ въ крыматкѣ, — весь пахнетъ англійскимъ одеколономъ, и глаза совсѣмъ молодые, черные, а борода изящно раздѣлена на двѣ длинныя части и совершенно серебряная. За чаемъ мы сидѣли на стеклянной верандѣ, я почувствовала себя какъ будто нездоровой и прилегла на тахту, а онъ курилъ, потомъ пересѣлъ ко мнѣ, сталъ опять говорить какія-то любезности, потомъ разсматривать и цѣловать мою руку. Я закрыла лицо шелковымъ платкомъ, и онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ меня въ губы черезъ платокъ... Я не понимаю, какъ это могло случиться, я сошла съ ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мнѣ одинъ выходъ... Я чувствую къ нему такое отвращеніе, что не могу пережить этого!..“

Городъ за эти апрѣльскіе дни сталъ чистъ, сухъ, камни его побѣлѣли, и по нимъ легко, пріятно идти. Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, по Соборной улицѣ, ведущей къ выѣзду изъ города, направляется маленькая женщина въ траурѣ, въ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ изъ чернаго дерева. Она минуетъ пожарный дворъ, переходитъ по шоссе грязную площадь, гдѣ много закопченныхъ кузницъ и свѣжій дуетъ полевой воздухъ; дальше, между мужскимъ монастыремъ и острогомъ, бѣлѣтъ облачный склонъ неба и сѣрѣтъ весеннее поле, а потомъ, когда проберешься среди лужъ подъ стѣной монастыря и повернешь налево, увидишь какъ бы большой низкій садъ, обнесенный бѣлой оградой, надъ воротами которой напи-

сано Успение Божіей Матери. Маленькая женщина мелко крестится и привычно идетъ по главной аллеѣ. Дойдя до скамьи противъ дубоваго креста, она сидитъ на вѣтру и на весеннемъ холодѣ часъ, два, пока совсѣмъ не заябнуть ея ноги въ легкихъ ботинкахъ и рука въ узкой лайкѣ. Слушая весеннихъ птицъ, сладко поющихъ и въ холодѣ, слушая звонъ вѣтра въ фарфоровомъ вѣнкѣ, она думаетъ иногда, что отдала бы полжизни, лишь бы не было передъ ея глазами этого мертваго вѣнка. Мысль о томъ, что это Олю Мещерскую зарыли вотъ въ этой самой глинѣ, повергаетъ ее въ изумленіе, граничащее съ тупостью: какъ связать съ этой шестнадцатилѣтней гимназисткой, которая всего два-три мѣсяца тому назадъ такъ полна была жизни, прелести, веселья, этотъ глиняный бугоръ и этотъ дубовый крестъ? Возможно ли, что подъ нимъ та самая, чьи глаза такъ безсмертно сіяютъ изъ этого бронзоваго медальона, и какъ совмѣстить съ этимъ чистымъ взглядомъ то ужасное, что соединено теперь съ именемъ Оли Мещерской?— Но въ глубинѣ души маленькая женщина счастлива, какъ всѣ влюбленные или вообще преданные какой нибудь страстной мечтѣ люди.

Женщина эта — классная дама Оли Мещерской, дѣвушка за тридцать лѣтъ, давно живущая какой-нибудь выдумкой, замѣняющей ей дѣйствительную жизнь. Сперва такой выдумкой былъ ея братъ, бѣдный и ничѣмъ не замѣчательный прапорщикъ, — она связывала всю свою душу съ нимъ, съ его будущностью, которая почему-то представлялась ей блестящей, и жила въ странномъ ожиданіи, что ея судьба какъ-то сказочно измѣнится благодаря ему. Затѣмъ, когда его убили подъ Мукденомъ, она убѣждала себя, что она, къ великому будто бы ея счастьемъ, не такова, какъ прочія, что красоту и женственность ей замѣняютъ умъ и высшіе интересы, что она — идейная труженица. Смерть Оли Мещерской плѣнила ее новой мечтой. Теперь Оля Мещерская — предметъ ея неотступныхъ думъ, восхищенія, радости. Она ходитъ на ея могилу каждый праздникъ, — привычка ходить на кладбище и носить трауръ образовалась у нея со смерти брата, — по часамъ не спу-

скаеть глазъ съ дубоваго креста, вспоминаеть блѣдное личико Оли Мещерской въ гробу, среди цвѣтовъ — и то, что однажды подслушала: однажды, на большой перемиѣ, гуляя по гимназическому саду, Оля Мещерская быстро, быстро говорила своей любимой подругѣ, полной, высокой Субботиной:

— Я въ одной папиной книгѣ, — у него много старинныхъ, смѣшныхъ книгъ, — прочла, какая красота должна быть у женщины... Тамъ, понимаешь, столько на сказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящие смолой глаза, — ей-Богу, такъ и написано: кипящие смолой! — черныя, какъ ночь, рѣсницы, нѣжно играющій румянецъ, тонкій станъ, длиннѣ обыкновеннаго рука, — понимаешь, длиннѣ обыкновеннаго! — маленькая ножка, въ мѣру большая грудь, правильно округленная икра, колѣно цвѣта раковины, покатыя, но высокія плечи, — я многое почти наизусть выучила, такъ все это вѣрно! — но главное, знаешь ли что? — Легкое дыханіе! А вѣдь оно у меня есть, — ты послушай, какъ я вздыхаю, — вѣдь, правда, есть?

Теперь это легкое дыханіе снова разсѣялось въ мірѣ, въ этомъ облачномъ небѣ, въ этомъ холодномъ весеннемъ вѣтрѣ...

1916.

СЫНЪ

Г-жа Маро родилась и выросла въ Лозаннѣ, въ строгой, честной и трудолюбивой семьѣ. Замужъ она вышла не рано, но по любви. Въ мартѣ 1876 года, среди пассажировъ стараго французскаго парохода „Овернь“, шедшаго изъ Марселя въ Италию, оказалась чета новобрачныхъ. Дни стояли тихіе, прохладные, море серебристыми зеркалами терялось въ туманныхъ весеннихъ даяхъ, новобрачные не сходили съ палубы. И всѣ любовались ими, всѣ глядѣли на нихъ счастье съ дружелюбными улыбками: у него это счастье сказалось въ бодромъ, рѣзкомъ взглядѣ, въ потребности движения, въ оживленной привѣтливости съ окружающими, у нея — въ томъ радостномъ интересѣ, съ которымъ она воспринимала всякую мелочь... Новобрачные эти были Маро.

Онъ былъ старше ея лѣтъ на десять, ростомъ онъ былъ невеликъ, лицомъ смугль, волосомъ курчавъ; рука у него была сухая, голосъ чистый и звучный. А въ ней чувствовалась примѣсь какой-то иной, не романской крови; она казалась чуть-чуть высока, — хотя талія ея была прелестна, — при темныхъ волосахъ глаза у нея были сѣро-синіе. Черезъ Неаполь, Палермо и Тунисъ они проѣхали въ алжирскій городъ Константину, гдѣ г. Маро получилъ довольно видное мѣсто. И жизнь въ Константинѣ, тѣ четырнадцать лѣтъ, что прошли съ этой счастливой весны, дали имъ все, чѣмъ обычно довольствуются люди: достатокъ, семейный ладъ, здоровыхъ и красивыхъ дѣтей.

За четырнадцать лѣтъ Маро очень измѣнились по

внѣшности: онъ сталъ черенъ лицомъ, какъ арабъ, посѣдѣлъ и подсохъ отъ работы, разъѣздовъ, табаку и солнца, — многіе принимали его за уроженца Алжири; никто не узналъ бы и въ ней ту, что когда-то плыла на пароходѣ „Овернь“: тогда даже въ ботинкахъ ея, выставленныхъ за дверь на ночь, было очарованіе молодости; теперь и у нея въ волосахъ серебрилось, тоньше и золотистѣе стала кожа, похудѣли руки, и въ уходѣ за ними, въ прическѣ, въ бѣльѣ, въ одеждѣ уже проявляла она какух-то излишнюю опрятность. Измѣнились, конечно, и отношенія ихъ, хотя никто бы не сказалъ, что къ худшему. А жили они каждый по-своему: у него время было наполнено работой, — онъ оставался все тѣмъ же страстнымъ и виѣстѣ трезвымъ человѣкомъ, какимъ былъ и прежде, у нея — заботами о чемъ, о дѣтяхъ, о двухъ хорошенькихъ дѣвочкахъ, изъ которыхъ старшая была уже почти барышня; и въ одинъ голосъ говорили всѣ, что нѣтъ въ Константиинѣ лучшей хозяйки, лучшей матери и болѣе милой собесѣдницы въ гостинной, чѣмъ г-жа Маро.

Домъ ихъ стоялъ въ тихомъ и чистомъ кварталѣ. Со второго этажа, изъ парадныхъ комнатъ, всегда полутемныхъ отъ закрытыхъ жалюзи, была видна Константина, славная на весь міръ своей живописностью: на косыхъ скалахъ лежитъ эта древняя арабская крѣпость, ставшая французскимъ городомъ. Окна семейныхъ покоевъ, тѣнистыхъ и прохладныхъ, смотрѣли въ садъ, — тамъ, въ вѣчномъ зноѣ и блескѣ, дремали вѣковые эвкалипты, сикоморы, пальмы, обнесенные высокими стѣнами. А хозяйка вела то замкнутое существованіе, на которое обрѣчены въ колоніяхъ жены всѣхъ европейцевъ. По воскресеньямъ она неизмѣнно бывала въ церкви. Въ будни выѣзжала рѣдко и держалась небольшого избраннаго кружка. Она читала, занималась рукодѣльемъ, болтала или училась съ дѣтьми; иногда, посадивъ себя на колѣни черноглазую Мари, свою меньшую дочку, и одной рукой играя на фортепіано, пѣла старинныя французскія пѣсни, коротая долгій африканскій день, межъ тѣмъ, какъ горячій вѣтеръ широко входилъ изъ сада въ открытыя окна. Константина, затворившая всѣ свои ставни и нещадно

вляемая солнцемъ, казалась въ эти часы мертвымъ городомъ: только вскрикивали сивоворонки за стѣнами садовъ, да меланхолически, тоской колоніальныхъ странъ, звучали рожки горнистовъ по загороднымъ холмамъ, гдѣ порою глухимъ стукомъ сотрясали землю пушки и мелькали бѣлые солдатскіе шлемы.

Дни въ Константинолѣ шли однообразно, но никто не замѣчалъ, чтобы госпожа Маро тяготилась этимъ. Въ характерѣ ея, тонкомъ и цѣломудренномъ, не проявлялось ни повышенной чувствительности, ни излишней нервности. Здоровье ея нельзя было назвать крѣпкимъ, но оно не доставляло тревогъ г-ну Маро. Поразилъ его только одинъ случай: однажды, въ Тунисѣ, арабъ-фокусникъ такъ быстро и глубоко усыпилъ ее, что она насилу пришла въ себя. Но это было еще во время переѣзда изъ Франціи; съ тѣхъ поръ такихъ рѣзкихъ паденій воли, такой болѣзненной воспріимчивости она не испытывала. И г. Маро былъ спокоенъ и убѣжденъ, что душа ея безмятежна и открыта для него. Да такъ оно и было, даже и въ послѣдній, четырнадцатый годъ его семейной жизни... Но вотъ появился въ Константинолѣ нѣкто Эмиль Дю-Бюи.

Эмилю Дю-Бюи, сыну г-жи Боннэ, давней и хорошей знакомой Маро, было всего девятнадцать лѣтъ. Г-жа Боннэ, вдова инженера, кромѣ Эмиля, рожденнаго ею въ первомъ бракѣ, выросшаго въ Парижѣ и уже изучавшаго право, болѣе всего же занятого сочиненіемъ только одному ему понятныхъ стиховъ и причислявшаго себя къ несуществующей поэтической школѣ „Искателей“, имѣла еще дочь Элизу. Въ маѣ восемьдесятъ девятого года Элиза готовилась къ вѣнцу, но заболѣла и черезъ нѣсколько дней умерла. Эмиль, дотолѣ никогда не бывшій въ Константинолѣ, прѣхалъ на похороны. Легко понять, какъ тронула г-жу Маро эта смерть, смерть дѣвушки, уже примѣрившей вѣнчальную фату; извѣстно и то, какъ просто устанавливается при такихъ обстоятельствахъ близость между людьми, даже едва знавшими другъ друга. Къ тому же Эмиль и въ самомъ дѣлѣ былъ для г-жи Маро только мальчикомъ. Вскорѣ послѣ похоронъ г-жа Боннэ уѣхала къ роднымъ, во Францію.

Эмиль же остался въ Константи́нѣ, на загородной дачѣ своего покойнаго отчима, на виллѣ Хашимъ, какъ называли ее въ городѣ. и сталъ почти ежедневно бывать у Маро. Каковъ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы онъ ни притворялся, все же онъ былъ очень молодъ, очень чувствителенъ и нуждался въ людяхъ, къ которымъ могъ бы прибиться на время. — „И не странноли, — говорили нѣкоторые, — г-жа Маро стала неузнаваема. Какъ оживилась она, какъ похорошѣла!“

Однако эти иносказанія были неосновательны. Вначалѣ только всего и было, что немного веселѣе стала ея жизнь да игривѣе и кокетливѣе стали ея дѣвочки, ибо Эмиль, поминутно забывая о своемъ горѣ и о томъ ядѣ, которымъ, какъ онъ думалъ, отравилъ его „конецъ вѣка“, иногда по цѣлымъ часамъ возился съ Мари и Луизой совсѣмъ какъ равный. Правда, онъ все же былъ мужчина, парижанинъ и не совсѣмъ дюжинная натура; онъ участвовалъ въ той недоступной для простыхъ смертныхъ жизни, которой жили парижскіе писатели, онъ часто, съ какой-то сомнамбулической выразительностью, читалъ странные, но звучные стихи; и, можетъ быть, благодаря именно ему, легче и быстрѣе стала походка г-жи Маро, чуть-чуть наряднѣе ея домашніе туалеты, ласковѣй и насмѣшливѣй оттѣнки ея голоса; можетъ быть, и была въ ея душѣ капля чисто женской радости, что вотъ есть человѣкъ, которымъ можно слегка повелѣвать, съ которымъ можно говорить съ полушутливой наставительностью, съ той свободой, что такъ естественно допускалась разницей въ лѣтахъ, и который такъ преданъ всему ея дому, гдѣ, однако, первымъ лицомъ, — это, конечно, обнаружилось очень скоро, — была для него все таки она. Но вѣдь какъ обычно все это! А главное, чаще всего онъ былъ только жалокъ ей.

Онъ, искренно почитавшій себя прирожденнымъ поэтомъ, хотѣлъ и по наружности походить на поэта; онъ носилъ длинные, закинутые назадъ волосы, одѣвался съ артистической скромностью; волосы у него были красивые, коричневыя и шли къ его блѣдному лицу, равно какъ и

черная одежда; но блѣдность эта была слишкомъ безкровная, съ желтымъ налетомъ; глаза у него постоянно блестяли, но отъ изможденнаго лица казались лихорадочными; и такъ суха и плоска была его грудь, такъ тонки ноги, такъ худы руки, что становилось какъ-то неловко, когда онъ не въ мѣру оживлялся и бѣжалъ по улицѣ или по саду, немного подавшись впередъ, какъ бы скользя, чтобы скрыть свой недостатокъ, то, что одна нога была у него короче другой; въ обществѣ онъ старался быть загадочнымъ, небрежнымъ, порой изящно-дерзкимъ, порой презрительно-разсѣяннымъ и во всемъ независимымъ; но ужъ слишкомъ часто не доигрывалъ онъ ролей, срывался и начиналъ говорить съ какой-то наивной откровенностью и поспѣшностью. И, конечно, недолго сумѣлъ онъ таить свои чувства. притворяться не вѣрящимъ въ любовь и счастье на землѣ: вскорѣ о его влюбленности зналъ весь домъ. Онъ уже сталъ докучать хозяину своими посѣщеніями; сталъ каждый день привозить съ виллы букеты самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, сидѣть съ утра до вечера, читать стихи все болѣе непонятные, — дѣти не разъ слышали, какъ заклиналъ онъ кого-то умереть вмѣстѣ съ нимъ, — а по ночамъ пропадать въ туземныхъ кварталахъ, въ тѣхъ притонахъ, гдѣ арабы, закутанные въ грязно-бѣлые бурнусы, жадно глядятъ на „танцы живота“ и пьютъ самые острые ликеры... Короче сказать, не прошло и полутора мѣсяца, какъ влюбленность его перешла Богъ знаетъ во что.

Нервы его совсѣмъ перестали служить ему. Однажды чуть не цѣлый день сидѣлъ онъ молча, затѣмъ всталъ, поклонился, взялъ шляпу и вышелъ, — а черезъ полчаса былъ принесенъ съ улицы въ ужасномъ состояніи: онъ бился въ истерикѣ, онъ такъ страстно рыдалъ, что перепугалъ и дѣтей и прислугу. Но г-жа Маро, казалось, не придавала особаго значенія и этому изступленію. Она сама приводила его въ чувство, торопливо развязывая ему галстукъ и уговаривая его быть мужчиной, и только усмѣхалась, когда онъ, безъ всякаго стѣсненія передъ мужемъ, хваталъ, покрывая поцѣлуями, ея руки и клялся въ своей безкорыстной преданности. Все же надо было положить

конецъ всему этому. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ припадка, Эмиль, о которомъ дѣти скоро соскучились, явился уже успокоенный, хотя и похожій на человѣка, перенесшаго тяжелую болѣзнь, г-жа Маро мягко сказала ему все, что говорятъ въ такихъ случаяхъ.

— Другъ мой, вы вѣдь какъ сынъ для меня, — сказала она ему, впервые произнося это слово, — сынтъ, — и въ самомъ дѣлѣ чувствуя почти материнскую нѣжность къ нему. — Не ставьте же меня въ смѣшное и мучительное положение.

— Но клянусь вамъ, что вы ошибаетесь! — воскликнулъ онъ съ искренней страстностью. — Я только преданъ вамъ, я только видѣть хочу васъ и ничего болѣе!

И вдругъ упалъ на колѣни, — они были въ саду, въ тихій и жаркій, сумрачный вечеръ, — порывисто охватилъ ея бедра, близкій отъ страсти къ обмороку... И глядя на его волосы, на его бѣлую тонкую шею, она, съ болью и восторгомъ, подумала:

— Ахъ, да, да, у меня могъ быть вотъ почти такой же сынъ!

Все-таки съ этихъ поръ до самаго отъѣзда во Францію онъ не сумасшествовалъ. По существу это было худо, это могло значить то, что страсть его стала глубже. Но наружно все измѣнилось къ лучшему, — только одинъ разъ снова не выдержалъ онъ. Какъ-то послѣ воскреснаго обѣда, за которымъ присутствовало нѣсколько постороннихъ, онъ, совсѣмъ не думая о томъ, что это можетъ быть всѣми замѣчено, сказалъ ей:

— Очень прошу васъ удѣлить мнѣ одну минуту...

Она встала и пошла за нимъ въ пустой полутемный залъ. Онъ подошелъ къ окну, въ которое продольными полосками проникалъ снаружи вечерній свѣтъ, и, глядя ей прямо въ лицо, сказалъ:

— Нынче день смерти моего отца. Я люблю васъ!

Она повернулась, чтобы уйти. Испуганный, онъ поспѣшно прибавилъ вслѣдъ ей:

— Простите меня, это первый и послѣдній разъ!

И точно, новѣхъ признаній она отъ него не слы-

хала. — „Я очарованъ былъ ея смущеніемъ, — писалъ онъ въ этотъ вечеръ въ своемъ дневникѣ своимъ изысканнымъ и напыщеннымъ слогомъ. — Я поклялся не нарушать болѣе ея покоя: развѣ и безъ того не блаженъ я?“ — Онъ продолжалъ ѣздить въ городъ, только ночевалъ на виллѣ Хашимъ, — и велъ себя разное, но всегда болѣе или менѣе пристойно. Иногда онъ бывалъ по прежнему какъ-то не кстати рѣзвъ, наивенъ, бѣгалъ съ дѣтьми по саду; чаще же всего сидѣлъ возлѣ нея и „упивался ея присутствіемъ“, читалъ ей газеты, романы и „счастливъ былъ, что она его слушаетъ“. — „Дѣти не мѣшали намъ“ — писалъ онъ объ этихъ дняхъ, — ихъ голоса, смѣхъ, возня, самыя существа ихъ служили какъ бы тончайшими проводниками нашихъ чувствъ, благодаря имъ, эти чувства были еще очаровательнѣе; мы вели самыя обыденныя бесѣды, но въ нихъ звучало другое, — наше счастье: да, да, и она была счастлива, я утверждаю это. Она любила, когда я декламировалъ; по вечерамъ, съ балкона, мы созерцали Константину, лежавшую у нашихъ ногъ въ голубомъ лунномъ сіяніи...“ Наконецъ, въ августѣ, г-жа Маро настояла, чтобы онъ уѣхалъ, возвратился къ своимъ занятіямъ, и въ дорогѣ онъ записалъ: — „Я уѣзжаю! уѣзжаю, отравленный горькой сладостью разлуки! Она подарила мнѣ на память бархатку, которую носила на шеѣ въ дѣвушкахъ. Она благославила меня въ послѣднюю минуту, и я видѣлъ влажный блескъ въ ея глазахъ, когда она сказала: „Прощайте, дорогой сынъ мой!..“

Правъ ли онъ былъ, что и г-жа Маро въ августѣ была счастлива, неизвѣстно. Но что его отъѣздъ оказался для нея тяжелымъ, — несомнѣнно. Это слово, — сынъ, — которое часто волновало ее и прежде, теперь стало звучать для нея уже такъ, что она не могла спокойно слышать его. И прежде, встрѣчая на пути въ церковь знакомыхъ, говорившихъ ей въ шутку: — „О чемъ вамъ молиться, г-жа Маро, вы и такъ безгрѣшны и счастливы!“ — не разъ отвѣчала она съ грустной улыбкой: — „Я жалуюсь Богу, что онъ лишилъ меня сына...“ Теперь мысль о сынѣ, с томъ счастьемъ, которое непрестанно давалъ бы онъ ей даже

однимъ своимъ существованіемъ на свѣтѣ, не оставила ее. И однажды, вскорѣ послѣ отъѣзда Эмиля, она сказала мужу:

— Теперь я все поняла! Я теперь твердо знаю, что каждая мать должна имѣть сына, что каждая женщина, у которой сына нѣтъ, если вдумается въ себя, провѣрить всю свою жизнь, увидитъ, что она несчастна. Ты мужчина, ты не можешь чувствовать этого, но это такъ... О, какъ нѣжно и страстно можно любить сына!

Она была очень ласкова съ мужемъ въ эту осень. Случалось, что, оставшись съ нимъ наединѣ, она вдругъ востынно говорила ему:

— Гекторъ, послушай... Мнѣ уже совѣстно спрашивать тебя объ этомъ, но все-таки... Ты когда-нибудь вспоминаешь мартъ семьдесятъ шестого года? Ахъ, если бы у насъ съ тобой былъ сынъ!

„Все это очень меня смущало, — рассказывалъ впоследствии г. Маро, — смущало тѣмъ болѣе, что она стала очень худѣть. Она слабѣла, дѣлалась все молчаливѣе и мягче характеромъ. У знакомыхъ она бывала все рѣже, въ городѣ выѣзжать безъ нужды избѣгала... Я не сомнѣваюсь, что какой-то странный и непонятный недугъ овладѣлъ ея душой и тѣломъ!“ — А бонна прибавляла, что, выѣзжая въ эту осень, г-жа Маро непременно надѣвала обшую густую вуаль, чего прежде не дѣлала, что, возвращаясь домой, она тотчасъ поднимала вуаль передъ зеркаломъ и пристально разглядывала свое усталое лицо. Излишне пояснять, что совершалось въ душѣ ея за это время. Но хотѣла ли она видѣть Эмиля, писалъ ли онъ ей и отвѣчала ли она ему? Онъ представилъ суду двѣ депеши, будто бы отправленныя на его имя, въ отвѣтъ на его письма. Одна была отъ 10 ноября: — „Вы сводите меня съ ума. Успокойтесь. Немедленно дайте вѣсть о себѣ“. — Другая отъ 23 декабря: — „Нѣтъ, нѣтъ, не пріѣзжайте, умоляю васъ. Думайте обо мнѣ, любите меня какъ мать“. — Но достоверность того, что эти депеши были посланы ею, конечно, не могла быть доказана. Достоверно только то, что

съ сѣнтября по январь г-жа Маро жила тяжело, тревожно, болѣзненно.

Поздняя осень этого года была въ Константиѣ холодна и дождлива. Потомъ, какъ всегда это бываетъ въ Алжиріи, сразу наступила восхитительная весна. И къ г-жѣ Маро снова стало возвращаться оживленіе, тогъ. блаженный, тонкій хмель, который испытываютъ въ пору весенняго расцвѣта люди уже пережившие молодость. Она снова стала выѣзжать, много каталась съ дѣтьми, бывала съ ними въ саду опустѣвшей виллы Хашимъ, собиралась проѣхать въ Алжиръ, показать дѣтямъ Блиду, возлѣ которой есть въ горахъ лѣсистое ущелье, излюбленное обезьянами... И такъ шло вплоть до семнадцатаго января девяностаго года. Семнадцатаго января она проснулась отъ какого-то необыкновеннаго и нѣжнаго чувства, волновавшаго ее, какъ казалось, всю ночь. Въ большой комнатѣ, гдѣ, за отсутствіемъ мужа, надолго уѣхавшаго по дѣламъ службы, она спала одна, было почти темно отъ жалюзи и гардинъ. Все же по той голубой блѣдности, что проникала изъ-за нихъ, можно было понять, что еще рано. И точно, часики на ночномъ столикѣ показывали шесть. Съ наслажденіемъ ощущая утреннюю свѣжесть, входившую изъ сада, она закуталась въ легкое одѣяло, повернулась къ стѣнѣ... „Почему мнѣ такъ хорошо?“ — подумала она, забываясь. И смутными, прекрасными видѣніями стали представляться ей картины Итали, Сициліи, картины той далекой весны, когда плыла она въ каютѣ съ окнами на палубу, на холодное серебристое море, съ портьерами изъ высохшаго отъ времени и поблекшаго краснаго шелка, съ высокимъ порогомъ, сіявшимъ стертимъ отъ долгодѣтней чистки мѣдью... Потомъ увидѣла она безграничные морскіе заливы, лагуны, низменности, большой арабскій городъ, весь бѣлый, съ плоскими крышами, и волнистые туманно-голубые холмы и предгорія за нимъ. Это былъ Тунисъ, въ которомъ она была только разъ, въ ту же весну, что и въ Неаполѣ, Палермо... Но тутъ точно холодъ волной прошелъ по ней — и, вздрогнувъ, она открыла глаза. Былъ уже девятый часъ, слышались голоса дѣтей, голоса ихъ бонны. Она встала,

накинула пенюаръ и, выйдя на балконъ, спустилась въ садъ и сѣла въ качалку, стоявшую на пескѣ возлѣ круглаго стола, подѣ цвѣтущей мимозой, раскинувшей надъ нимъ свой золотой наметъ, тяжело благоухавшій на припекѣ. Горничная принесла кофе. Она опять стала думать о Тунисѣ — и вспомнила то странное, что было тамъ съ нею, тотъ сладкій страхъ и то блаженное безволие какъ бы предсмертныхъ минутъ, что испытала она въ этомъ блѣдно-голубомъ городѣ въ теплыхъ розовыхъ сумерки, полулежа въ качалкѣ на крышѣ отеля, слабо видя темное лицо араба, гипнотизера и фокусника, сидѣвшаго на корточкахъ передъ нею, усыплявшаго ее своими чуть слышными, однотонными напѣвами и медленными движеніями худыхъ рукъ. И вдругъ, думая и пристально глядя широко открытыми глазами на яркую серебряную искру, которой горѣла на солнцѣ ложечка въ стаканѣ съ водой, потеряла сознание. Когда же внезапно очнулась, — надъ ней стоялъ Эмиль.

Все то, что совершилось вслѣдъ за этой неожиданной встрѣчей, извѣстно со словъ самого Эмиля, по его разсказу, по его отвѣтамъ на вопросахъ. — Да, я точно съ неба упалъ въ Константиноу!—разсказывалъ онъ. — Я пріѣхалъ потому, что понялъ, что сами силы небесныя не могутъ остановить меня. Утромъ семнадцатаго января я прямо съ вокзала, безъ всякаго предупрежденія, явился въ домъ г. Маро и вбѣжалъ въ садъ. Я былъ ошеломленъ тѣмъ, что представилось моимъ глазамъ, но едва сдѣлалъ шагъ, какъ она очнулась. Она, казалось, тоже была изумлена и неожиданностью моего появленія и тѣмъ, что было съ нею, но даже не издала восклицанія. Поглядѣвъ на меня, какъ человѣкъ только что очнувшійся отъ крѣпкаго сна, она поднялась съ мѣста, оправляя волосы.

— Вотъ такъ я и почувствовала, — какъ-то невыразительно сказала она. — Вы не послушались меня!

И привычнымъ жестомъ застегнувъ на груди пенюаръ, взяла мою голову обѣими руками и два раза поцѣловала меня въ лобъ.

Я потерялся от восторга, но она тихо отстранила меня и сказала:

— Идемъ, я не одѣта, я сейчасъ вернусь, идите къ дѣтямъ...

— Но ради Бога, что такое было съ вами? — спросилъ я, всходя за нею на балконъ.

— О, пустякъ, легкое оцѣпенѣние, я засмотрѣлась на блестящую ложечку, — отвѣчала она, овладѣвая собой и начиная говорить оживленнѣе. — Но что вы сдѣлали, что вы сдѣлали!

Дѣтей я нигдѣ не нашелъ, въ домѣ было пусто и тихо, я сѣлъ въ столовой, слышалъ какъ она вдругъ зацѣпла въ дальней комнатѣ сильнымъ, звучнымъ голосомъ, но тогда не понялъ я всего ужаса этого звука, потому что весь дрожалъ нервной дрожью. Я не спалъ всю ночь и считалъ минуты, пока поѣздъ мчалъ меня къ Константиноу, я вскочилъ въ первый попавшійся фіакръ, выбѣжавъ изъ вокзала, я не чаялъ подняться въ городъ... Я зналъ, я тоже почувствовалъ, что мой приѣздъ будетъ роковымъ для насъ; но все же того, что я увидѣлъ въ саду, этой мистической встрѣчи и столь рѣзкаго перелома въ ея обращеніи со мной, я не могъ ожидать! Черезъ десять минутъ она вышла причесанная, въ легкомъ свѣтло-сѣромъ платьѣ съ отгѣнкомъ ириза.

— Ахъ, — сказала она, пока я цѣловалъ ея руку, — я и забыла, сегодня воскресенье, дѣти въ церкви, а я проспала... Дѣти послѣ церкви пойдутъ въ сосновую рощу, — вы бывали тамъ?

И, не ожидая моего отвѣта, позвонила, приказала подать мнѣ кофе и сѣла, стала пристально глядѣть на меня и, не слушая, спрашивать, какъ я жилъ, что дѣлалъ, стала говорить о себѣ, о томъ, что послѣ двухъ или трехъ очень дурныхъ для нея мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ она „ужасно постарѣла“, — эти слова были произнесены съ какой-то непонятной улыбкой, — она чувствуетъ себя такъ хорошо, такъ молодо, какъ никогда... Я отвѣчалъ, слушалъ, но многого не понималъ; мы оба говорили не то, у меня холодѣли руки отъ близости иного, страшнаго и

и неотвратимаго часа. Я не отрицаю, что меня точно молнія ослѣпила, когда она сказала: „Я постарѣла...“ Я вдругъ увидѣлъ, что она права: въ худобѣ ея рукъ и поблекшаго, хотя и впрямь помолодѣвшаго лица, въ сухости нѣкоторыхъ очертаній тѣла я уловилъ первые знаки того, что заставляетъ такъ больно и даже какъ-то неловко, — но тѣмъ страстиѣе! — сжиматься наше сердце при видѣ старѣющей женщины. Ахъ, да, какъ быстро и рѣзко измѣнилась она! — подумалъ я. Но все же она была прекрасна, я пьянѣлъ, глядя на нее. Я привыкъ безъ конца мечтать о ней, я не забылъ того мига, когда вечеромъ одиннадцатаго юля впервые обнялъ ея колѣни. Слегка дрожали и ея руки, когда она поправляла прическу, улыбалась и глядѣла на меня, — и вдругъ — вы поймете всю катастрофическую силу этого мгновения! — вдругъ эта улыбка какъ-то исказилась, и она съ трудомъ, но твердо выговорила:

— Вамъ все же надо поѣхать къ себѣ, отдохнуть съ дороги, — на васъ лица нѣтъ, у васъ такіе страдальческіе, ужасные глаза и горящія губы, что я не въ силахъ больше видѣть этого... Хотите, я поѣду съ вами, провожу васъ?

И, не давъ мнѣ отвѣтить, встала и пошла, чтобы взять шляпу и мантилью...

Мы быстро пріѣхали на виллу Хашимъ. Я задержался у крыльца, чтобы нарвать цвѣтовъ. Она не стала ждать меня, сама отворила дверь. Прислуги у меня не было, былъ только сторожъ, онъ не видѣлъ насъ. Когда я вступилъ въ полутемную отъ закрытыхъ жалюзи переднюю и подаль ей цвѣты, она поцѣловала ихъ, потомъ, обнявъ меня одной рукой, поцѣловала меня. Отъ волненія губы ея были сухи, но голосъ ясенъ.

— Но послушай... какъ же мы... есть что-нибудь съ тобой? — спросила она.

Я сперва не понялъ ея, такъ потрясъ меня этотъ первый поцѣлуй. Это первое „ты“, и пробормоталъ:

— Что ты хочешь сказать?

Она отступила назадъ.

— Какъ? — сказала она съ изумлениемъ, почти стро-

го. — Неужели ты думалъ, что я... что мы можемъ жить послѣ этого? Есть ли у тебя что-нибудь, чтобъ умереть?

Я спохватился и поспѣшилъ показать ей заряженный пятью пулями револьверъ, съ которымъ никогда не разставался.

Она быстро пошла впередъ, изъ комнаты въ комнату. Всюду была полутьма. Я слѣдовалъ за ней съ тѣмъ помутнѣніемъ всѣхъ чувствъ, съ которыми раздѣтый чело-вѣкъ идетъ въ знойный день въ море, — слыша только шелестъ ея шелковыхъ юбокъ. Наконецъ мы пришли; она сбросила мантилью и стала развязывать ленты шляпы. Руки ея дрожали, и я еще разъ замѣтилъ сквозь сумракъ что-то жалкое и усталое въ ея лицѣ...

Но умерла она твердо. Въ послѣднія мгновенія она преобразилась. Цѣлуя меня и отстраняясь, чтобы видѣть мое лицо, она сказала мнѣ шопотомъ нѣсколько столь нѣжныхъ и трогательныхъ словъ, что я не въ силахъ повторить ихъ.

Я хотѣлъ пойти нарвать еще цвѣтовъ, чтобы осыпать ими наше погребальное ложе. Она не пустила меня, она торопилась, она говорила: — „Нѣтъ, нѣтъ, не надо... цвѣты есть... вотъ твои цвѣты“ — и все повторяла:

— Итакъ, заклиная тебя всѣмъ для тебя священнымъ, что ты убьешь меня!

— Да, а затѣмъ себя, — сказалъ я, ни секунды не сомнѣваясь въ своей рѣшимости.

— О, я вѣрю, вѣрю, — отвѣчала она уже какъ бы въ забытьѣ...

За минуту до смерти она сказала очень тихо, но просто:

— Боже мой, этому имени нѣтъ!

И еще:

— Гдѣ цвѣты, что ты далъ мнѣ? Поцѣлуй меня — въ послѣдній разъ.

Она сама приставила дуло къ виску. Я хотѣлъ выстрѣлить, она остановила меня:

— Нѣтъ, нехорошо, дай я поправлю. Вотъ такъ, дитя мое... А *потомъ* перекрести меня и положи мнѣ цвѣты на грудь...

Когда я выстрѣлилъ, она сдѣлала легкое движеніе губами. Я выстрѣлилъ еще разъ...

Она лежала спокойно. Волосы ея были распущены, черепаховый гребень валялся на полу. Я, шатаясь, всталъ, чтобъ покончить съ собой. Но въ комнатѣ, несмотря на жалози, было свѣтло, я рѣзко видѣлъ въ этомъ свѣтѣ ея уже поблѣднѣвшее лицо... И тутъ мной вдругъ овладѣло безуміе, я бросился къ окну, раскидалъ, распахнулъ ставни, сталъ кричать и стрѣлять въ воздухъ... Остальное вы знаете...

1916.

Метеоръ

Рождество, много снѣгу, ясные морозные дни, извозчики ѣздятъ рѣзво, вызываяще, съ двухъ часовъ на каткѣ въ городскомъ саду играетъ военная музыка.

Верстахъ въ трехъ отъ города старая сосновая роща.

Смѣясь, переговариваясь, идутъ къ ней по снѣжному полю, суютъ ногами въ длинныхъ шведскихъ лыжахъ, держа въ правой рукѣ длинныя, тонкія палки съ колесиками на концѣ, лицеистъ, гимназистка, высокій и полный богатый молодой человѣкъ, кадетъ и курсистка въ пенснѣ, очень близорукая, неловкая и очень обидчивая. Она одна молчитъ, идетъ старательнѣе и хуже всѣхъ. Всѣ одѣты такъ, какъ ходятъ на катокъ. Одна она въ настоящемъ лыжномъ костюмѣ, въ бѣлой вязаной рубахѣ и такой же шапкѣ.

Роща близится, становится живописнѣе, величественнѣе, чернѣе и зеленѣе. Надъ нею уже стоитъ прозрачно-блѣдная круглая луна. Справа чистое солнце почти касается вдали золотисто-блестящей снѣжной равнины съ чуть замѣтнымъ зеленоватымъ тономъ.

Курсистка впереди всѣхъ, — порой спотыкаясь и роняя пенснѣ, она первая входитъ въ рощу, въ огромную снѣжную просѣку среди мачтовыхъ сосенъ. Лыжный костюмъ обтягиваетъ ея большой задъ и груди. Живой, смуглый, широконосый кадетъ, не отставая отъ нея ни на шагъ, все подсмѣивается надъ ней, все остритъ. Она каждый разъ зло и находчиво отвѣчаетъ ему, старательно дѣлая свое дѣло. Однако между ними что-то есть.

Въ роцѣ вечерѣть, морозить, высокое небо надъ просѣкой холодѣть и синѣть; далеко впереди, за поляной, верхушки нѣсколькихъ сосенъ, особенно высокихъ, краснѣютъ. Въ роцѣ еще слаще чувствовать себя молодымъ, праздничнымъ, все время близкимъ къ какому-то счастью, дышать этимъ зимнимъ, эфирнымъ воздухомъ. Лицеистъ ждетъ счастья напряженнѣ всѣхъ, двигаясь все время рядомъ съ гимназисткой.

Спокойнѣ прочихъ богатый молодой человекъ съ его всегдашнимъ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ его тонкимъ, пятнистымъ, аристократическимъ румянцемъ.

На полянѣ останавливаются, весело отдыхая и говоря всѣ разомъ, мужчины курятъ, испытывая отъ табаку особенное наслаждение. У всѣхъ возбужденныя лица, блестяще глаза, легкой иней на рѣсницахъ.

— Теперь куда?

— Конечно, внизъ, на рѣку!

— А вонъ, господа, еще ложки!

— Кто это? Неужели Ильины? Вотъ приятная встрѣча!

Пролеты высокихъ аллея расходятся отъ поляны во всѣ стороны. Въ той, что ведетъ прямо къ рѣкѣ, приближаются двѣ фигуры, мужчина и женщина. Слышенъ звонкій женскій смѣхъ, кажущійся притворнымъ.

— Кто это? — спрашиваетъ гимназистка лицеиста. — Вы лучше меня видите.

— Ваши партнеры по любительскому спектаклю. Залѣсская съ Потемкинымъ.

— Ахъ, я не хочу встрѣчаться съ ними. Я ее терпѣть не могу. Уйдемъ куда-нибудь. Встрѣтимся съ нашими на лугу.

— Слушаю-съ. — Господа, мы вамъ пока откланиваемся. До скорого свиданія на рѣкѣ.

— Это почему? — спрашиваетъ кадетъ, нелѣпо выкатывая глаза. — Что сей внезапный сонъ значить?

— Намъ пора отношенія выяснить, — отвѣчаетъ гимназистка, смѣясь. — Au revoir, господа. Можете намъ завидовать.

И взявшись за руки, лицеистъ и гимназистка ѣдутъ

въ просьбу направо. Ихъ провожаютъ напутственными криками, шутками.

У лицеиста крѣпко бьется сердце. Онъ чувствуетъ, что она, подъ видомъ шутки, съ той спокойной и удивительной смѣлостью, на которую способны только женщины, сказала правду. Онъ знаетъ, что за эти праздничные дни все сказано безъ словъ между нимъ и ею, что они ждутъ только момента и рѣшительности осуществить это сказанное безъ словъ. И вотъ этотъ моментъ внезапно насталъ. Однако, она идетъ и молчитъ, и его волнение увеличивается сомнѣнiемъ, не ошибается ли онъ.

Она молчитъ, она спокойно и какъ ни въ чемъ не бывало двигаетъ лыжами. И отъ волненiя молчитъ и онъ, или же говорить что-нибудь явно ненужное.

— Хотите итти слѣва? Тутъ глубже снѣгъ...

— Нѣтъ, спасибо, мнѣ очень хорошо...

И опять молча суютъ они лыжи, слегка наклоняясь впередъ. Снѣгъ вокругъ, среди сосновыхъ розоватыхъ стволовъ, становится все глубже, бѣлѣе, сосны все чаще, оснѣженнѣе. Вечеръ мягко мѣняетъ краски, все больше сливаясь съ воцаряющейся лунной ночью.

— Охъ, я, кажется, устала! — говоритъ она, наконецъ, поворачивая къ нему раскраснѣвшееся лицо и слегка улыбаясь. — Куда мы идемъ? Мы заблудимся...

У него еще больше замираетъ сердце, но онъ отвѣчаетъ, стараясь говорить какъ можно обыденнѣе:

— Еще немного. Скоро опять поляна и скамейка, — развѣ вы не помните? Вы потише, поровнѣе. Вотъ такъ: разъ, разъ... разъ, разъ...

На полянѣ, возлѣ скамейки, утонувшей въ снѣгу, онъ отпускаетъ ея руку и только отпустивъ, чувствуетъ, какое это было наслаждение держать ее, какъ будто сосредоточившую въ себѣ всю прелесть всего ея женскаго существа.

Онъ утаптываетъ снѣгъ возлѣ скамейки, срѣзаетъ лыжей снѣжную подушку съ нея, смахиваетъ платкомъ сухіе остатки снѣга. Она садится и на минуту блаженно закрываетъ глаза.

— Какъ хорошо. Какая тишина. — Какія это птицы?
По кустамъ можжевельника перелетаютъ толстые,
зобастые, съ красными грудками снѣгири.

— Это снѣгири.

— Какъ они красивы!

— Хотите, убью одного?

И онъ вынимаетъ изъ кармана маленькій револьверъ.

— Нѣтъ, не надо, — говоритъ она съ нерѣшительной улыбкой.

Толстый снѣгирь перелетаетъ ближе.

— Видите, онъ самъ идетъ навстрѣчу смерти. — Такъ я стрѣляю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

— Вы боитесь?

— Нѣтъ, но не хочу...

Она слабо махаетъ рукой на снѣгиря, но снѣгири перелетаетъ еще ближе. И тотчасъ же, какъ хлопнувшій кнутъ, раздается выстрѣлъ, отъ котораго она въ страхѣ закрываетъ глаза и затыкаетъ уши.

Снѣгиря на кустѣ уже нѣтъ, Промакъ, конечно? Поднявъ глаза кверху, они видятъ, что луна среди верхушекъ сосенъ уже въ сіяніи и возлѣ нея вѣется серебристый ястребокъ, котораго откуда-то спугнулъ выстрѣлъ. Потомъ смотрятъ въ кусты. Снѣгирь взъерошеннымъ комочкомъ лежитъ на снѣгу.

— Это совершенно неправдоподобно! — восклицаетъ лицейскъ, кидаясь къ нему. — Изъ револьвера и вдругъ попасть!

И еще напряженнѣе чувствуетъ, что время идетъ, а они оба говорятъ и дѣлаютъ совсѣмъ не то, что надо.

— И вамъ не жаль? — спрашиваетъ она, разглядывая еще теплога снѣгиря.

— Увы, ничуть! — шутливо выговариваетъ онъ съ трудомъ, стукнувъ отъ внутренней дрожи зубами при взглядѣ на ея губы, мѣхъ вокругъ шеи, маленькіе ботинки въ снѣгу. — Вы запачкали кровью руку...

Она кладетъ снѣгиря на скамейку и поднимаетъ на него глаза, которые кажутся вопросительными и ждущими.

— Дайте вытру снѣгомъ...

Она протягиваетъ руку. Онъ вытираетъ, замирая отъ нестерпимаго желанія цѣловать, кусать ее.

Вечера уже почти нѣтъ. Луна между соснами уже зеркальная. Въ легкой тѣни отъ верхушекъ сосенъ снѣгъ принялъ цвѣтъ золы, а на мѣстахъ освѣщенныхъ искрится алмазами. Морозить все крѣпче.

— Однако, что-же это мы? — говоритъ она, вдругъ поднимаясь. — Мы рискуемъ не найти ихъ. Идемте скорѣе!

И опять они берутся за руки и поспѣшно двигаютъ лыжами. Проходитъ десять, пятнадцать минутъ...

— Постойте! Мы, кажется, совсѣмъ не туда идемъ! Гдѣ мы? Опять какая-то поляна...

— Нѣтъ, вѣрно, — говоритъ лицеистъ. — Видите, — поляна покатая, это уже спускъ къ рѣкѣ. Мы незамѣтно все время забирали влѣво.

Но она стоитъ, растерянно оглядываясь. Поляна глухая, въ глубокомъ снѣгу. Надъ головою уже совсѣмъ по ночному блещетъ луна, тѣни межъ сосенъ черны, четки, на краю поляны тонетъ въ сугробахъ черная изба безъ оконъ, снѣжная, пухлая крыша ея вся играетъ бѣлыми и синими бриллиантами. Тишина мертвая.

— Вы куда-то завели меня, — говоритъ она негромко, уже съ неподдѣльнымъ страхомъ. — Идемъ назадъ.

Но онъ странно смотритъ на нее и тянетъ ее за руку впередъ.

— Давайте только заглянемъ въ эту избу... На одну минуту...

Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, но возлѣ избы рѣшительно противится, останавливается и отнимаетъ у него руку. Онъ, бросивъ лыжи, идетъ по твердому сугробу къ раскрытой двери и, наклоняясь, скрывается въ ея темнотѣ. Черезъ минуту раздается изъ избы его голосъ:

— Какъ здѣсь хорошо! Загляните хоть въ окно! Неужели вы боитесь?

— Нѣтъ, но не хочу. Гдѣ вы? Пойдемте, поздно.

— Какъ красивъ [здѣсь лунный свѣтъ! Это что-то сказочное!

— Если вы не выйдете, я уйду одна...

И скрипя по морозному снѣгу, она подходит къ окну, заглядываетъ въ него:

— Гдѣ вы тамъ?

И вдругъ ее ослѣпляетъ такимъ дивнымъ, такимъ страшнымъ и райски прекраснымъ зеленымъ свѣтомъ отъ прорѣзавшаго все небо и разорвавшагся метеора, что она вскрикиваетъ и въ ужасѣ бросается въ дверь избы...

Черезъ полчаса они снова выходятъ на залитую лунною поляну и уже до самой рѣки, гдѣ слышны призывные крики къ нимъ, не могутъ произнести ни слова.

Парижъ, 1920.

Неизвѣстный другъ

7 октября, 19... г.

На этой *carte-illustrée* съ такимъ печальнымъ и величественнымъ видомъ лунной ночи у береговъ Атлантическаго океана спѣшу написать Вамъ мою горячую благодарность за Вашу послѣднюю книгу. Эти берега — моя вторая родина, это послѣдняя граница европейскихъ владѣній Британіи. — видите, изъ какого далека шлетъ Вамъ привѣтъ одинъ изъ Вашихъ неизвѣстныхъ друзей. Будьте счастливы и да сохранитъ Васъ Богъ.

8 октября.

Вотъ еще одинъ видъ той одинокой страны, куда навѣки забросила меня судьба.

Вчера подъ ужаснымъ дождемъ, — у насъ вѣчный дождь, — ѣздила по дѣламъ въ городъ, случайно купила Вашу книгу и читала ее не отрываясь на возвратномъ пути на виллу, гдѣ мы живемъ круглый годъ изъ-за моего слабаго здоровья. Отъ дождя, отъ тучъ было почти темно, цвѣты и зелень въ садахъ были необыкновенно ярки, пустой трамвай шелъ быстро, кидая фіолетовыя вспышки, а я читала, читала и, неизвѣстно почему, чувствовала себя почти мучительно счастливой.

Прощайте, еще разъ благодарю Васъ. Хочется еще что-то сказать Вамъ, но что? Не знаю, не умѣю опредѣлить.

10 октября.

Не могу удержаться и опять пишу Вамъ. Думаю, что Вы получаете такихъ писемъ слишкомъ много. Но вѣдь все это отклики именно тѣхъ человѣческихъ душъ, для которыхъ и творите Вы. Такъ зачѣмъ же мнѣ молчать? Вы первый вступили въ общеніе со мной, выпустивъ въ свѣтъ, то есть и для меня, свою книгу...

И нынче цѣлый день сыплется дождь на нашъ почти неестественно зеленый садъ, и въ комнатѣ у меня сумрачно и съ утра топится каминъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать Вамъ многое, но вѣдь Вы знаете лучше другихъ, какъ это трудно, почти невозможно — высказывать себя. Я все еще подъ впечатлѣніемъ чего-то непонятнаго и неразрѣшающагося, но прекраснаго, чѣмъ я обязана Вамъ, — объясните, что это такое, это чувство? И что вообще испытываютъ люди, подвергаясь воздействию искусства? Очарованіе отъ человѣческой умѣлости, силы? Возбужденное желаніе личнаго счастья, которое всегда, неугасимо живетъ въ насъ и особенно оживаетъ подъ вліяніемъ чего-нибудь, дѣйствующаго чувственно, — музыки, стиховъ, какого-нибудь образнаго воспоминанія, какого-нибудь запаха? Или же это радость ощущенія божественной прелести человѣческой души, которую открываютъ намъ немногіе, подобные Вамъ, напоминающіе, что она все-таки есть, есть, эта божественная прелесть? Вотъ я что-нибудь читаю, — иногда даже что-нибудь ужасное, — и вдругъ говорю: Боже, какъ это прекрасно! Что это значитъ? Можетъ быть, это значитъ: какъ все-таки прекрасна жизнь!

До свиданья, скоро еще напишу Вамъ. Думаю, что въ этомъ нѣтъ никакой не деликатности, что это принято — писать писателямъ. Кромѣ того, Вы вѣдь можете и не читать моихъ писемъ... хотя, конечно, мнѣ это будетъ очень грустно.

Ночью.

Простите, это можетъ прозвучать дурно, но не могу не сказать: я не молода, у меня дочь пятнадцати лѣтъ,

совсѣмъ уже барышня, но я была когда-то не совсѣмъ дурна и не слишкомъ рѣзко измѣнилась съ тѣхъ... Мнѣ все-таки не хочется, чтобы Вы представляли себѣ меня не такой, какая я есть.

11 октября.

Я написала Вамъ въ силу потребности раздѣлить съ Вами то волненіе, которое произвелъ на меня Вашъ талантъ, дѣйствующій, какъ печальная, но возвышенная музыка. Зачѣмъ это нужно — раздѣлить? Я не знаю, да и Вы не знаете, но мы оба хорошо знаемъ, что эта потребность челоѣческаго сердца неискоренима, что безъ этого нѣтъ жизни и что въ этомъ какая-то великая тайна. Вѣдь и Вы пишете только въ силу этой потребности и даже болѣе — Вы отдаете ей всего себя всецѣло.

Я всегда много читала, — и много вела дневниковъ, какъ всѣ неудовлетворенные жизнью люди, — много читаю и теперь, читала и Васъ, но мало, больше знала Васъ лишь по имени. И вотъ эта Ваша новая книга... Какъ это странно! Чья-то рука гдѣ-то и что-то написала, чья-то душа выразила малѣйшую долю своей сокровенной жизни малѣйшимъ намекомъ, — что можетъ выразить слово, даже такое, какъ Ваше! — и вотъ вдругъ исчезаетъ пространство, время, разность судебъ и положеній, и Ваши мысли и чувства становятся моими, нашими общими. Поистинѣ только одна, единая есть душа въ мірѣ. И развѣ не понятенъ послѣ этого мой порывъ написать Вамъ, что-то высказать, что-то раздѣлить съ Вами, на что-то пожаловаться? Развѣ Ваши произведенія не то же самое, что мои письма къ Вамъ? Вѣдь и Вы что-то и кому-то высказываете, посылаете свои строки кому-то невѣдомому и куда-то въ пространство. Вѣдь и Вы жалуетесь, чаще всего только жалуетесь, потому что жалоба, иными словами, мольба о сочувствіи, наиболѣе неразлучна съ челоѣкомъ: сколько ея въ пѣсняхъ, молитвахъ, стихахъ, любовныхъ изліяніяхъ!

Можетъ быть, Вы отвѣтите мнѣ, хотя двумя словами? Отвѣтите!

13 октября.

Опять пишу Вамъ ночью, уже въ спальнѣ, мучимая непонятнымъ желаніемъ сказать то, что такъ легко обозвать наивностью, что скажется во всякомъ случаѣ не такъ, какъ чувствуется. А хочется мнѣ сказать въ сущности очень немногое: только то, что мнѣ очень грустно, очень жаль себя — и что я все-таки счастлива этой грустью и тѣмъ, что мнѣ жаль себя. Мнѣ грустно думать, что я гдѣ-то въ чужой странѣ, на самыхъ западныхъ берегахъ Европы, на какой-то виллѣ за городомъ, среди осенней ночной темноты и тумана съ моря, идущаго вплоть до Америки. Грустно, что я одна не только въ этой уютной и прелестной комнатѣ, но и во всемъ мірѣ. И всего грустнѣй, что Вы, котораго я выдумала и отъ котораго уже чего-то жду, такъ безконечно далеко отъ меня и такъ мнѣ невѣдомы, и, конечно, что бы я тамъ ни говорила, такъ чужды мнѣ и такъ правы въ этомъ...

Въ сущности, все въ мірѣ прелестно, даже вотъ этотъ абжуръ на лампѣ и ея золотистый свѣтъ, и сверкающее бѣлье на моей уже открытой постели, и мой халатъ, моя нога въ туфлѣ и моя худая рука въ широкомъ рукавѣ. И всего безконечно жаль: къ чему все? Все проходитъ, все пройдетъ и все тщетно, какъ и мое вѣчное ожиданіе чего-то, замѣняющее мнѣ жизнь...

Очень прошу—напишите мнѣ. Конечно, два-три слова, только для того, чтобы я знала, что Вы слышите меня. Простите мою настойчивость.

15 октября.

Это нашъ городъ, нашъ соборъ. Пустынные скалистые берега, — моя первая *carte-postale* къ Вамъ, — дальше, сѣвернѣе. Но и городъ, соборъ — все угрюмо, черно у насъ. Гранитъ, шиферъ, асфальтъ и дождь, дождь...

Да, напишите мнѣ кратко, я очень хорошо понимаю, что Вамъ нечего сказать мнѣ, кромѣ двухъ-трехъ словъ, и, повѣрьте, ни чуть не буду въ обидѣ. Но напишите, напишите!

21 октября.

Увы, письма отъ Васъ нѣтъ. А прошло уже пятнадцать дней съ тѣхъ поръ, какъ я написала Вамъ въ первый разъ...

Но можетъ быть, Вашъ издатель еще не переслалъ Вамъ моихъ писемъ? Можетъ быть, Васъ отвлекаютъ срочныя занятія, свѣтская жизнь? Это очень грустно, но все же лучше, чѣмъ думать, что Вы просто пренебрегли моей просьбой. Думать такъ очень обидно и больно. Вы скажете, что я не имѣю никакого права на Ваше вниманіе и что, слѣдовательно, ни обидѣ, ни боли не можетъ быть мѣста. Но точно ли не имѣю я этого права? А можетъ быть, оно уже есть у меня, разъ я испытала извѣстныя чувства къ Вамъ? Развѣ былъ, напримѣръ, хоть одинъ Ромео, который не требовалъ взаимности даже и безъ всякихъ основаній, или Отелло, который ревновалъ бы по праву? Оба они говорятъ: 'разъ я люблю, какъ можно не любить меня, какъ можно измѣнять мнѣ? Это не простое хотѣніе, чтобы меня любили, это гораздо сложнѣе и больше. Разъ я что-нибудь или кого-нибудь люблю, это уже мое, во мнѣ... Впрочемъ, не умѣю объяснить Вамъ этого какъ слѣдуетъ, знаю только, что такъ казалось и кажется людямъ всегда, и чувствую, что тутъ скрывается что-то очень глубокое. Все дивно, все непонятно въ мірѣ...

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, а отвѣта отъ Васъ нѣтъ, а я опять пишу. Неожиданно выдумала, что Вы мнѣ чѣмъ-то близки, — хотя опять-таки выдумала ли? — и сама повѣрила своей выдумкѣ и упорно стала писать Вамъ и уже знаю, что чѣмъ больше буду писать Вамъ, тѣмъ все необходимѣе будетъ для меня дѣлать это, потому что все болѣе будетъ усиливаться какая-то связь между мною и Вами. Я Васъ не представляю себѣ, совсемъ не вижу даже Вашего физическаго облика. Такъ кому же я пишу? Самой себѣ? Но все равно. Вѣдь и я — Вы.

И все же — отзовитесь!

22 октября.

Нынче дивный день, на душѣ у меня легко, окна открыты, и солнце и теплый воздух напоминаютъ о веснѣ. Странный этотъ край! Лѣтомъ дождливо и холодно, осенью, зимой — дождливо и тепло, но порой выпадаютъ такіе прекрасные дни, что не знаешь: зима это или итальянская весна? О, Италия, Италия и мои восемнадцать лѣтъ, мои надежды, моя радостная довѣрчивость, мои ожиданія на порогѣ жизни, которая была вся впереди и вся въ солнечномъ туманѣ, какъ горы, долины и цвѣтущіе сады во кругъ Везувія! Простите, знак, что все это слишкомъ не ново, но что мнѣ до того?

Ночью.

Можетъ быть, Вы оттого не писали мнѣ, что я для Васъ слишкомъ отвлеченна? Тогда вотъ еще нѣсколько чертъ моей жизни. Я уже шестнадцать лѣтъ замужемъ. Мой мужъ французъ, я познакомилась съ нимъ однажды зимой на французской Ривьерѣ, вѣнчалась въ Римѣ, а послѣ свадебнаго путешествія по Италиі навсѣгда поселилась здѣсь. У меня трое дѣтей, мальчикъ и двѣ дѣвочки. Люблю ли я ихъ? Да, но все же не такъ, какъ чаще всего любятъ матери, видящая жизнь только въ семьѣ, въ дѣтяхъ. Пока дѣти были маленькими, я за ними непрестанно ухаживала, раздѣляла съ ними всѣ ихъ игры и занятія, но теперь они во мнѣ больше не нуждаются, и у меня много свободнаго времени, которое я провожу въ чтеніи. Родные мои далеко, наши жизни разошлись, и общихъ интересовъ у насъ такъ мало, что мы даже переписываемся очень рѣдко. Въ связи съ положеніемъ моего мужа мнѣ часто приходится бывать въ обществѣ, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерахъ и обѣдахъ. Но друзей и подругъ у меня нѣтъ. На здѣшнихъ дамъ я не похожа, а въ дружбу между мужчиной и женщиной я не вѣрю...

Но довольно обо мнѣ. Если отвѣтите, скажите хоть что-нибудь о себѣ. Какой Вы? Гдѣ Вы постоянно живете?

Любите ли Вы Шекспира или Шелли, Гете или Данте, Бальзака или Флобера? Любите ли музыку и какую? Женаты ли Вы? Связаны ли Вы уже наскучившей связью или у Васъ есть невѣста въ той нѣжной и прекрасной порѣ, когда все ново и радостно, когда еще нѣтъ воспоминаній, которыя только томятъ, обманываютъ, будто было счастье, непонятное и неиспользованное?

Напишите мнѣ, если можете!

1 ноября.

Письма отъ Васъ нѣтъ. Какое мученіе! Такое мученіе, что я иногда прокливаю день и часъ, когда рѣшилась написать Вамъ...

И хуже всего то, что изъ этого нѣтъ выхода. Сколько бы я ни увѣряла себя, что письма не будетъ, что мнѣ нечего ждать, я все-таки жду: кто же можетъ поручиться, что его дѣйствительно не будетъ? Ахъ, если бы твердо знать, что Вы не напишете! Я была бы и этимъ счастлива. Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ, надѣяться все-таки лучше. Я надѣюсь, я жду!

3 ноября.

Письма нѣтъ, и мои мученія продолжаются...

Впрочемъ, тяжелы только утренніе часы, когда я съ неестественнымъ спокойствіемъ и медлительностью, но съ холодными отъ скрытаго волненія руками одѣваюсь, выхожу къ кофе, прохожу музыкальный урокъ съ дочерью, которая разучиваетъ его такъ трогательно прилежно и сидитъ за піанино такъ прямо, такъ прелестно прямо, какъ умѣютъ это только дѣвочки по пятнадцатому году. Въ полдень приходитъ наконецъ почта, я бросаюсь къ ней, ничего не нахожу — и почти успокаиваюсь до слѣдующаго утра...

А нынче опять прелестный день. Низкое солнце ясно и кротко. Въ саду много голыхъ, черныхъ деревьевъ, цвѣтутъ осенніе цвѣты. И что-то тонкое, голубое, необычно-

венно прекрасное въ долинахъ, за вѣтвями сада. И въ сердцѣ благодарность кому-то и за что-то. За что? Вѣдь ничего нѣтъ и не будетъ... хотя такъ ли это, точно ли ничего нѣтъ, разъ она есть, эта умиляющая душу благодарность?

Благодарю и Васъ за то, что Вы дали мнѣ возможность выдумать Васъ. Вы меня никогда не узнаете, никогда не встрѣтите, но и въ этомъ много печальной прелести. И, быть можетъ, хорошо, что Вы не пишете, что вы не написали мнѣ ни слова и что я совсѣмъ не вижу Васъ живымъ. Развѣ я могла бы говорить съ Вами и чувствовать Васъ такъ, какъ сейчасъ, если бы я Васъ знала, даже если бы имѣла хоть одно письмо отъ Васъ? Вы непременно были бы уже не такой, непременно чуть-чуть хуже, и мнѣ было бы менѣе свободно писать Вамъ...

Свѣжѣетъ, а я все не закрываю окна и все смотрю въ голубую дымку низменностей и холмовъ за садомъ. И это голубое мучительно прекрасно, мучительно потому, что непременно нужно что-то сдѣлать съ нимъ. Что сдѣлать? Я не знаю. Мы ничего не знаемъ!

5 ноября.

Это похоже на дневникъ, но это все-таки не дневникъ, потому что теперь у меня есть читатель, пусть хотя бы и предполагаемый...

Что побуждаетъ писать Васъ? Желание рассказать что-нибудь или высказать (хоть бы иносказательно) себя? Конечно, второе. Девять десятыхъ писателей, даже самыхъ славныхъ, только рассказчики, то есть въ сущности не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что можетъ достойно называться искусствомъ. А что такое искусство? Молитва, музыка, пѣсня человѣческой души... Ахъ, если бы оставить послѣ себя хоть нѣсколько строкъ о томъ, что вотъ и я жила, любила, радовалась, что и у меня была молодость, весна, Италия... что есть далекая страна на берегахъ Атлантическаго океана, гдѣ я живу, люблю и все еще чего-то жду даже и теперь... что есть въ этомъ океанѣ

дикіе и бѣдныя острова и дикая, бѣдная жизнь какихъ-то чуждыхъ всему міру людей, ни происхожденія, ни темнаго языка, ни цѣли существованія которыхъ не знаетъ и никогда не узнаетъ никто...

Я все-таки жду, жду письма. Теперь это уже какъ бы навязчивая идея, родъ душевной болѣзни.

7 ноября.

Да, все дивно. Письма, конечно, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И представьте себѣ: потому что нѣтъ этого письма, нѣтъ отвѣта отъ человѣка, котораго я никогда не видала и не увижу, нѣтъ отклика на мой голосъ, брошенный куда-то въ даль, въ свою мечту, у меня чувство страшнаго одиночества, страшной пустоты міра. Пустоты, пустоты!

И опять дождь, туманъ, будни. И это даже хорошо, то есть обычно, такъ, какъ надо. Это меня успокаиваетъ.

До свиданія, да проститъ Вамъ Богъ Вашу жестокость. Да, все-таки это почти жестоко.

8 ноября.

Три часа, а уже совсѣмъ сумерки отъ тумана и дождя. А въ пять у насъ чай съ гостями.

Приѣдутъ подъ дождемъ, въ автомобиляхъ, изъ мрачнаго города, который въ дождь еще чернѣе со своимъ чернымъ мокрымъ асфальтомъ, черными мокрыми крышами и чернымъ гранитнымъ соборомъ, остріе котораго уносится въ дождь и мглу...

Я уже одѣта и какъ бы жду выхода на сцену. Жду того момента, когда я буду говорить все то, что полагается, буду любезна, оживлена, заботлива и только немного блѣдна, что такъ легко объяснить этой ужасной погодой. И, одѣтая, я какъ будто помолодѣла, чувствую себя старшей сестрой своей дочери и каждую минуту готова заплакать. Я все-таки пережила что-то странное, похожее на любовь. Къ кому? Въ силу чего?

Прощайте, я уже ничего не жду, — говорю это совершенно искренно и твердо.

10 ноября.

Прощайте, мой невѣдомый другъ. Кончаю свои безотвѣтныя письма тѣмъ же, чѣмъ и начала, — благодарностью. Благодарю Васъ, что вы не отозвались. Было бы хуже, если бы было иначе. Что бы Вы могли сказать мнѣ? И на чемъ могли бы мы съ Вами, безъ чувства неловкости, прервать переписку? И что бы я нашла сказать Вамъ еще кромѣ сказаннаго? Больше у меня ничего нѣтъ, — я все сказала. Въ сущности о всякой человѣческой жизни можно написать только двѣ-три строки. О, да. Только двѣ-три строки.

Со страннымъ чувствомъ, — точно я кого-то потеряла, — опять остаюсь одна, со своимъ домомъ, близостью туманнаго океана, осенними и зимними буднями. И опять возвращаюсь къ спокойному дневнику, странную надобность котораго, равно какъ и Вашихъ писаній, знаетъ только Богъ.

Нѣсколько дней тому назадъ видѣла Васъ во снѣ. Вы были какой-то странный, молчаливый, сидѣли въ углу темной комнаты и были не видны. А все-таки я Васъ видѣла. Но и во снѣ я чувствовала: какъ можно видѣть во снѣ того, кого никогда не видѣлъ въ жизни? Вѣдь только Богъ творить изъ ничего? И мнѣ было очень жутко, и я проснулась въ страхѣ, съ тяжелымъ чувствомъ.

Черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ не будетъ, вѣроятно, ни меня, ни Васъ въ этомъ мірѣ. До встрѣчи въ иномъ! Кто можетъ быть увѣренъ, что его нѣтъ? Вѣдь мы не понимаемъ даже своихъ собственныхъ сновъ, созданий своего собственнаго воображенія. Наше ли оно, это воображеніе, то есть, говоря точнѣе, то, что мы называемъ нашимъ воображеніемъ, нашими выдумками, нашими мечтами? Нашей ли волѣ подчиняемся мы, стремясь къ той или иной душѣ, какъ я стремлюсь къ Вашей?

Прощайте. Или нѣтъ, все-таки до свиданія.

Въ ночномъ морѣ

Пароходъ, шедшій изъ Одессы на Кавказъ, остано-
вился ночью передъ Евпаторіей.

На пароходѣ и возлѣ него образовался суцій адъ.
Грохотали лебедки, яростно кричали и тѣ, что принимали
грузъ, и тѣ, что подавали его снизу, изъ огромной баржи;
съ крикомъ, съ дракой осаждала пассажирскій трапъ и,
какъ на приступъ, съ непонятной, бѣшеной поспѣшностью,
лѣзла вверхъ со своими пожитками восточная чернь; элек-
трическая лампочка, спущенная надъ площадкой трапа,
рѣзко освѣщала густую и беспорядочную вереницу гряз-
ныхъ фесокъ и тюрбановъ изъ башлыковъ, вытараченные
глаза, пробивавшіяся впередъ плечи, судорожно цѣпляв-
шіяся за поручни руки; стонъ стоялъ и внизу, возлѣ по-
слѣднихъ ступенекъ, поминутно заливаемыхъ волной; тамъ
тоже дрались и орали, оступались и цѣплялись, тамъ сту-
чали весла, сшибались другъ съ другомъ лодки, полныя
народа, — онѣ то высоко взлетали на волнѣ, то глубоко
падали, исчезали въ темнотѣ подъ бортомъ. А дельфино-
подобную тушу парохода упруго, точно на резинѣ, валило
то въ одну, то въ другую сторону...

Наконецъ стало стихать.

Очень прямой, съ прямыми плечами господинъ, под-
нявшійся на палубу въ числѣ послѣднихъ, подалъ возлѣ
рубки перваго класса свой билетъ и сакъ лакею и, узнавъ,
что мѣстъ въ каютахъ нѣтъ, прошелъ на корму. Тутъ
было темно, стояло нѣсколько полотняныхъ кресель, и
только въ одномъ изъ нихъ чернѣла фигура полулежащаго

подъ пледомъ челоуѣка. Новый пассажиръ выбралъ себѣ кресло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Кресло было низкое, и, когда онъ сѣлъ, парусина натянулась и обрѣзовала очень удобный и пріятный уютъ. Пароходъ поднимало и опускало, медленно сносило, поворачивало течениемъ. Дулъ мягкій вѣтерокъ южной лѣтней ночи, слабо пахнущій моремъ. Ночь, по лѣтнему простая и мирная, съ чистымъ небомъ въ мелкихъ скромныхъ звѣздахъ, давала темноту мягкую, прозрачную. Далекие огни были блѣдны и потому, что часъ былъ поздній, казались сонными. Вскорѣ на пароходѣ и совсѣмъ все пришло въ порядокъ, послышались уже спокойные командные голоса, загремѣла якорная цѣпь... Потомъ корма задрожала, зашумѣла винтами и водой. Низко и плоско разсыпанные на далекомъ берегу огни поплыли назадъ. Качать перестало...

Можно было подумать, что оба пассажира сняты, такъ неподвижно лежали они въ своихъ креслахъ. Но нѣтъ, они не спали, они пристально смотрѣли сквозь сумракъ другъ на друга. И, наконецъ, первый, тотъ, у котораго ноги были покрыты пледомъ, просто и спокойно спросилъ:

— Вы тоже въ Крымъ?

И второй, съ прямыми плечами, не спѣша отвѣтилъ ему тѣмъ-же тономъ:

— Да, въ Крымъ и дальше. Побуду въ Алушкѣ, потомъ поѣду въ Гагры.

— Я васъ сразу узналъ, — сказалъ первый.

— И я васъ узналъ и тоже сразу, — отвѣтилъ второй.

— Очень странная и неожиданная встрѣча.

— Какъ нельзя болѣе.

— Собственно, я не то, что узналъ васъ, а у меня какъ-будто уже заранѣе таилось такое чувство, что вы почему-то должны появиться, такъ что и узнавать было не нужно.

— Совершенно то-же самое испыталъ и я.

— Да? Очень странно. Какъ тутъ не сказать, что въ жизни все таки бываютъ минуты — ну, необыкновенныя, что-ли? Жизнь, можетъ быть, не такъ ужъ проста, какъ кажется.

— Можетъ быть. Но вѣдь можетъ быть и другое: то, что мы съ вами просто вообразили сию минуту эти чувства нашего якобы предвидѣнія.

— Можетъ быть. Да, весьма возможно. Даже скорѣе всего, что такъ.

— Ну вотъ видите. Мы умствуемъ, а жизнь, можетъ быть, очень проста. Просто похожа на ту свалку, которая была сейчасъ возлѣ трапа. Куда эти дураки такъ спѣшили, дави другъ друга?

И собесѣдники немного помолчали. Потомъ снова заговорили.

— Сколько мы съ вами не видались? Двадцать три года? — спросилъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ.

— Да, почти такъ, — отвѣтилъ второй. — Осенью будетъ ровно двадцать три. Намъ съ вами это очень легко подсчитать. Почти четверть вѣка.

— Большой срокъ. Цѣлая жизнь. То-есть я хочу сказать, что обѣ наши жизни почти уже кончены.

— Да, да. И что-же? Развѣ намъ страшно, что кончены?

— Гмъ! Конечно, нѣтъ. Почти ничуть. Вѣдь это все враки, когда мы говоримъ себѣ, что страшно, то-есть когда мы стараемся пугаться, что вотъ, молъ жизнь прожита и черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ придется лежать въ могилѣ. А вѣдь подумайте: въ могилѣ. Не шуточная вещь.

— Совершенно вѣрно. И я даже гораздо больше скажу. Вы вѣдь знаете, вѣроятно, какъ я, что называется, знаменитъ въ медицинскомъ мѣрѣ?

— Кто-жъ этого не знаетъ! Конечно, знаю. А что вашъ покорный слуга тоже прославился, вамъ извѣстно?

— Ну, разумѣется. Можно сказать, вашъ поклонникъ.

— Да, да, двѣ знаменитости. — Ну, такъ что вы хотѣли сказать?

— А то, что благодаря своей знаменитости, то-есть некоторымъ знаніямъ, не Богъ вѣсть какой мудрости, но все таки довольно основательнымъ, я знаю почти безо-

шибочно, что жить мнѣ осталось даже и не десять лѣтъ, а нѣсколько мѣсяцевъ. Ну, самое болѣе — годъ. У меня достовѣрно установленная и мною самимъ и сотоварищами по ремеслу смертельная болѣзнь. И увирую васъ, я все-таки живу почти какъ ни въ чемъ не бывало. Только саркастически усмѣхаюсь: хотѣлъ, изволите-ли видѣть, всѣхъ перещеголять въ знаніи всяческихъ причинъ смерти, чтобы славиться и великолѣпно жить, и на свою голову добился — великолѣпно узнать свою собственную смерть. То бы меня дурачили, обманывали, — что вы, батенька, мы еще повоюемъ, чертъ возьми! — а тутъ какъ обманешь, какъ соврешь? Глупо и неловко. До того неловко, что даже пересаливаютъ въ откровенности, смѣшанной съ умиленіемъ и льстивостью: „Что-жъ, уважаемый коллега, не намъ съ вами хитрить... *Finita la comedia!*“

— Вы это серьезно? — спросилъ первый пассажиръ.

— Совершенно серьезно, — отвѣтилъ второй. — И въдѣ главное что? Какой-то тамъ Кай смертенъ, ерго умру и я, да въдѣ когда-то еще это будетъ! Но тутъ, къ сожалѣнію, дѣло совсѣмъ иное: не когда-то, а черезъ годъ. А много-ли времени годъ? Будущимъ лѣтомъ вы вотъ такъ-же будете плыть куда-нибудь по синимъ волнамъ океана, а въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ, будутъ лежать мои благородныя кости. Ну и что-же? Да то, что я почти ровно ничего не чувствую при мысли объ этомъ и, что хуже всего, вовсе не вслѣдствіе какого-то тамъ мужества, которое видятъ во мнѣ студенты, когда я расписываю имъ свою болѣзнь и ея теченіе, какъ нѣчто интересное съ клинической точки зрѣнія, а просто такъ, по какому-то идиотическому безчувствію. Да ничего не чувствуютъ и всѣ окружающіе меня, знающіе мою роковую тайну. И шутъ вы, напримѣръ, — развѣ вамъ страшно за меня?

— Страшно ли за васъ? Нѣтъ, сознаюсь, — въ сущности нисколько.

— И. конечно, ничуть не жаль меня?

— Нѣтъ, и не жаль. И при томъ вы, я думаю, нисколько не вѣрите въ тѣ блаженные мѣста, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія, а только райскія яблоки?

— Ну, какая тамъ у насъ съ вами вѣра...

И опять оба помолчали. Потомъ вынули портсигары, закурили.

— И вѣдь замѣтите, — сказала первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ: — мы вѣдь съ вами ничуть не рисуемся, ничуть не играемъ сейчасъ ни другъ передъ другомъ, ни передъ воображаемымъ слушателемъ. Говоримъ мы, право-же, очень просто и безъ всякаго предумышленного цинизма, безъ всякаго ѣдкаго хвастовства, въ которомъ все-таки есть всегда нѣкая компенсация: вотъ, моль, извольте взглянуть, въ какомъ мы положеніи — ни у кого такого нѣтъ. Мы и бесѣдуемъ просто и умолкаемъ безъ всякой значительности, безъ всякой стоической мудрости. Говоря вообще, болѣе сладострастнаго животнаго, чѣмъ человѣкъ нѣтъ на землѣ, хитрая человѣческая душа изъ всего умѣетъ извлекать самоуслаждение. Но въ нашемъ съ вами случаѣ я даже и этого не вижу. И это тѣмъ болѣе любопытно, что вѣдь надо прибавить къ нашему, какъ вы выражаетесь, идиотскому безчувствію еще всю особенность нашихъ съ вами отношеній. Мы вѣдь съ вами ужасно тѣсно связаны. То есть, точнѣе говоря, должны были бы быть связаны.

— Еще бы! — отвѣтилъ второй. — Какой ужасъ, въ сущности, причинилъ я вамъ. Воображаю, что вы пережили.

— Да, и даже гораздо больше, чѣмъ вы можете вообразить. И вообще-то это ужасно, весь тотъ кошмаръ, который переживаетъ мужчина, любовникъ, мужъ, у котораго отняли, отбили жену и который по цѣлымъ днямъ и ночамъ, почти непрерывно, ежеминутно корчится отъ мукъ самолюбія, страшныхъ ревнивыхъ представлений о томъ счастьѣ, которое испытываетъ его соперникъ, и отъ безнадежной, безысходной нѣжности, — вѣрнѣе, половой умиленности, — къ потерянной самкѣ, которую хочется въ одно и то же время и задушить съ самой лютой ненавистью и осыпать самыми унижительными знаками истинно собачьей покорности и преданности. Это вообще несказанно ужасно. А вѣдь я къ тому-же не совсѣмъ обычный

человѣкъ, особь съ повышенной чувствительностью, съ повышеннымъ воображеніемъ. Вотъ тутъ и представьте, что я переживалъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ.

— Неужели годовъ?

— Увѣряю васъ, что не менѣе трехъ лѣтъ. Да и потомъ еще долго одна мысль о васъ и о ней, о вашей съ ней близости, обжигала меня точно каленымъ желѣзомъ. Да оно и понятно. Ну, отбилъ человѣкъ, напримѣръ, невѣсту — это еще туда сюда. Но любовницу или, какъ въ нашемъ случаѣ, жену! Ту, съ которой ты, извините за прямоту, спалъ, всѣ особенности тѣла и души которой знаешь, какъ свои пять пальцевъ! Подумайте, какой тутъ просторъ ревнивому воображенію. Какъ перенести обладаніе ею другимъ? Все это просто выше человѣческихъ силъ. Изъ-за чего же я чуть не спился, изъ-за чего надорвалъ здоровье, волю? Изъ-за чего потерялъ пору самага яркаго расцвѣта силъ, таланта? Вы меня, говоря безъ всякаго преувеличенія, просто пополамъ переломили. Я сросся, конечно, да что толку? Прежняго меня все равно уже не было, да и не могло быть. Вѣдь, въ какую святая святыхъ всего моего существованія вторглись вы! Царевичъ Гаутама, выбирая себѣ невѣсту и увидавъ Ясодхару, у которой „былъ станъ богини и глаза лани весной“, навтворилъ, возбужденный ею, чертъ знаетъ чего въ состязаніи съ прочими юношами, — выстрѣлилъ, напримѣръ, изъ лука такъ, что было слышно на семь тысячъ миль, — а потомъ снялъ съ себя жемчужное ожерелье, обвилъ имъ Ясодхару и сказалъ: „Потому я избралъ ее, что играли мы съ ней въ лѣсахъ въ давнопрошедшія времена, когда былъ я сыномъ охотника, а она дѣвой лѣсовъ: вспомнила ее душа моя!“ На ней было въ тотъ день черно-золотое покрывало, и царевичъ взглянулъ и сказалъ: „Потому черно-золотое покрывало на ней, что мириады лѣтъ тому назадъ, когда я былъ охотникомъ, я видѣлъ ее въ лѣсахъ пантеорой: вспомнила ее душа моя!“ — Вы простите меня за всю эту поэзію, но въ ней огромная и страшная правда. Вы только вдумайтесь въ смыслъ этихъ поразительныхъ словъ на счетъ вспомнившей души и въ то, какой это

ужась, когда эту священнѣйшую въ мірѣ встрѣчу нарушаетъ посторонній. Кто знаетъ — я, можетъ быть, тоже выстрѣлилъ бы такъ, что было бы слышно за тысячи миль. И вотъ, вдругъ явились вы...

— Ну и что же вы чувствуете ко мнѣ теперь?—спросилъ господинъ съ прямыми плечами. — Злобу, отвращеніе, жажду мести?

— Представьте себѣ: ровно ничего. Несмотря на всю вышеприведенную тираду, ровно ничего. Ужась, ужась. Вотъ тебѣ и „вспомнила душа моя!“ Да вѣдь вы это хорошо знаете и сами, то-есть то, что я ничего не чувствую. Иначе бы не спросили.

— Вы правы. Знаю. И это тоже очень страшно.

— А намъ все таки нестрашно. Сплошной ужась: совсѣмъ не страшно.

— Да, въ сущности, ничуть. Говорятъ: прошлое, прошлое! А все вздоръ. Никакого прошлаго у людей, строго говоря, нѣтъ. Такъ только, слабый отзвукъ какой-то всего того, чѣмъ жилъ когда-то...

И собесѣдники еще разъ помолчали. Пароходъ дрожалъ, шелъ; мѣрно возникалъ и стихалъ мягкій шумъ сонной волны, пронесившейся вдоль борта; быстро, однообразно крутилась за однообразно шумящей кормой бичева лага, что-то порою отмѣчавшаго тонкимъ и таинственнымъ звономъ: дзиннь... Потомъ пассажиръ съ прямыми плечами спросилъ:

— Ну, а скажите... Что вы чувствовали, когда узнали о ея смерти? Тоже ничего?

— Да, почти ничего, — отвѣтилъ пассажиръ подъ влedomъ. — Больше всего нѣкоторое удивленіе своему безчувствию. Развернулъ утромъ газету — слегка ударило въ глаза: волею Божіею, такая-то... Съ непривычки очень странно видѣть имя знакомаго, близкаго въ этой черной рамѣ, на этомъ роковомъ мѣстѣ газеты, напечатанное торжественно, крупнымъ шрифтомъ... Затѣмъ постарался загустить: да, молъ, и это та самая, которая... Но —

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ
смерти вѣсть

И равнодушно я внималъ ей...

Даже и грусти не вышло. Такъ только, слабая жалость какая-то... А вѣдь это была та самая, которую „вспомнила душа моя“, была моя первая и такая жестокая, многолѣтняя любовь. Я узналъ ее въ пору ея наивысшей прелести, невинности и той почти отроческой довѣрчивости и робости, которая потрясаетъ сердце мужчины несказанно, потому, можетъ быть, что во всякой женственности должна быть эта довѣрчивая безпомощность, что-то дѣтское, знакъ того, что дѣвушка, женщина всегда таитъ въ себѣ будущее дитя. И вѣдь это мнѣ первому, въ какомъ-то божественномъ блаженствѣ и ужасѣ, отдала она истинно все, что даровалъ ей Богъ, и вѣдь это ея дѣвичье тѣло, то-есть самое прекрасное, что есть въ мірѣ, истинно миллионы разъ цѣловалъ я въ такомъ изступлении, равнаго которому не было во всей моей жизни. И вѣдь это изъ-за нея сходилъ я съ ума буквально день и ночь, цѣлые годы. Изъ-за нея плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, покушался на самоубійство, пилъ, загонялъ лихачей, въ ярости уничтожалъ лучшія, цѣннѣйшія, можетъ быть, работы... Но вотъ прошло двадцать лѣтъ — и я тупо смотрю на ея имя въ траурной рамкѣ, тупо представляю себѣ ее въ гробу... Представление неприятное, но и только. Увѣряю васъ, что только. Да и вы теперь, — теперь, конечно, — развѣ вы что-нибудь чувствуете?

— Я? Да нѣтъ, что-жъ скрывать? Конечно, почти ничего...

Пароходъ шель; съ шипѣніемъ возникала впереди волна за волной, съ плескомъ проносилась мимо, по бортамъ, однообразно шумѣла и кипѣла блѣдно-снѣжная дорога, тянувшаяся за кормой. Дулъ сладкій вѣтеръ, звѣздный узоръ неподвижно стоялъ въ вышинѣ, надъ черной трубой, надъ снастями, надъ тонкимъ остриемъ передней мачты...

— Но знаете что? — внезапно сказалъ первый пассажиръ, какъ бы очнувшись: — знаете, что главное? Это

то, что я никакъ не могъ связать ее, умершую, съ той другой, о которой я вамъ только что говорилъ. Ну никакъ. Совершенно никакъ. Та, другая, была совсѣмъ особо. И сказать, что я ровно ничего не чувствовалъ къ ней, къ той, другой, — совершенная ложь. Такъ что я не точно говорилъ. Совсѣмъ не то и не такъ.

Второй подумаль.

— Ну и что же? — спросилъ онъ.

— А то, что почти весь нашъ разговоръ идетъ на смарку.

— Охъ, на смарку-ли? — сказалъ пассажиръ съ прямыми плечами. — Та, другая, какъ вы выражаетесь, есть просто вы, ваше представленіе, ваши чувства, ну, словомъ, что-то ваше. И значить, трогали, волновали вы себя только самимъ собой. Разберитесь-ка хорошенько.

— Вы думаете? — Не знаю. Можетъ быть... Да, можетъ быть...

— Да и долго-ли вы волновались и самимъ-то собой? Десять минутъ. Ну, полчаса. Ну, день, наконецъ.

— Да, да. Ужасно, но, кажется, вы правы. И гдѣ она теперь? Вотъ тамъ, въ этомъ прелестномъ небѣ?

— Одинъ Аллахъ вѣдаетъ, другъ мой. Скорѣе всего, что нигдѣ.

— Вы думаете? Да, да... Скорѣе всего, что такъ..

Равнина открытаго моря почти чернымъ кругомъ легала подъ легкимъ и свѣтлымъ куполомъ ночного неба. И затерянный въ этой круглой чернѣющей равнинѣ, маленькій пароходъ тупо и неуклонно держалъ свой путь. И безъ конца тянулась за нимъ сонно кипящая, блѣдно-млечная дорога — туда, въ даль, гдѣ ночное небо сливалось съ моремъ, гдѣ горизонтъ, въ силу противоположности съ этой млечностью, казался темнымъ, печальнымъ. И крутилась, крутилась бичева лага и печально и таинственно что-то отмѣчалъ, отсѣкалъ порою тонкій звонъ: дзи-инь...

Помолчавъ еще нѣкоторое время, собесѣдники негромко и просто сказали другъ другу:

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Приморскія Альпы, 1923.

Солнечный ударъ

Послѣ обѣда вышли изъ ярко и горячо освѣщенной столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку къ щеки, засмѣялась простымъ, прелестнымъ смѣхомъ, — все было прелестно въ этой маленькой женщинѣ, — и сказала:

— Я совсѣмъ пьяна... Вообще я совсѣмъ съ ума сошла. Откуда вы взялись? Три часа тому назадъ я даже не подозрѣвала о вашемъ существованіи. Я даже не знаю, гдѣ вы съли. Въ Самарѣ? Но все равно, вы милый. Это у меня голова кружится или мы куда-то поворачиваемъ?

Впереди была темнота и огни. Изъ темноты билъ въ лицо сильный, мягкій вѣтеръ, а огни неслись куда-то въ сторону: парходъ съ волжскимъ щегольствомъ круто описывалъ широкую дугу, подбѣгая къ небольшой пристани.

Поручикъ взялъ ея руку, поднесъ къ губамъ. Рука, маленькая и сильная, пахла загаромъ. И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, какъ, вѣроятно, крѣпка и смугла она вся подъ этимъ легкимъ холстинковымъ платьемъ послѣ цѣлаго мѣсяца лежанья подъ южнымъ солнцемъ, на горючемъ морскомъ пескѣ (она сказала, что ѣдетъ изъ Анань). Поручикъ пробормоталъ:

— Сойдемъ...

— Куда? — спросила она удивленно.

— На этой пристани.

— Зачѣмъ?

Онъ промолчалъ. Она опять приложила тыль руки къ горячей шекѣ.

— Сумасшедшій...

— Сойдемъ,—повторилъ онъ тупо. — Умоляю васъ...

— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите, — сказала она, отворачиваясь.

Разбѣжавшійся пароходъ съ мягкимъ стукомъ ударился въ тускло освѣщенную пристань, и они чуть не упали другъ на друга. Надъ головами пролетѣлъ конецъ каната, потомъ понесло назадъ, и съ шумомъ закипѣла вода, загремѣли сходни... Поручикъ кинулся за вещами.

Черезъ минуту они прошли сонную конторку, вышли на глубокой, по стулицу, песокъ и молча сѣли въ запыленную извозчичью пролетку. Отлогій подъемъ въ гору, среди рѣдкихъ кривыхъ фонарей, по мягкой отъ пыли дорогѣ, показался безконечнымъ. Но вотъ поднялись, выѣхали и затрещали по мостовой, вотъ какая-то площадь, присутственныя мѣста, каланча, тепло и запахи ночного лѣтняго уѣзднаго города... Извозчикъ остановился возлѣ освѣщеннаго подъѣзда, за раскрытыми дверями котораго круто поднималась старая деревянная лѣстница, старшій, небритый лакей въ розовой косовороткѣ и въ скрутокѣ недовольно взялъ вещи и пошелъ на своихъ растоптанныхъ ногахъ впередъ. Вошли въ большой, но страшно душный, горячо накаленный за день солнцемъ номеръ съ бѣлыми опущенными занавѣсками на окнахъ и двумя небожженными свѣчами на подзеркальникѣ, — и какъ только вошли и лакей затворилъ дверь, поручикъ такъ порывисто кинулся къ ней и оба такъ изступленно задохнулись въ поцѣлуѣ, что много лѣтъ вспоминали потомъ эту минуту: никогда ничего подобнаго не испыталь за всю жизнь ни тотъ, ни другой.

Въ десять часовъ утра, солнечнаго, жаркаго, счастливаго, со звономъ церковей, съ базаромъ на площади передъ гостинницей, съ запахомъ сѣна, дегтя и опять всего того сложнаго и пахучаго, чѣмъ пахнетъ русскій уѣздный городъ, она, эта маленькая безымянная женщина, такъ и не сказавшая своего имени, шутя называвшая себя прекрасной

незнакомкой, уѣхала. Спали мало, но, когда она вышла изъ-за ширмы возлѣ кровати, въ пять минутъ умывшись и одѣвшись, она была свѣжа, какъ въ семнадцать лѣтъ. Смущена-ли была она? Нѣтъ, очень немного. Попрежнему была проста, весела и — уже разсудительна.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, — сказала она въ отвѣтъ на его просьбу ѣхать дальше вмѣстѣ: — нѣтъ, вы должны остаться до слѣдующаго парохода. Если поѣдемъ вмѣстѣ, все будетъ испорчено. Миѣ это будетъ очень непріятно. Даю вамъ честное слово, что я совсѣмъ не то, что вы могли обо миѣ подумать. Никогда ничего даже похожего на то, что случилось, со мной не было, да и не будетъ больше. На меня точно затмение нашло... Или, вѣрнѣе, мы оба получили что-то вродѣ солнечнаго удара...

И поручикъ какъ-то легко согласился съ нею. Въ легкомъ и счастливомъ духѣ онъ довезъ ее до пристани, — какъ разъ къ отходу розоваго Самолета, — при всѣхъ поцѣловаль на палубѣ и едва успѣлъ вскочить на сходни, которыя уже двинули назадъ.

Такъ же легко, беззаботно и возвратился онъ въ гостиницу. Однако, что-то ужъ измѣнилось. Номеръ безъ нея показался какимъ-то совсѣмъ другимъ, чѣмъ былъ при ней. Онъ былъ еще полонъ ею — и пусть. Это было странно! Еще пахло ея хорошимъ англійскимъ одеколономъ, еще стояла на подносѣ ея недопитая чашка, а ея уже не было... И сердце поручика вдругъ сжалось такой нѣжностью, что поручикъ поспѣшилъ закурить и, хлопая себя по голенищамъ стѣкомъ, нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Странное приключеніе! — сказали онъ вслухъ, смѣясь и чувствуя, что на глаза его навертываются слезы. — „Даю вамъ честное слово, что я совсѣмъ не то, что вы могли подумать...“ И уже уѣхала... Нелѣпая женщина!

Ширма была отодвинута, постель еще не убрана. И онъ почувствовалъ, что просто нѣтъ силъ смотрѣть теперь на эту постель. Онъ закрылъ ее ширмой, затворилъ окна, чтобы не слышать базарнаго говора и скрипа колесъ, опустил бѣлыя пузырившіяся занавѣски, сѣлъ на диванъ...

Да, вот и конецъ этому „дорожному приключенію!“ Уф-хала—и теперь уже далеко, сидитъ, вѣроятно, въ стеклянномъ бѣломъ салонѣ или на палубѣ и смотритъ на огромную, блестящую подъ солнцемъ рѣку, на встрѣчные плоты, на желтыя отмели, на сияющую даль воды и неба, на весь этотъ безмѣрный волжскій просторъ... И прости, и уже навсегда, навѣки... Потому что гдѣ-же они теперь могутъ встрѣтиться? — „Не могу-же я, подумалъ онъ, не могу же я ни съ того, ни съ сего пріѣхать въ этотъ городъ, гдѣ ея мужъ, гдѣ ея трехлѣтняя дѣвочка, вообще вся ея семья и вся ея обычная жизнь!“ — И городъ этотъ показался ему какимъ-то особеннымъ, заповѣднымъ городомъ, и мысль о томъ, что она такъ и будетъ жить въ немъ своей одинокой жизнью, часто, можетъ быть, вспоминая его, вспоминая ихъ случайную, такую мимолетную встрѣчу, а онъ уже никогда не увидитъ ея, мысль эта изумила и поразила его. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Это было бы слишкомъ дико, неестественно, неправдоподобно! — И онъ почувствовалъ такую боль и такую ненужность всей своей дальнѣйшей жизни безъ нея, что его охватилъ ужасъ, отчаяніе.

— Что за чертъ! — подумалъ онъ, вставая, опять принимаясь ходить по комнатѣ и стараясь не смотрѣть на постель за ширмой. — Да что же это такое со мной? Кажется не въ первый разъ — и вотъ... Да что въ ней особеннаго и что собственно случилось? Въ самомъ дѣлѣ, точно какой-то солнечный ударъ! И главное, какъ же я проведу теперь, безъ нея, цѣлый день въ этомъ захолустьи?

Онъ еще помнилъ ее всю, со всѣми малѣйшими ея особенностями, помнилъ запахъ ея загара и холстинковаго платья, ея крѣпкое тѣло, живой, простой и веселый звукъ ея голоса... Чувство только что испытанныхъ наслажденій всей ея женской прелестью было еще живо въ немъ необыкновенно, но теперь главнымъ было все-таки это второе, совсѣмъ новое чувство — то странное, непонятное чувство, котораго совсѣмъ не было, пока они были вмѣстѣ, котораго онъ даже предположить въ себѣ не могъ, затѣ-

вая вчера это, какъ онъ думалъ, только забавное знакомство, и о которомъ уже не кому, не кому было сказать теперь! — „А главное, подумалъ онъ, вѣдь и никогда уже не скажешь! И что дѣлать, какъ прожить этотъ безконечный день, съ этими воспоминаніями, съ этой неразрѣшимой мукой, въ этомъ Богомъ забытомъ городишкѣ надъ той самой сіяющей Волгой, по которой унесъ ее этотъ розовый пароходъ!“

Нужно было спастись, чѣмъ-нибудь занять, отвлечь себя, куда-нибудь итти. Онъ рѣшительно надѣлъ картузь, взявъ стѣкъ, быстро прошелъ, звеня шпорами, по пустому корридору, сбѣжалъ по крутой лѣстницѣ на подъѣздъ... Да, но куда итти? У подъѣзда стоялъ извозчикъ, молодой, въ ловкой поддевкѣ, и спокойно курилъ сигарку, очевидно, дожидаясь кого-то. Поручикъ взглянулъ на него растерянно и съ изумленіемъ: какъ это можно такъ спокойно сидѣть на козлахъ, курить и вообще быть простымъ, безпечнымъ, равнодушнымъ? — „Вѣроятно, только я одинъ такъ страшно несчастенъ во всемъ этомъ городѣ“, подумалъ онъ, направляясь къ базару.

Базаръ уже развѣзжался. Онъ зачѣмъ-то походилъ по свѣжему навозу среди телѣгъ, среди возовъ съ огурцами, среди новыхъ мисокъ и горшковъ, и бабы, сидѣвшія на землѣ, наперебой зазывали его, брали горшки въ руки и стучали, звенѣли въ нихъ пальцами, показывая ихъ добротность, мужики оглушали его, кричали ему: — „Вотъ первый сортъ огурчики, ваше благородіе!“ — Все это было такъ глупо, нелѣпо, что онъ бѣжалъ съ базара. Онъ пошелъ въ соборъ, гдѣ пѣли уже громко, весело и рѣшительно, съ сознаниемъ исполненнаго долга, потомъ долго шагала, кружилъ по маленькому, жаркому и запущенному саду на обрывѣ горы, надъ неоглядной свѣтло-стальной ширью рѣки... Погоны и пуговицы его кителя такъ нажгло, что къ нимъ нельзя было прикоснуться. Околышъ картуза былъ внутри мокрый отъ пота, лицо пылало... Возвратясь въ гостиницу, онъ съ наслажденіемъ вошелъ въ большую и пустую прохладную столовую въ нижнемъ этажѣ, съ наслажденіемъ снялъ картузь и съѣлъ

за столикъ возлѣ открытаго окна, въ которое несло жаромъ, но все-таки вѣяло воздухомъ, и заказалъ ботвинью со льдомъ. Все было хорошо, во всемъ было безмѣрное счастье, великая радость; даже въ этомъ знѣи и во всѣхъ базарныхъ запахахъ, во всемъ этомъ незнакомомъ городишкѣ и въ этой старой уѣздной гостиницѣ была она, эта радость, а вмѣстѣ съ тѣмъ сердце просто разрывалось на части. Онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, закусывая малосольными огурцами съ укропомъ и чувствуя, что онъ, не задумываясь, умеръ бы завтра, если бы можно было какимъ-нибудь чудомъ вернуть ее, провести съ ней еще одинъ, нынѣшній день, — провести только затѣмъ, только затѣмъ, чтобы высказать ей и чѣмъ-нибудь доказать, убѣдить, какъ онъ мучительно и восторженно любитъ ее... Зачѣмъ доказать? Зачѣмъ убѣдить? Онъ не зналъ, зачѣмъ, но это было необходимѣе жизни.

— Совсѣмъ разгулялись нервы! — сказалъ онъ, наливая пятую рюмку водки.

Онъ выпилъ цѣлый графинчикъ, надѣясь одурманить, ошеломить себя, надѣясь, что, наконецъ, разрѣшится это мучительное и восторженное состояние. Но нѣтъ, оно все усиливалось.

Онъ отодвинулъ отъ себя ботвинью, спросилъ чернаго кофе и сталъ курить и напряженно думать: что же теперь дѣлать ему, какъ избавиться отъ этой внезапной, неожиданной любви? Но избавиться — онъ это чувствовалъ слишкомъ живо — было невозможно. И онъ вдругъ спяť быстро всталъ, взялъ картузь и стѣкъ и, спросивъ, гдѣ почта, торопливо пошелъ туда съ уже готовой въ головѣ фразой телеграммы: „Отнынѣ вся моя жизнь навѣки, до гроба ваша, въ вашей власти“. Но, дойдя до стараго толстостѣннаго дома, гдѣ была почта и телеграфъ, въ ужасѣ остановился: онъ зналъ городъ, гдѣ она живетъ, зналъ что у нея есть мужъ и трехлѣтняя дочка, но не зналъ ни фамилии, ни имени ея! Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ ее объ этомъ вчера за обѣдомъ и въ гостиницѣ, и каждый разъ она смѣялась и говорила:

— А зачѣмъ вамъ нужно знать, кто я? Я Марья Ма-

ревна, заморская царевна... Вообще прекрасная незнакомка... Развѣ не достаточно съ васъ этого?

На углу, возлѣ почты, была фотографическая витрина. Онъ долго смотрѣлъ на большой портретъ какого-то военнаго въ густыхъ эполетахъ, съ выпуклыми глазами, съ низкимъ лбомъ, съ поразительно великолѣпными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами... Какъ дико, какъ нелѣпо, страшно все будничное, обычное, когда сердце поражено, — да, поражено, онъ теперь понималъ это, — этимъ страшнымъ „солнечнымъ ударомъ“, слишкомъ большой любовью, слишкомъ большимъ счастьемъ! Онъ взглянулъ на чету новобрачныхъ — молодой человекъ въ длинномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, стриженный ежикомъ, вытянувшійся во фронтъ подъ руку съ дѣвицей въ подвѣчномъ газѣ, — перевелъ глаза на портретъ какой-то хорошенькой и задорной барышни въ студенческомъ картузѣ на бекрень... Потомъ, томясь мучительной завистью ко всѣмъ этимъ неизвѣстнымъ ему, не страдающимъ людямъ, сталъ напряженно смотрѣть вдоль улицы.

— Куда итти? Что дѣлать? — стоялъ въ его головѣ и душѣ неразрѣшимый, тяжкій вопросъ.

Улица была совершенно пуста. Дома были все одинаковые, бѣлые, двухэтажные, купеческіе, съ большими садами, и, казалось, что въ нихъ нѣтъ ни души; бѣлая густая пыль лежала на мостовой; и все это слѣпило, все было залито жаркимъ, пламеннымъ и радостнымъ, но здѣсь какъ будто безцѣльнымъ, солнцемъ. Вдали улица поднималась, горбилась и упиралась въ чистый, безоблачный сѣроватый, съ сиреневымъ отблескомъ небосклонъ. Въ этомъ было что-то южное, напоминающее Севастополь, Керчь... Анапу. Это было особенно нестерпимо. И поручикъ, съ опущенной головой, щурясь отъ свѣта, сосредоточенно глядя себѣ подъ ноги, шатаясь, спотыкаясь, цѣпляясь шпорой за шпору, зашагалъ назадъ.

Онъ вернулся въ гостиницу, настолько разбитый усталостью, точно совершилъ огромный переходъ гдѣ-нибудь въ Туркестанѣ, въ Сахарѣ. Онъ, собирая послѣднія силы,

вошелъ въ свой большой и пустой номеръ. Номеръ былъ уже прибранъ, лишены послѣднихъ слѣдовъ ея, — только одна шпилька, забытая ею, лежала на ночномъ столикѣ! Онъ спялъ китель и взглянулъ на себя въ зеркало: лицо его, — обычное офицерское лицо, сѣрое отъ загара, съ бѣлесыми, выгорѣвшими отъ солнца усами и голубоватой бѣлизной глазъ, отъ загара казавшихся еще бѣлѣе, — имѣло теперь возбужденное, сумасшедшее выраженіе, а въ бѣлой тонкой рубашкѣ со стоячимъ крахмальнымъ воротничкомъ было что-то юное и глубоко несчастное. Онъ легъ на кровать, на спину, положилъ запыленные сапоги на отвалъ. Окна были открыты, занавѣски опущены, и легкій вѣтерокъ отъ времени до времени надувалъ ихъ, вѣялъ въ комнату зноемъ нагрѣтыхъ желѣзныхъ крышъ и всего этого свѣтоноснаго и совершенно теперь олуствѣшаго, безмолвнаго и безлюднаго волжскаго міра. Онъ лежалъ, подложивъ руки подъ затылокъ, и пристально глядѣлъ въ пространство передъ собой. Потомъ стиснулъ зубы, закрылъ вѣки, чувствуя, какъ по щекамъ катятся изъ подъ нихъ слезы, — и, наконецъ, заснулъ, а когда снова открылъ глаза, за занавѣсками уже красновато желтѣло вечернее солнце. Вѣтеръ стихъ, въ номерѣ было душно и сухо, какъ въ духовой печи... И вчерашній день и нынѣшнее утро вспомнились такъ, точно они были десять лѣтъ тому назадъ.

Онъ не спѣша всталъ, не спѣша умылся, поднялъ занавѣски, позвонилъ и спросилъ самоваръ и счетъ, долго пилъ чай съ лимономъ. Потомъ приказалъ привести извозчика, вынести вещи и, садясь въ пролетку, на ея рыжее, выгорѣвшее сидѣнье, далъ лакею цѣлыхъ пять рублей.

— А похоже, ваше благородіе, что это я и привезъ васъ ночью! — весело сказалъ извозчикъ, берясь за вожжи.

Когда спустились къ пристани, уже синѣла надъ Волгой синяя лѣтняя ночь, и уже много разноцвѣтныхъ огоньковъ было разсѣяно по рѣкѣ, и огни висѣли на мачтахъ подбѣгающаго парохода.

— Въ аккурать доставилъ! — сказалъ извозчикъ заискивающе.

Поручикъ и ему далъ пять рублей, взявъ билетъ, прошелъ на пристань... Такъ же, какъ вчера, былъ мягкій стукъ въ ея причаль и легкое головокруженіе отъ зыбкости подъ ногами, потомъ летящій конецъ, шумъ закипѣвшей и побѣжавшей впередъ воды подъ колесами нѣсколько назадъ подавагося парохода... И необыкновенно привѣтливо, хорошо показалось отъ многолюдства этого парохода, уже вездѣ освѣщеннаго и пахнущаго кухней.

Черезъ минуту побѣжали дальше, вверхъ, туда-же, куда унесло и ее давеча утромъ.

Темная лѣтняя заря потухла далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцвѣтно отражаясь въ рѣкѣ, еще кое-гдѣ свѣтившейся дрожащей рябью вдали подъ ней, подъ этой зарей, и плыли и плыли назадъ огни, разсѣянные въ темнотѣ вокругъ.

Поручикъ сидѣлъ подъ навѣсомъ на палубѣ, чувствуя себя постарѣвшимъ на десять лѣтъ.

Приморскія Альпы. 1925.

И да

Однажды на Святкахъ завтракали мы вчетверомъ, — три старыхъ пріятели и нѣкто Георгій Ивановичъ, — въ Большомъ Московскомъ.

По случаю праздника въ Большомъ Московскомъ было пусто и прохладно, свѣжо пахло живыми цвѣта, гяцинтами и ландышами. Мы прошли старый залъ, блѣдно освѣщенный сѣрымъ морознымъ днемъ, и приостановились въ дверяхъ новаго, выбирая, гдѣ поуютнѣй сѣсть, оглядывая столы, только-что покрытые бѣлоснѣжными тугими скатертями. Сіяющій чистотой и любезностью распорядитель сдѣлалъ скромный и изысканный жестъ въ дальній уголъ, къ круглому столику за полукруглымъ диваномъ, подъ густымъ темнозеленымъ лавромъ. Пошли туда.

— Господа, — сказалъ композиторъ, заходя на диванъ и ваясь на него своимъ коренастымъ туловищемъ, — господа, я нынче почему-то угощаю и хочу пировать на славу. — Раскиньте-же намъ, услужающій, самобранную скатерть какъ можно щедрѣе, — сказалъ онъ, обращая къ половому свое широкое мужицкое лицо съ узкими глазами. — Вы мои королевскія замашки знаете.

— Какъ не знать, пора наизусть выучить, — сдержанно улыбаясь и ставя передъ нимъ пепельницу, отвѣтилъ старый умный половой съ чистой серебряной бородкой. — Будьте покойны, Павелъ Николаевичъ, постараемся...

И черезъ минуту появились передъ нами рюмки и фужеры, бутылки съ разноцвѣтными водками, розовая семга, смугло-тѣлесный балыкъ, блюдо съ раскрытыми на

ледяныхъ осколкахъ раковинами, оранжевый квадратъ честера, черная блестящая глыба паюсной икры, бѣлый и потный отъ холода ушатъ съ шампанскимъ... Начали все-таки съ перцовки. Композиторъ любилъ наливать самъ. И онъ налилъ три рюмки, потомъ шутливо замедлился:

— Святѣйшій Георгій Ивановичъ, и вамъ позволите?

Георгій Ивановичъ, имѣвшій единственное и пристрастное занятіе, — быть другомъ извѣстныхъ писателей, художниковъ, артистовъ, — человекъ весьма тихій и неизмѣнно прекрасно настроенный, нѣжно покраснѣлъ, — онъ всегда краснѣлъ передъ тѣмъ, какъ сказать что нибудь, — и отвѣтилъ съ нѣкоторой безшабашностью и развязностью:

— Даже и очень, грѣшнѣйшій Павелъ Николаевичъ!

И композиторъ налилъ и ему, легонько стукнулъ рюмкой о наши рюмки, махнулъ водку въ ротъ со словами: „Дай Боже!“ и, дую себѣ въ усы, принялся за закуски. Принялись и мы, и занимались этимъ дѣломъ довольно долго. Потомъ заказали уху и закурили. Въ старой залѣ нѣжно и грустно запѣла, укоризненно зарычала машина. И композиторъ, откинувшись къ спинкѣ дивана, затягиваясь папиросой и, по своему обыкновению, набирая въ свою высоко поднятую грудь воздуху, сказалъ:

— Дорогіе и, къ сожалѣнію, уже весьма почтенные друзья, мнѣ, не взирая на радость утробы моей, нынче грустно. А грустно мнѣ потому, что вспомнилась мнѣ нынче, какъ только я проснулся, одна небольшая исторія, случившаяся съ однимъ моимъ пріятелемъ, форменнымъ, какъ оказалось впоследствии, осломъ, ровно три года тому назадъ, на второй день Рождества...

— Исторія небольшая, но, виѣ всякаго сомнѣнія, амурная, — сказала Георгій Ивановичъ со своей дѣвичьей улыбкой.

Композиторъ покосился на негѣ.

— Амурная? — сказалъ онъ холодно и насмѣшливо.

— Ахъ, Георгій Ивановичъ, Георгій Ивановичъ, какъ вы будете за всю вашу порочность и безпощадный умъ на Страшномъ Судѣ отвѣчать? Ну, да Богъ съ вами. „Je veux un trésor qui les contient tous, je veux la jeunesse!“ — под-

милая брови, шабля онъ подъ машину, игравшую Фауста, и продолжалъ, обращаясь къ намъ:

— Друзья мои, вотъ эта исторія. Въ нѣкоторое время, въ нѣкоторомъ царствѣ, ходила въ домъ нѣкоего господина нѣкоторая дѣвица, подруга его жены по курсамъ, настолько незатѣйливая, милая, что господинъ звалъ ее просто Идой, то есть только по имени. Ида да Ида, онъ даже отчества ея не зналъ хорошенько. Зналъ только, что она изъ порядочной, но мало состоятельной семьи, дочь музыканта, бывшего когда-то извѣстнымъ дирижеромъ, живетъ при родителяхъ, ждетъ, какъ полагается, жениха — и больше ничего...

— Какъ вамъ описать эту Иду? Расположение господинъ чувствовалъ къ ней большое, но вниманія, повторю, обращалъ на нее, собственно говоря, ноль. Придетъ она — онъ къ ней: „А-а, Ида, дорогая! Здравствуйте, здравствуйте, душевно радъ васъ видѣть!“ А она въ отвѣтъ только улыбается, снимаетъ шляпку, трогаетъ обѣими руками волосы, прячетъ носовой платочекъ въ муфту, ясно, по дѣвичьи (и немножко бессмысленно) оглядывается: „Маша дома?“ — „Дома, дома, милости просимъ...“ — „Можно къ ней?“ — И спокойно идетъ черезъ столовую къ дверямъ Маши: „Маша, къ тебѣ можно?“ — Голосъ грудной, до самыхъ жабръ волнующій, а къ этому голосу прибавьте все прочее: свѣжесть молодости, здоровья, благоуханіе дѣвушки, только что вошедшей въ комнату съ мороза... затѣмъ довольно высокій ростъ, стройность, рѣдкую гармоничность и естественность движеній... Было и лицо у нея рѣдкое, — на первый взглядъ какъ будто совсѣмъ обыкновенное, а приглядись — залюбуешься: тонъ кожи ровный, теплый, — тонъ какого-нибудь самого перваго сорта яблока, — цвѣтъ фиалковыхъ глазъ живой, полный...

— Да, приглядись, — залюбуешься. А этотъ болванъ, то есть герой нашего разсказа, поглядитъ, придетъ въ телчій восторгъ, скажетъ: „Ахъ, Ида, Ида, цѣны вы себѣ не знаете!“ — увидитъ ея отвѣтную, милую, но какъ будто не совсѣмъ внимательную улыбку — и уйдетъ къ себѣ, въ свой кабинетъ, и опять займется какой-нибудь чепухой,

называемой творчествомъ, чортъ бы его побралъ совсѣмъ. И такъ вотъ и шло время, и такъ нашъ господинъ даже никогда и не задумался объ этой самой Идѣ мало мальски серьезно — и совершенно, можете себѣ представить, не замѣтилъ, какъ она, въ одно прекрасное время, исчезла куда-то. Нѣтъ и нѣтъ Иды, а онъ даже не догадывается у жены спросить: а куда-же, молъ, наша Ида дѣвалась? Вспомнить иной разъ, почувствуетъ, что ему чего-то не достааетъ, вообразить сладкую муку, съ которой онъ могъ бы обнять ея талію, мысленно увидеть ея сѣрую муфточку, цвѣтъ ея лица и фіалковыхъ глазъ, ея прелестную руку, ея англійскую юбку, затоскуеть на минуту — и опять забудеть. И прошелъ такимъ родомъ годъ, прошелъ другой... Какъ вдругъ понадобилось однажды ему ѣхать въ западный край...

— Дѣло было на самое Рождество. Но, не взирая на то, ѣхать было необходимо. И вотъ, простясь съ рабами и домочадцами, сѣлъ нашъ господинъ на борзого коня и поѣхалъ. Ёдетъ день, ёдетъ ночь и доѣзжаетъ наконецъ до большой узловой станицы, гдѣ нужно пересаживаться. Но доѣзжаетъ, нужно замѣтить, со значительнымъ опозданіемъ и посему, какъ только сталь поѣздъ замедлять возлѣ платформы ходъ, выскакиваетъ изъ вагона, хватаетъ за шиворотъ перваго попавшагося носильщика и кричить: „Не ушелъ еще курьерскій тула-то?“ А носильщикъ вѣжливо усмѣхается и молвитъ: „Только что ушелъ-съ. Вѣдь вы на цѣлыхъ полтора часа изволили опоздать“. — „Какъ, негодяй? Ты шутишь? Что-жъ я теперь дѣлать буду? Въ Сибирь тебя, на каторгу, не плаху!“ — „Мой грѣхъ, мой грѣхъ, отвѣчаетъ носильщикъ, да повинную голову и мечъ не сѣчетъ, ваше сіятельство. Извольте подождать пассажирскаго...“ И поникъ головой и покорно побрелъ нашъ знатный путешественникъ на станцію...

— На станци же оказалось весьма людно и пріятно, уютно, тепло. Уже съ недѣлю несло вьюгой, и на желѣзныхъ дорогахъ все спуталось, всѣ расписанія пошли къ чорту, на узловыхъ станцияхъ было полнымъ полно. То же самое было, конечно и здѣсь. Вездѣ народъ и вещи, и

весь день открыты буфеты, весь день пахнет кушаньями, самоварами, кофеемъ, что, какъ извѣстно, очень не плохо въ морозъ и вьюгу. А кромѣ того, былъ этотъ вокзалъ богатый, просторный, такъ что мгновенно почувствовалъ путешественникъ, что не было бы большой бѣды просидѣть въ немъ даже сутки. „Приведу себя въ порядокъ, потомъ изрядно закушу и выпью“, съ удовольствіемъ подумалъ онъ, входя въ пассажирскую залу, и тотчасъ же приступилъ къ выголненію своего намѣренія. Онъ побрился, умылся, надѣлъ чистую рубаху и, выйдя черезъ четверть часа изъ уборной помолодѣвшимъ на двадцать лѣтъ, направился къ буфету. Тамъ онъ выпилъ одну, затѣмъ другую, закусилъ сперва пирожкомъ, потомъ жидовской шуккой и уже хотѣлъ было еще выпить, какъ вдругъ услыхалъ за спиной своей какой то страшно знакомый, чудеснѣйшій въ мірѣ женскій голосъ. Тутъ онъ, конечно, „порывисто“ обернулся — и, можете себѣ представить, кого увидѣлъ передъ собой? Иду!

— Отъ радости и удивленія, первую секунду онъ даже слова не могъ произнести и только, какъ баранъ на новыя ворота, смотрѣлъ на нее. А она — что значить, друзья мои, женщина! — даже бровью не моргнула. Разумѣется, и она не могла не удивиться и даже изобразила на лицѣ нѣкоторую радость, но спокойствіе, говорю, сохранила отмѣнное. „Дорогой мой, говорить, какими судьбами? Вотъ пріятная встрѣча!“ И по глазамъ видно, что говорить правду, но говорить ужъ какъ-то черезчуръ просто и совсѣмъ, совсѣмъ не съ той манерой, какъ говорила когда-то, главное-же... чуть-чуть насмѣшливо, что ли. А господинъ нашъ вполне опѣшилъ еще и отъ того, что и во всемъ прочемъ совершенно неиззнаема стала Ида: какъ-то удивительно расцвѣла вся, какъ расцвѣтаетъ какой-нибудь великолѣпнѣйшій цвѣтокъ въ чистѣйшей водѣ, въ какомънибудь этакомъ хрустальномъ бокалѣ, а соотвѣтственно съ этимъ и одѣта: большой скромности, большого кокетства и дьявольскихъ денегъ зимняя шляпка, на плечахъ тысячная соболья накидка... Когда господинъ неловко и смиренно поцѣловалъ ее руку въ ослѣпительныхъ

перстняхъ, она слегка кивнула шляпкой назадъ, черезъ плечо, небрежно сказала: „Познакомьтесь кстати съ моимъ мужемъ.“ — и тотчасъ же быстро выступилъ изъ-за нея и скромно, но молодцомъ, по-военному представился студентъ...

— Ахъ, наглець! — воскликнулъ Георгій Ивановичъ. — Обыкновенный студентъ?

— Да въ томъ-то и дѣло, дорогой Георгій Ивановичъ, что необыкновенный, — сказалъ композиторъ съ невеселой усмѣшкой. — Кажется, за всю жизнь не видалъ нашъ господинъ такого, что называется, благороднаго, такого чудеснаго, мраморнаго юношескаго лица. Одѣтъ щеголемъ: тужурка изъ того самаго тонкаго свѣтло-сѣраго сукна, что носятъ только самые большіе франты, плотно облегающая ладный торсъ, панталоны со штрипками, темно-зеленая фуражка прусскаго образца и роскошная николаевская шинель съ бобромъ. А при всемъ томъ симпатиченъ и скромнень тоже на рѣдкость. Ида пробормотала одну изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ фамилій, а онъ быстро снялъ фуражку рукой въ бѣлой замшевой перчаткѣ, — въ фуражкѣ, конечно, мелькнуло красное муаровое дно, — быстро обнажилъ другую руку, тонкую, блѣдно-лазурную и отъ перчатки немножко какъ-бы въ мукѣ, щелкнулъ каблуками и почтительно уронилъ на грудь небольшую и тщательно причесанную голову. „Вотъ такъ штука!“ — еще изумленнѣе подумалъ нашъ герой, еще разъ тупо взглянулъ на Иду — и мгновенно понялъ по взгляду, которымъ она скользнула по студенту, что, конечно, она царица, а онъ рабъ, но рабъ однако не простой, а несущій свое рабство съ величайшимъ удовольствіемъ и даже гордостью. — „Очень, очень радъ познакомиться!“ — отъ всей души сказалъ этотъ рабъ, крѣпко пожавъ протянутую руку, и съ бодрой и пріятной улыбкой выпрямился. — „И давній поклонникъ вашъ, и много слышалъ о васъ отъ Иды“, сказалъ онъ, дружелюбно глядя, и уже хотѣлъ было пуститься въ дальнѣйшую, приличествующую случаю бесѣду, какъ неожиданно былъ перебитъ: „Помолчи, Петрикъ, не конфузъ меня, сказала Ида поспѣшно и обрати-

лась къ господину: — „Дорогой мой, но я васъ тысячу лѣтъ не видала! Хочется безъ конца говорить съ вами, но совсѣмъ нѣтъ охоты говорить при немъ. Ему неинтересны наши воспоминанія, будетъ только скучно и отъ скуки неловко, поэтому пойдѣмъ, похолодимъ по платформѣ...“ И сказавъ такъ, взяла она нашего раба Божьяго подъ руку и повела на платформу, а по платформѣ ушла съ нимъ чуть не за версту, гдѣ снѣгъ былъ чуть не по колѣно, и — неожиданно изъяснилась тамъ въ любви къ нему...

— То-есть, какъ въ любви? — въ одинъ голосъ спросили мы, слегка опѣшивъ.

Композиторъ вмѣсто отвѣта онять набралъ воздуха въ грудь, надуваясь и поднимая плечи. Онъ опустилъ глаза и, мѣшковато приподнявшись, потащилъ изъ серебрянаго ушата, изъ шуршащаго льда, бутылку, налилъ себѣ самый большой фужеръ. Скулы его зардѣлись, короткая шея покраснѣла. Пересиливая и стараясь скрыть смущеніе, онъ выпилъ бокаль до дна, какъ квасъ, затянулъ было подъ машину: „Laisse moi, laisse moi contempler ton visage!“ — но тотчасъ же оборвалъ и, рѣшительно поднявъ на насъ еще болѣе съузвившіеся глаза, сказалъ:

— Да, то-есть такъ что въ любви... И объясненіе это было, къ несчастью, самое настоящее, совершенно серьезное. Глупо, дико, неожиданно, неправдоподобно? Да, разумѣется, но — фактъ. Было именно такъ, какъ я вамъ докладываю. Пошли они по платформѣ, и тотчасъ начала она быстро и съ притворнымъ оживленіемъ разспрашивать его о Маши, о томъ, какъ, молъ, она поживаетъ и какъ поживаютъ ихъ общіе московскіе знакомые, что вообще новенькаго въ Москвѣ и такъ далѣе, затѣмъ сообщила, что замужемъ она уже второй годъ, что жили они съ мужемъ это время частью въ Петербургѣ, частью за границей, а частью въ ихъ имѣнны подъ Витебскомъ... Господинъ же только поспѣшно шелъ за ней и уже чувствовалъ, что дѣло что-то неладно, что сейчасъ будетъ что-то дурное, неправдоподобное, и во всѣ глаза смотрѣлъ на бѣлизну снѣжныхъ сугробовъ, въ невѣроятномъ количествѣ завалившихъ все и вся вокругъ, — всѣ эти плат-

формы, пути, крыши построекъ и красныхъ и зеленыхъ вагоновъ, сбившихся на всѣхъ путяхъ... смотрѣлъ и съ страшнымъ замираніемъ сердца понималъ только одно: то, что, оказывается, онъ уже много лѣтъ звѣрски любитъ эту самую Иду. И вотъ, можете себѣ представить, что произошло дальше: дальше произошло то, что на какой-то самой дальней, боковой платформѣ Ида подошла къ какимъ-то ящикамъ, смахнула съ одного изъ нихъ снѣгъ муфтой, сѣла и, поднявъ на господина свое слегка поблѣднѣвшее лицо, свои фіалковые глаза, до умопомраченія неожиданно, безъ передышки сказала ему: „А теперь, дорогой, отвѣтите мнѣ еще на одинъ вопросъ: знали-ли вы и знаете-ли вы теперь, что я любила васъ цѣлыхъ пять лѣтъ и люблю до сихъ поръ?“

Машина, до этой минуты рычавшая вдали неопредѣленно и глухо, вдругъ загрохотала героически, торжественно и грозно. Композиторъ смолкъ и поднялъ на насъ какъ бы испуганные и удивленные глаза. Потомъ негромко произнесъ:

— Да, вотъ что сказала она ему... А теперь позвольте спросить: какъ изобразить всю эту сцену дурацкими человѣческими словами? Что я могу сказать вамъ, кромѣ пошлостей, про это поднятое лицо, освѣщенное блѣдностью того особаго снѣга, что бываетъ послѣ метелей, и про нѣжнѣйшій неизъяснимый тонъ этого лица, тоже подобный этому снѣгу, вообще про лицо молодой, прелестной женщины, на ходу надышавшейся снѣжнымъ воздухомъ и вдругъ признавшейся вамъ въ любви и ждущей отъ васъ отвѣта на это признание? Что я сказалъ про ея глаза? Фіалковые? Не то, не то, конечно, не то, ни къ чорту не годится! А полураскрытыя губы? А выраженіе, выраженіе всего этого въ общемъ, вмѣстѣ, то-есть лица, глазъ и губъ? А длинная соболья муфта, въ которую были спрятаны ея руки, а колѣни, которыя обрисовывались подъ какой-то клѣтчатой сине-зеленой шотландской матеріей? Боже мой, да развѣ можно даже касаться словами всего этого! А главное, главное: что-же можно было отвѣтить на это съ ногъ сшибательное по неожиданности, ужасу и

счастью признаніе, на выжидающее выражение этого до-
вѣрчиво поднятаго, поблѣднѣвшаго и исказившагося (отъ
смущенія, отъ какого-то подобія улыбки) лица?

Мы молчали, тоже не зная, что сказать, что отвѣ-
тить на всѣ эти вопросы, съ удивленіемъ глядя на свер-
кающіе глазки и красное лицо нашего пріятеля. И онъ
самъ отвѣтилъ себѣ:

— Ничего, ничего, ровно ничего! Есть мгновения, ко-
гда ни единаго звука нельзя вымолвить. И, къ счастью,
къ великой чести нашего путешественника, онъ ни звука
и не вымолвилъ. И она поняла его окаменѣше, она видѣла
его лицо. Подождая нѣкоторое время, побывъ непод-
вижно среди того нелѣпаго и жуткаго молчанія, которое
постѣдовало послѣ ея страшнаго вопроса, она поднялась
и, вынувъ теплую руку изъ теплой, душистой муфты, об-
няла его за шею и нѣжно и крѣпко поцѣловала однимъ
изъ тѣхъ поцѣлуевъ, что помнятся потомъ не только до
гробовой доски, но и въ могилѣ. Да-съ, только и всего:
поцѣловала — и ушла. И тѣмъ вся эта исторія и кончи-
лась... И вообще довольно объ этомъ, — вдругъ рѣзко
мѣняя тонъ, сказалъ композиторъ и громко, съ напускной
веселостью прибавилъ: — И давайте по сему случаю пить
на сломную голову! Пить за всѣхъ любившихъ насъ, за
всѣхъ, кого мы, идиоты, не оцѣнили, съ кѣмъ мы были
счастливы, блаженны, а потомъ разошлись, растерялись
въ жизни навсегда и навѣки, и все-же навѣки связаны са-
мой страшной въ мірѣ связью! И давайте условимся такъ:
тому, кто въ добавленіе ко всему вышеизложенному при-
бавить еще хоть единое слово, я пушу въ черепъ вотъ
этой самой шампанской бутылкой. — Услужающій! — за-
кричалъ онъ на всю залу: — несите уху! И хересу, хе-
ресу, бочку хересу, чтобы я могъ окунуть въ него морду
прямо съ рогами!

Завтракали мы въ этотъ день до одиннадцати часовъ
вечера. А послѣ поѣхали къ Яру, а отъ Яря—въ Стрѣльну,
гдѣ передъ разсвѣтомъ ѣли блины, потребовали водки
самой простой, съ красной головкой, и вели себя въ об-
щемъ возмутительно: пѣли, оралы и даже плясали казачка.

Композиторъ плясалъ молча, свирѣло и восторженно, съ легкостью необыкновенной для его фигуры. А неслись мы на тройкѣ домой уже совсѣмъ утромъ, страшно морознымъ и розовымъ. И когда неслись мимо Страстного монастыря, показалось изъ-за крышъ ледяное красное солнце и съ колокольни сорвался первый, самый какъ-будто тяжкій и великолѣпный ударъ, потрясшій всю морозную Москву, и композиторъ вдругъ сорвалъ съ себя шапку и что есть силы и со слезами закричалъ на всю площадь:

— Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!

Приморскія Альпы, 1925.

Содержаніе

	Стр.
Грамматика любви	5
Игнатъ	16
При дорогѣ	48
Легкое дыханіе	76
Сынъ	83
Метеоръ	97
Неизвѣстный другъ	103
Въ ночномъ морѣ	113
Солнечный ударъ	122
Ида	131

Сочиненія Ив. БУНИНА.

Зарубежныя изданія:

Мистеріи	Берлинъ, 1921 г.
Пѣснь о Гайаватѣ	Парижъ, 1921 г.
Крѣсь	Берлинъ, 1921 г.
Чаша жизни	Парижъ, 1921 г.
Господинъ изъ С. Франциско	Парижъ, 1921 г.
Роза Іерихона	Берлинъ, 1924 г.
Митина любовь	Парижъ, 1925 г.
Солнечный ударъ	Парижъ, 1926 г.
Послѣднее свиданіе	Парижъ, 1929 г.
Избранные стихи	Парижъ, 1929 г.
Жизнь Арсеньева	(готовится къ печ.)